

3(41)

В

Золотой лотос-2011

ВРАТА СИБИРИ

АЛЬМАНАХУ -

15

ЛЕТ

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года

учредитель
и издатель:

ОАО
«Тюменский издательский дом»

Редактор
Леонид ИВАНОВ

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ:

№ 3 (41)

С.В. БЕЛКИН
М.М. ГАРДУБЕЙ
А.Н. ДВИЗОВ
И.Ф. КНАПИК
Н.И. КОНЯЕВ
В.Е. КОПЫЛОВ
В.Ю. СОФРОНОВ
В.Л. СТРОГАЛЬЩИКОВ
А.П. ЯРКОВ

Тюмень
2014

Содержание

Интервью накануне праздника.....4

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Александр ШЕСТАКОВ «Гусей крикливых караван...».....10

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ Открытый портал. Повесть.....13

Наталья ВЕРХОЗИНА Исповедь. Странная женщина. Рассказы...55

ПОЭЗИЯ

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ (73), Олег ДРЕБЕЗГОВ (77)

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ Сапоги. Рассказ.....81

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Владимир МОСКОВКИН Одинокое плавание. Рассказ.....88

Любовь АНОХИНА Стихи107

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Сергей КАМЫШНИКОВ (111), Юрий ПЕРЕПЛЁТКИН (117)

КУЛЬТУРА И ДУХОВНОСТЬ

Всеволод БЕССАРАБ, Тюмень и Джанго Рейнхардт:
Леонид ЖАРОВ «Ищем женщину!».....119

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА Возвращение через столетие.....127

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мария СИНЮКОВА Константин Лагунов:
на путях к философскому роману.....133

Из частной переписки К.Я. Лагунова
1960-1980-х гг.140

ЧЕЛОВЕК И ВЕРА

Николай ПАЧЕЖЕРЦЕВ Мормоны в Сибири.....146

У НАС В ГОСТЯХ

Альманах «ЭРИНТУР»

Маргарита АНИСИМКОВА Дровокол Гоша.....158

Виктор КОЗЛОВ (169), Владимир ВОЛКОВЕЦ (172),

Дмитрий МИЗГУЛИН (175), И. СЕВЕРСКИЙ (178),

Станислав ЮРЧЕНКО (182)

Сергей ЛУЦКИЙ Дембельский бог.....185

Коротко об авторах197

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Общероссийская общественная организация
правление

119992, МОСКВА, Комсомольский проспект, 13

тел.: 8 (499) 246-7565
факс: 8 (499) 245-2902

ТЕЛЕГРАММА

Журнал «Врата Сибири», главному редактору Леониду Иванову

Уважаемый Леонид Кириллович!

Правление Союза писателей России поздравляет писателей и читателей журнала «Врата Сибири» с 15-летием со дня выхода первого номера.

Созданный в трудные для экономики региона и страны время журнал «Врата Сибири» за годы своего существования стал большим событием в литературной и культурной жизни Тюменской области. В пору становления, по разным причинам он трижды менял своё название, но при этом оставался верен принципу: публиковать всё самое лучшее, что написано тюменскими авторами, в то же время давая широкое представление о литературном процессе России, отводя свои страницы видным писателям, историкам и краеведам из Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Омска, Краснодара и других регионов страны.

В журнале публиковались лучшие произведения основоположников областной писательской организации Константина Лагунова, Ивана Ермакова, Зота Тоболкина. Наряду с известными авторами печатались молодые, начинающие. Именно через журнал «Врата Сибири» входили в литературу, позднее став членами Союза писателей России, поэты Сергей Горбунов, Виталий Огородников, Екатерина Пионт, прозаик Леонид Иванов и другие. Активными авторами журнала с первого номера были краеведы, член Всесоюзного Пушкинского общества, писатель Аркадий Захаров и Юрий Мандрика, искусствоведы Наталья Сезёва и Александр Валов.

Доброе благодарное слово надо сказать основателю и первому редактору журнала, поэту и прозаику Анатолию Васильеву. Он много сделал для того, чтобы журнал обрёл своё творческое лицо. Отраднo, что и новый редактор сейчас продолжает добрые традиции, наработанные за пятнадцать лет существования, и отраднo, что к ним добавилось стремление к продвижению альманаха на российский уровень, завязалась тесная творческая дружба с аналогичными литературными изданиями других регионов.

Новых творческих успехов авторам журнала и всем, кто имеет отношение к его выходу в свет.

Валерий Ганичев
председатель правления Союза писателей России.

ИНТЕРВЬЮ НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Накануне 15-летия литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири» в эфире ГТРК «Регион-Тюмень» писатель и журналист Анатолий Омельчук взял интервью у редактора альманаха Леонида Иванова.

Омельчук: Добрый вечер, уважаемые тюменцы, уважаемые телезрители. Сегодня в студии телерадиокомпании «Регион-Тюмень» для вас, исключительно для вас, известный тюменский, известный сибирский, известный русский писатель и главный редактор журнала «Врата Сибири» Леонид Кириллович Иванов. Добрый вечер!

Иванов: Здравствуйте!

Омельчук: Насколько широко в Тюмени открыты врата, не просто в Сибирь, а в литературную Сибирь?

Иванов: Я не могу отвечать за все прошлые годы, потому что журнал выходит 15 лет, а я новоиспеченный редактор. Все-таки я думаю, что его можно смело назвать открытым, поскольку за 15 лет существования журнал обрел своё лицо. На его страницах публиковались практически все наши маститые писатели, такие, как Зот Тоболкин, Константин Лагунов, Анатолий Васильев, Виктор Строгальщиков, Александр Мищенко, Николай Коняев. Многие сегодняшние члены Союза писателей именно во «Вратах Сибири» начинали своё вхождение в литературу. Это Аркадий Захаров, Виктор Коробейников, Сергей Горбунов, Виталий Огородников, Екатерина Пионт и другие. В альманахе публиковались произведения известных поэтов и прозаиков Омска, Томска, Иркутска, Красноярска, Алтая, так что его действительно с полным на то основанием можно назвать вратами в сибирскую литературу, хотя я бы и не стал сибирскую рассматривать в отрыве от российской только на основании адреса проживания авторов.

Я напомним, что журнал назывался «Сибирское богатство», «Сибирский тракт», с 1999 года – «Врата Сибири», но, меняя название, он сохранял свою первоначальную концепцию, которая и позволила доктору филологических наук, профессору Сергею Комарову назвать его заметным явлением в литературной и культурной жизни Сибири.

Омельчук: Т.е. будущие потомки, если читатели останутся еще лет через 20-30, по альманаху смогут судить об уровне литературы здесь...

Иванов: Художественной литературы. Безусловно! Потому что профессиональный уровень все эти годы оставался высоким. Отчасти в ущерб тюменским авторам, которые нередко не могли «пробиться» на страницы альманаха.

Омельчук: По интонации я понял, что с приходом нового редактора ситуация будет меняться.

Иванов: Я считаю, что несправедливо издавать альманах на деньги бюджета Тюменской области и при этом до половины объёма отдавать писателям других регионов. Надо давать возможность своим, пусть даже в ущерб уровню мастерства. Как я всегда шучу, мировая художественная литература от этого не пострадает. Надо давать дорогу молодым.

Омельчук: Значит, теперь во «Врата Сибири» не тюменские, но сибирские писатели войти не смогут?

Иванов: Отчего же? Но организованным порядком, через обменные блоки. К примеру, мы в очередном номере публикуем ямальских авторов, а ямальский литературный журнал публикует в таком же объёме тюмен-

ских. Эта работа уже начата, мы договорились о таком обмене с омичами, с писателями Алтая.

Омельчук: Леонид Кириллович, велик ли литературный ресурс нашего региона?

Иванов: Я думаю, что ресурс большой. Другое дело, у нас нет молодых, вернее, они есть, но в литературе пока о себе серьезно не заявили. Средний возраст членов Союзов писателей порядка 70-ти лет, если не за 70 лет.

Омельчук: Ну, и понятно, что эти мастодонты, конечно, молодых признать еще лет 10-15 не будут?

Иванов: По опыту работы созданного несколько лет назад при Тюменском государственном нефтегазовом университете литературного объединения, которое превратилось в областной клуб общения людей, увлечённых литературным творчеством и работает на базе областной библиотеки им. Менделеева, могу с уверенностью сказать, что молодых талантливых авторов много, но они не уверены в своих силах и заявить о себе пытаются робко. Нужны опытные наставники. Такие, как, например, Антонина Маркова. Она уже много лет пестует молодых, даже юных авторов, начиная работать с одарёнными со школьного возраста. Некоторые её воспитанники уже окончили не только школу, но и вузы, издали первые хорошие поэтические сборники. Способствует выявлению молодых талантов организованный Тюменской городской библиотечной системой поэтический конкурс им. Александра Гришина.

Омельчук: Есть примеры?

Иванов: Пожалуйста! Я назову в первую очередь уже имеющих высшее образование Инну Рязанову, Маргариту Чекунову, студенток Марию Микерину и Славину Усольцеву. И это далеко не всё. Недавно на собрании Союза писателей России я говорил, что писателям надо брать пример с ученых. Профессор берет способного студента, его пестует до аспирантуры, потом становится научным руководителем при работе над кандидатской, докторской. В своё время были литературные студии у Николая Денисова и Александра Мищенко. Многие их воспитанники стали членами Союза писателей. Увы, в последние годы такая работа практически не ведётся.

Омельчук: Предлагаете клонировать? В любом случае, он будет подержан вашему учительскому, менторскому влиянию?

Иванов: Они не будут писать точно так же, как пишем мы. Я в этом уверен. Выпускники Литературного института не подражают руководителям своих семинаров, а идут в литературу своим путём.

Омельчук: Не точно так же, как наставник, но обязательно похуже?

Иванов: Ну, может, даже наоборот – получше.

Омельчук: У «Врат Сибири» широкий круг авторов?

Иванов: Авторов много. Я в наследство от Анатолия Васильева получил два сундука рукописей, теперь разбираюсь в этих рукописях... Причем некоторые лежат по 10-12 лет.

Омельчук: Они ж, наверное, не устарели, написаны с точки зрения вечности?

Иванов: Ну, художественная литература не должна быть сиюминутным отражением события, а отражать вечные ценности. Просто за это время у их авторов вышли книжки, в них могли войти и эти произведения. Что-то было опубликовано в других журналах, поэтому чтобы не повторяться, придётся в каждом конкретном случае выяснять у авторов. Им от прежней редакции были даны определённые обещания, причём от имени альманаха, а не себя лично. Так что многое придётся выполнять уже мне.

Омельчук: Т.е. у Тюмени вполне хватит силенок на второй альманах, конкурент, а то ж конкуренции нету?

Иванов: У нас есть конкуренция. В Тюмени выходит литературно-краеведческий альманах «Лик». Он, правда, форматом поменьше, и нет пока вот такой четкой периодичности, как у нас, но он издается. У нас выходят краеведческие альманахи в Ишиме, в Ялutorовске. Издаются коллективные сборники самодельных авторов «Поэты земли Тюменской», сборники в муниципальных образованиях. Так что конкуренция имеется.

Омельчук: Читатели спрашивают, почему журнал выходит маленьким тиражом?

Иванов: Тираж журнала тысяча экземпляров. Это...

Омельчук: По нынешним временам неплохо?

Иванов: Да, по-моему, вполне достаточный. Из этих тысячи экземпляров 500 рассылаются по всем библиотекам, в том числе школьным. И половина остается для свободной продажи, для подписки.

Омельчук: Вопрос Надежды из Ишима. Можно ли подписаться на журнал «Врата Сибири», и как это сделать?

Иванов: Никаких проблем. Подписку с любого номера можно оформить прямо в Тюменском издательском доме: 625031, г.Тюмень, ул. Шишкова, 6, E-mail: reklama.9@mail.ru и на сайте издательства <http://www.tid.ru/>.

Омельчук: Двадцатилетняя читательница Вероника интересуется, каковы критерии отбора рукописей, чтобы иметь возможность напечататься в альманахе «Врата Сибири». Финансовый вопрос при этом важен?

Иванов: Главное, чтобы было написано хорошо. Я могу не разделять позицию автора, но если это написано на высокохудожественном уровне, будет опубликовано. Если человек имеет в виду, платят ли гонорар, платят. Это один из немногих, наверное, журналов страны, где пока есть гонорар. Ну, а чтобы заплатить для того чтобы опубликоваться, я категорически против. Потому что это сразу снижает художественный уровень. Заплатил деньги и опубликовал любую чушь. Платные издания сразу же опускаются на уровень графоманства, поскольку уважающий себя писатель не будет платить деньги за возможность опубликоваться в том или ином журнале.

Омельчук: И в истории «Врат Сибири» такого прецедента не было?

Иванов: Я думаю, что не было.

Омельчук: Тысяча экземпляров, а круг преданных читателей равен тиражу или гораздо больше?

Иванов: Я думаю, что, может быть, даже меньше. Поскольку я бываю в библиотеках города и области, всегда смотрю, читают ли наши книги. Смотрю и убеждаюсь, что читают мало.

Омельчук: Как раз читатель Антон из Тюмени спрашивает, как думаете, почему тюменских авторов мало читают? Что необходимо сделать для того, чтобы ваши, ваших коллег книги были популярнее легких романов?

Иванов: Я не знаю, проводились или нет на этот счет какие-то исследования, разные люди называют разные цифры процентов читающего населения – от десяти до пятидесяти с лишним. Почему так мало читают? Я думаю, что виной тому – на смену романам, которыми зачитывались люди в конце 80-х, это и «Дети Арбата», и «Белые одежды», и другие, произошёл наплыв низкосортной литературы начала 90-х годов. Её подавали, как запрещённую советской цензурой, но на самом деле в основном это были произведения, не заслуживающие никакой критики. Вот эти массовым

тиражом выброшенные на рынок «пустышки» и отбили у людей всякое желание читать. Потому что читать было нечего. И давайте будем открыты: за последние 25 лет много ли у нас появилось таких писателей, которые со временем будут признаны классиками? В основном – женские романы и детективы, которые пишутся целыми бригадами, а издаются под именами раскрученных авторов. Это не литература, это чистой воды бизнес для извлечения как можно большей прибыли на вкусах неизощрённых читателей. Увы!

Омельчук: Леонид Кириллович, ваш читатель Сергей Пахомов говорит, что Ваша книга «Покойники – народ смиренный» многих удивила. Почему Вы сделали финал из не очень жизнеутверждающего положения предыдущей жизни героя в оптимистичный?

Иванов: У нас сейчас и с экранов телевизоров, и в литературе настолько много негатива, что хочется противопоставлять этому что-то доброе, вселяющее оптимизм и надежду. Поскольку в повести «Покойники – народ смиренный» герой выходит на свободу из мест заключения и на воле сталкивается с проблемой трудоустройства настолько остро, что вынужден идти кладбищенским сторожем, где снова сталкивается с криминалом, становится не просто свидетелем, но и соучастником преступлений. Но там же, на погосте, он знакомится с девушкой, у них возникают взаимные симпатии, а затем любовь. И они бегут из этого города. Поэтому при переиздании я назвал эту повесть «Побег с погоста». Так вот, презентацию этой книги мы провели в одной из тюменских колоний, где книга была встречена очень хорошо, потому что там же не все отъявленные бандиты, есть много людей, оказавшихся в колонии по глупости, по пьянке. И они хотят надеяться, что у них тоже, как у героя моей повести, всё в жизни наладится. Их же дома ждут родители, матери, которые выплакали все слёзы по своим непутёвым детям.

Омельчук: Леонид Кириллович, альманах тоже будет пропагандировать доброе и вечное? Или в альманахе пойдет всё, что попало под руку, квалифицированно, грамотно написано?

Иванов: Я считаю, что литература, хотя далеко не все со мной согласны, писатели в том числе, должна пропагандировать что-то доброе, она должна заставлять думать, она должна воспитывать и образовывать. И если книжка цепляет за душу, я думаю, она уже состоялась.

Омельчук: Очень интересный вопрос Игоря из Ялуторовска. Бренд Ямала – газ, Югры – нефть, России – Пушкин, а юга Тюменской области?

Иванов: Хороший вопрос, на который я не смогу ответить, потому что это не прерогатива журнала – определять, каким должен быть бренд юга Тюменской области.

Омельчук: Валерия, тюменка. По вашему мнению, сокращение часов преподавания русского языка и литературы в школах – страшно для страны. Выход есть?

Иванов: Я как-то на эту тему давал интервью «Аргументам и фактам» и тогда говорил, что во многом любовь к чтению, к литературе зависит не от количества уроков, или не только от количества часов, а от того, как преподают эту литературу. Когда я учился на 1-м курсе, у нас была античная литература. Тогда только ещё начала выходить серия «Антология мировой литературы», и античная литература была доступна в основном только в крупных библиотеках, да и то несколькими авторами. Курс античной литературы у нас читала такая женщина, сама какая-то неземная, как

античная богиня. И она так увлечённо читала свой курс, что мы все влюбились в эту практически недоступную тогда литературу и тут же после сессии занялись поиском книг, чтобы прочитать их. Я думаю, что в школе надо не проходить на уроках произведение, а так подать его, чтобы ученики бежали в библиотеки и к компьютерам и с упоением читали книгу, о которой только что узнали на уроке. А уже потом делать разбор этого произведения, обсуждать его место и роль в литературе своего времени. Надо влюбить ребят в литературу.

Омельчук: Александр либо читал вас, либо хорошо знает вашу биографию, утверждает, что Вы, Леонид Кириллович, до 15 лет говорили с бабушкой по-фински. Насколько трудно вам далось изучение русского языка?

Иванов: Я и сейчас говорю по-фински. А поскольку бабушка у нас русского языка не знала совсем, то естественно, что финский был моим первым языком. Но я же жил среди русских, я учился в русской школе, окончил факультет русского языка и литературы. Поэтому ничего удивительного в том, что я знаю русский язык, нет.

Омельчук: Сергей спрашивает: «Вам никогда не хотелось отправиться жить в сибирскую глубинку и преподавать там ярко и вдохновенно литературу?»

Иванов: Ну, меня глубинка не пугает, потому что я родился в такой глубинке, которую многие даже не могут себе представить. Это был лесной кордон, начальная малокомплектная школа в четырёх километрах. И не только у нас на кордоне, но и во всём сельском Совете на одиннадцать деревень не было электричества, радио, даже дорога туда была только зимой. Когда замерзали болота. Так что глубинку я хорошо себе представляю.

Несмотря на то, что по первому диплому я учитель русского языка и литературы, я ни одного дня не работал в школе, поскольку учился заочно. И из меня не получился бы хороший преподаватель литературы и русского языка, потому что у меня нет опыта преподавания, я совершенно не знаю методик преподавания, которые сегодня используются. Т.е. это был бы никчемный учитель. А творить в глубинке хорошо. Не зря Василий Белов, Виктор Астафьев и другие великие писатели уезжали от городской суеты в свои родные места и там, где никто и ничто не отвлекает, писали замечательные романы.

Омельчук: Анна спрашивает, любите ли женские романы?

Иванов: Женские романы я не читаю, потому что мужчина, а во-вторых, потому что это такое же пустое занятие, как чтение детективов. Через несколько дней не вспомнишь, о чём там было написано. То есть ни уму, ни сердцу.

Омельчук: Виктор Сергеевич спрашивает, насколько добрые отношения в литературной среде области между писателями?

Иванов: Увы, отношения не самые лучшие, и это горько признавать. К сожалению. Такая атмосфера царит не только в писательском цехе, а во всей творческой среде. И художники, и музыканты, и учёные в этом плане ничем не лучше. Это проблемы, наверное, всей творческой интеллигенции России, когда каждый считает себя если не гением, то непревзойдённым талантом. А все другие его мозолистого мизинца не стоят. Поэтому отношения не самые лучшие.

Омельчук: Нина Парфенова из Салехарда, Союз литераторов Ямала: предлагаем вам сотрудничать, организовать совместные проекты. Есть желание?

Иванов: С Ямалом у нас как раз идут переговоры, чтобы в очередной номер сделать обменный блок.

Омельчук: А «Врата Сибири» поедут на Полярный круг?

Иванов: Авторы альманаха «Врата Сибири» с удовольствием бы поехали хоть куда. Ведь были же в своё время писательские десанты, были семинары, творческие встречи. Теперь всё это очень затруднительно из-за финансовых проблем. Кто-то должен это финансировать, а писатели на свои деньги поехать не могут. Писатели сегодня за свои книги даже гонораров не получают. Вот такое отношение к литературе в наше время.

Омельчук: Программу на следующий год – Год литературы – «Врата Сибири» наметили?

Иванов: Пока не принят бюджет, трудно говорить о какой-то программе. Но альманах совместно с Тюменской городской библиотечной системой кое-какие планы уже наметил. В частности, это конкурс молодых авторов и семинар молодых писателей. Их профинансировал из депутатского фонда Владимир Шарпатов. Кстати, сам Владимир Ильич пишет замечательные стихи, поэтому к людям творческим относится с пониманием и старается по возможности поддерживать. Планы, как всегда, большие. Ведь следующий год – это год 200-летия Петра Павловича Ершова. Есть задумка выпустить сверх графика специальный номер альманаха, посвящённый великому земляку. Вопрос уже активно обсуждается с департаментом культуры и департаментом образования области, с Ишимским культурным центром им. П.П. Ершова.

Омельчук: Мы провели на телевидении интерактивный опрос для наших телезрителей. Сформулировали его так – я бы объявил и три варианта ответа: Год литературы. Год читателя и Год гаджета. Нам за полчаса позвонило почти 300 телезрителей. Вот такие ответы: Год литературы – 112 звонков, Год читателя – 68, Год гаджета – 112. Альманах «Врата Сибири» не хочет идти в ногу со временем и выкладывать в Интернет электронный вариант своего издания?

Иванов: Я для тех, кто ратует за гаджеты, а вопрос этот задавали мне на разных встречах с читателями, сообщаю, что, начиная с предыдущего номера альманаха, его можно найти в электронном виде на сайте «Тюменского издательского дома», который является нашим учредителем. Пока только в формате ПДФ. Если же число читателей будет большим, пойдём навстречу и будем делать полноценный электронный вариант нашего издания. Некоторые сегодня высказывают опасения, что со временем электронная книга вытеснит традиционную, бумажную, но мне, как писателю, без разницы, на каком носителе люди будут читать мои книги. Лишь бы их читали, лишь бы они были востребованы.

Омельчук: Василий спрашивает: «Вам никогда не хотелось написать детский рассказ?»

Иванов: Нет. Есть люди, которые занимаются детской литературой. Я, может быть, еще не впал в детство, поэтому у меня не получится.

Омельчук: Будем считать, что наступающий Год литературы – это год читателя?

Иванов: Хочется верить, что оно так и будет, что активность читателей действительно возрастет. Но хотелось бы, прежде всего, верить в то, что уровень художественной литературы тоже заметно вырастет. Приятного чтения!

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

Александр ШЕСТАКОВ

«Гусей крикливых караван...»

Мрачен приволжский хуторок Вершинино в октябре сорок второго. Темнеют соломенные крыши съезжившихся мазанок. Не радуют хуторян цветастость артельного сада, разливная красота Волги, спешащей к тревожному Каспию мимо взрывов-пожарищ войны. Тяжко на душе и у местного бригадира рыбаков – столетнего Трофима Соловых. Главная мужицкая сила колхоза – на фронте. А старожилу Прохоровичу поручили председательство. И дело надо было делать со старым да малым, да с женщинами-солдатками, измотанными горями-бедами лихолетья...

Но первого ноября, рядовым календарным деньком, негромкое Вершинино вдруг оживилось. Сквозь селеньице нестройно протопали уморившиеся, только что мобилизованные солдаты. С зачехленным знаменем, с двумя новехонькими пушками, с парой походных кухонь, еще незадымленных кормилиц бойцов.

Попылив улицей, подразделение новобранцев остановилось возле зерновых амбаров. Солдаты быстро рассыпались на отдых под сенью яблоневых крон, в тенечке стен-заборов. Бдительный глава вершининцев сроченько направился к командованию прибывших с непраздными вопросами: кто, откуда, куда? Доподлинно разведав ситуацию, просветлевший Прохорыч с шустреньким внуком Толькой скоренько обежали почти весь хутор и всем-всем, кого встретили, доложили: свежая сибирско-уральская сила идет к фронтовой линии огня к Сталинграду.

– Должен вам сказать, земляки, – не торопил слова запыхавшийся Трофим. – По какой-то причине рекруты на марше уже не один день без провианта оказались. Идут по родной тыловой земле без пищи. Их командиры стесняются помощи у населения попросить. Я только что услышал про этот позор снабженческий. Мне будет стыдно, если мои хуторяне не устроят гостям сердечную встречу и ужин хлебосольный. Устроим, милые?

– Устроим! Устроим! – решительно отвечали женщины Вершинино, бежали домой, чтобы хоть чуточку принарядиться и не опоздать к солдатам со своими кузовочками скромных лакомств.

– Внучок, ты еще тут? – вроде бы удивился Соловых-старший. – Дуй бегом в нашу хату, маме своей растолкуй о солдатском застолье.

Крутой на ногу Толька уже вихрем мчал мимо кудрявых палисадников, а его сухонький дедок подслеповато, из-под руки, вглядывался в белопенные облака, под которыми неспешно плыл размашистый клин перелетных гусей. Окружившие Трофима люди тоже устремили взгляды в бездонную высь, любуясь птичьей стаей, не пряча повлажневших глаз. Зрелище-то, согласитесь, душещипательное, с прощальной печалинкой. Смогут ли, мол, эти путешественники перелететь через войну. Дотянут ли до территории, где нет зимы и бомб, лютых пожаров и свинцового града. Сильных, мол, крыльев и счастливого пути вам, пернатые. А мы будем ждать вашего весеннего возврата и надеяться, что вместе с вами вернутся в семьи наши родные отцы и сыночки, да дочки с проклятой войны...

– Ой, ой! Гляньте, бабоньки, беда какая-то у гусей, однако, – зайкала грустноокая звеньевая Оксана. – Две молодые птицы, наверное,

хворые, из сил выбились, хромают крылышками, отстают от каравана.

И верно. Из-за них, похоже, четкий гусиный треугольник поломался, перепутался, превратился в кучеобразную грачиную стаю. Одни отмахивали курс вперед, другие возвращались к немощным. Наконец, мечущаяся стая сделала пару широких кругов над Вершинино и на третьем, будто после разведки, решительным камнепадом нырнула к земле. Спикировали точнехонько в просторный загончик двора Трофима Соловых. Прямо в гуцу перепуганных домашних гусей.

Но через считанные минутки хозяева ограды и неожиданные гости успокоились, переговорно уgomонились, тесно окружили корытца с кормом и водицей. Час, наверное, минул после приземления серых перелётных, а они, казалось, и не собирались продолжать прерванный путь. Очень им приглянулось гостеприимство. Или хотели дать побольше времени для отдыха своим уставшим хворым. Не поэтому ли настороженные птицы не показали испуга даже тогда, когда к ним приблизились владелец усадьбы, его дочка Александра и внук Толька. Соловых начали осторожно теснить смешанный табун из загончика в дощатые ворота бревенчатого хлева. Теперь гуси опасливо крутили головами, незлобно покрикивали, вроде бы предстартово взмахивали крыльями, но не взлетали. И удивительно дружно подчинялись воле наседающих загонщиков, которые на скором семейном совете приняли единогласное решение: всех своих и залётных, все тридцать семь гагакающих головушек подарить к столу маршевых солдат.

Птицы уже в надёжных стенах, двери – на засовах. И довольные Соловых скорым шагом направились к биваку армейцев, чтоб рассказать о необычном визите диких гусей.

– В каком виде, уважаемые, доставить вам эту вкуснятину? Живьём или потрошено-оципанной? – без тени скупости спрашивал Трофим солдатских поваров. Удивлённые кашевары, благодарно взирая на деда, вопросительно посматривали в сторону командира. Затянувшееся молчание прервал чубастый широкоплечий капитан: «За сердечно-душевное внимание к нам, – пробасил он, – спасибо, милые люди. Но почти сорок гусей – не жирновато ли? Около десятка ваших домашних вполне хватит. А что касается диких... Выношу вопрос на совет...»

Командир вдруг задумался и, с улыбкой взглядываясь в притихших подчинённых, потеплевшим голосом спросил:

– Каким же будет общесолдатское мнение о диких гусях? И общехуторское мнение тоже. Сегодня, справедливо скажете, не успеваем оплакивать человеческие смерти, а здесь про сохранность птичек, дескать, заговорили.

– На моём веку в наших окрестностях, – поперхнулся дымком толстой самокрутки лысоватый Петро, – вот и говорю, в наших окрестностях у перелётных не бывало остановок для отдыха. Вынужденно они сели у нас. Потому что доверились людям... Нам, то есть, доверились...

– Правильно, деда Петя! – бойко поддержала старика школьница Машенька. – Птенцам-первогодкам в дороге что-то не поздоровилось, силы они потеряли. У них беда, а мы их в котёл?!

– Если говорить не про живот, а про сознание, – философски вклинился в беседу калеченный войной одноногий и однорукый бухгалтер Игнат Михеич: – если про разум и душу, то, товарищи хорошие, птицу, устремлённую к цели, надо освободить из полона. И весной нам будет кого ждать с чужбины заморской. С их прилётом, даст Бог, и наши герои с войны вернуться живыми-здоровыми...

Многолюдный ужин удался на славу. А припоздавшие к нему домохозяйки Вершинино с кувочками скромных лакомств всё подходили и под-

ходили. И вечер не торопился с темнотою, высверкивая давно не блестящие от радости глазки хуторян. И багрянец заката не торопился прятаться за горизонтовым леском. Приподнято праздничный Трофим, обходя ряды полевого застолья с профессорски мудрым ликом, читал присутствующим коротенькую лекцию о древних гусях, которые спасли Рим.

– Так пусть и вершининская гусятинка хоть крошечку, хоть капельку добавит вам, солдаты, сил перед боем с супостатом...

Отпочевала, словом, деревня новобранцев по возможности. Всяких уважительных, пожелательных речей им наговорила. А в сумерках всем миром проводили сибиряков-уральцев в пешую дорогу до города на Волге, где шли кровопролитные бои. Попутно с солдатским наземным курсом в смуглом небе уверенно махала крыльями отдохнувшая во дворе Трофима гусиная стая. В спокойном, еле слышном говоре она выстраивалась в привычный четкий перелетный клин. Провожающие солдат и птиц женщины утирали платками глаза, а дети прощально махали ручками и тем, кто шагал по земле, и тем, кто парил в небе.

Проводил восторженный хутор своих неожиданно нагрянувших гостей и опять погрузился в беспокойно-печальные дни. Но буквально через двадцать суток Вершинино снова буквально взорвалось эмоциями. Сюда пришла судьбоносная весть: под Сталинградом Победа! Хуторяне ликовали! Долбанули наши гитлерюг. До февраля сорок третьего с театра приволжской битвы Информбюро радовало соотечественников все новыми и новыми успехами. Даже фельдмаршала Паулюса с двадцатью двумя дивизиями в кольцо взяли, истребив. Знаменитыми Каннами двадцатого века стал наш геройский Сталинград! Свыше миллиона красноармейских штыков оцетинилось тут перед врагом. Свыше пятнадцати тысяч стволов пушечно молотило немчуру. Свыше тысячи самолетов долбило окопы противника.

А в тесном председательском кабинетике Прохоровича шел и повторялся торжественный митинг. И не трибунная речь ветерана: «В этих грозных миллионах-тысячах Сталинграда сражались и наши родные-близкие, и наши мимолетные гости, те сибиряки-уральцы с двумя пушечками и командиром-богатырем. Сдержали они слово, данное нам. Победили!»

– Ур-р-ра! – перебил оратора голос Тольки. – Наша взяла! Победили!

– Ур-р-ра! Ур-р-ра! – подключились Толькины друзья-приятели.

А мамы, бабушки их не таили счастливых слёз, нежно обнимали своих кровиночек, любимых сыночков-внучаточек...

* * *

Много волговской воды протекло мимо послевоенного Вершинино. Многих Толькиных сверстников мирная судьба рассеяла по просторам Отчизны. Анатолий же Соловых из Сталинградско-Волгоградских краев перебрался в Тюмень Сибирскую, на берега Туры, от которых когда-то мимо его родного хутора шли солдаты-новобранцы к нынешнему городу-герою.

Анатолий Федорович поднялся здесь до крепкого профессионала, до общественно значимой личности, до примерного семьянина. Он усердно командовал Тюменскими городскими тепловыми сетями. Сложный, хлопотливый, социально ориентированный участок. Сфера жизнеобеспечения. Многие добрые человеческие качества унаследовал внук от своего трудолюбивого сердечного деда Трофима. Главнейшее приобретение – дарить людям тепло души. Городу и жителям его домов – свет и тепло дарить. Но все эти годы Анатолий Федорович не мог забыть то далекое Вершинино, тот ужин маршевой пехоты, той перелётно-гусиной неожиданности и тех победных дней Сталинграда.

Тюмень

ПРОЗА

Валерий СТРАХОВ

ОТКРЫТЫЙ ПОРТАЛ

1

Чаще смотрите на звёзды. Они там, в чёрной космической бесконечности, о чём-то переговариваются льдистыми лучиками. Полярная над вечными снегами мигнула морозной гранью стёклышка, красными пятнами зашёлся свирепый, воинственный Марс, созвездие Тельца смиренно и загадочно присматривается ко всем вокруг – лишь изредка прикроет загадочной бездонной пеленой, словно ресницами, бриллиантовые глаза-звёздочки... Точки-тире... Тире-точки... Не настраивается наш мозг на переливающуюся азбуку вечности. Может, душа первой должна настроиться на волну этих искрящихся посланий, может, древний человек, построивший пирамиды в Гизе, создавший календарь Майя, нарисовавший на земле, в пустыне Наска, огромные фигуры, различимые лишь теперь, лишь с самолётной высоты, был ближе нас к их пониманию? Чаще смотрите на звёзды, переживайте, думайте, мечтайте...

Наука познаёт уже существующее и познать всё никак не может. Мощные коллаидеры, орбитальные телескопы, космические корабли, кажется, приближают человека к какой-то великой истине... Обманчивое, заносчивое впечатление! Не приближают, а порождают ещё больше вопросов... Природа, как сказочный леший, водит нас кругами вокруг истины и всё дальше в дебри. Ей не нужен царь над собою. Царя она даже не низвергает, а просто не допускает к трону!

Пётр Сатин пришёл к пониманию этого ещё в школьные годы не в результате мучительных размышлений над умными теоремами Пифагора, задачами Лобачевского, изысканиями Дарвина, а в результате озарения, интуитивно. И способствовал тому еврей Шлома Марцевич – участник районных, областных математических олимпиад, лучший ученик не только их класса, но и всей школы.

Электронные доски пришли с всеобщей компьютеризацией, а тогда красили чёрной краской обрамлённый лист фанеры – белый след мелка на тёмном заметнее. И стоял у такой чёрной доски Шлома, запачканные мелом пальцы удовлетворённо отряхивал. Учитель открыл журнал высокую оценку ставить, но больше для класса, просто так, спросил:

– Что такое электрический ток?

– Не знаю, Пал Саныч...

– Направленное движение электронов по проводнику.

– Это я знаю. Я что такое электрический ток не знаю.

Учитель поправил недорогой – для официальности! – галстук:

– Быть тебе, Шлом Исаевич, великим Эйнштейном. До всего докапы-ваешься... Но закавыка одна есть: великий Эйнштейн в школе плохо по физике успевал. И ты уподобляйся... Двоячка, Шлома.

И черкнул в журнале...

Ребячье сообщество – срез взрослого. Кто-то хохотнул от дури, кто-то – из-за врождённого злорадства, а кто – из зависти: не всё быть тебе в отличниках... Пётр не хохотнул. Он сидел, поражённый примитивностью

и одновременно глубиной Шломиного ответа. Ведь знал же тот про направленные... Прозрачен воздух, прозрачны магнитные поля... Рукотворные генераторы закрутят эти поля, погонят электроны, которые засветят лампочки. А где исходный материал, как он возник, как дал возможность использовать скрытую энергию? Окончательное решение бывает только в формулах. За ними есть другие формулы...

Шлома – не ортодокс. Шлома пытается заглянуть до самого дна колодца знаний. Только есть ли дно? Формулы видны, они написаны, при определённом усердии их можно понять. А как понять вечность, бесконечность, незримость материи? Вот вопрос! Бесконечность разве достижима?

Молодости мудрость не присуща. Не все сложности даже с возрастом понятны. Что-то почувствовал Сатин сердцем, отложилось что-то на грани предвидений, но не в голове, а в душе, в ощущениях, что, скорее, не знаниям способствовало, а лишь другому подходу к знаниям. Помнил Сатин, как на крыльчке сельмага пастух рассказывал собравшимся мужикам:

– Сверкнуло, потом по пяткам ударило. Что к чему лишь потом сообразил... Молния рядом шарахнула!

Опасна в грозу пастушья работа. Как перст торчишь на открытой поляне, разряды притягиваешь. Сатина разряд поразил в классе, но не грозовой, а разряд из переплетения сомнений, прозрения, противоречивостей. Тоже сильный!

В семидесятые годы появился самиздатовский доклад об НЛО В. Ажажи – исследователя аномальных явлений. До этого о «летающих тарелках» сведения не очень распространялись – противоречили они не только официальной науке, но и вселинию наступательного коммунизма. Какое всеислие, если летают «какие-то» и нечего им противопоставить! Ажажа служил прежде офицером на подводной лодке. Идут титановые щуки, начинённые электроникой, ракетами, атомным двигателем... Идут вокруг света, не всплывая, на сотнеметровых глубинах, не знающих солнечного луча, со скоростью разогнавшегося паровоза. Огибают отмели, острова, континенты. Большая Медведица ушла за горизонт, поднялся Южный Крест, меняются климаты... Не видят этого подводники, для них мир ограничен прочными переборками отсеков, постоянной температурой воздуха, мерцанием сигнальных лампочек, разноцветьем циферблатов. Ловит порой гидроакустическая аппаратура у африканских берегов, в непроглядной глубине, непонятные сигналы:

– Квак-к... Квак-к...

На лягушачий хор в застойном болоте похоже... Назвали квакерами. Самыми опытными акустиком звуки не классифицируются: ни корабли, ни рыбы, ни другие субмарины...

А тогда что? Учёные склонны были объяснить сигналы биологическим происхождением. Но квакеры движутся вопреки законам физики, стремительно маневрируют, исчезают, появляются. Сравнимы почерком движения с «летающими тарелками». Законы притяжения, ускорения, инерции не для них. Люди не раз видели вылетающие из океана светящиеся шары. В корабельном журнале «Санта-Марии» их ещё Колумб описал. Тёмное море, тишина, гладь и зарево...

Истина неуловима, она во мгле. Надо учиться проникать в намёки природы, не закостенеть в авторитетности прежних расчётов, выводов, законов... Такие мысли предопределили Петру Сатину путь уфолога.

Шлома Марцевич исследователем не стал. На беду проявились в нём артистические таланты. В художественной самодеятельности он часто

срывал аплодисменты. Напрасно говорил Пал Саныч, давно понявший его истинное предназначение:

– Не ходи ты, Шлома, в театральный, тебе путь в точные науки.

Но аплодисменты оказались сильнее здравого расчёта. Был Шлома невысок, толстоват, с красными прожилками на округлых щеках, как у водолаза после кессонки, носик – пупырушка. Роли героя-любовника, ясно, не его роли.

На недавней встрече выпускников Сатин спросил:

– А почему Шлома Марцевич не приехал?

И кто-то, знающий судьбу «гордости класса», ответил:

– Спился Шлома. В Москве бичует, без кола без двора. Не стал Полем Бельмондо... Не вышел...

И все реально почувствовали, каких искусство требует жертв.

2

Петру всегда казалось, что старинные полы музея, блестящие от мастики, пахнут не только сосною, но и ладаном. Когда-то церковь Покрова Пресвятой Богородицы испытала меньшее кощунство, чем другие храмы города. В тех расположились не музеи, а угольные склады, зернохранилища. В сырости, без присмотра осыпались со штукатуркой настенные росписи. Людям стало достаточно красных плакатов с трафаретными буквами. У каждого времени свои приоритеты... Позолоту закрасили...

Директриса легонько облокотилась на резной задок тачанки с выдвинутым стволом пулемёта.

– Кита или бабочек повезёте? Коллекцию мадагаскарских...

– Кита... Одного грузовика для транспортировки, думаю, хватит, – ответил Сатин.

– Деликатное дело... Выставку надо окупить. Бензин, аренда, командировочные... Понимаете, Пётр Сергеевич? – директриса слегка смущалась.

Её стихией не были деньги. Ей казалось неуместным, ошибочным измерять познание чем-то материальным. Бизнес и выгода неразделимы, нет в этом сомнения. А вот усердное подчинение духовности червонцу может быть губительным. Каждый день её тычут в бюджетные расчёты:

– Для вашего музея денег нет... Зарабатывайте.

А на бюрократическое жирение, на валютные иномарки деньги как-то изыскиваются в этой искусственной запутанности, зашифрованности финансовых потоков. Публикующийся в газетах частокол цифр, устоявшихся профессиональных наименований понятен только специалисту. Надо сопоставлять, рассчитывать, как сопоставляет, рассчитывает китаевед иероглифы. Много ли их, китаеведов, в народе? Такая «прозрачность» бюджетов – лишь игра и формальность...

Правда, для Петра Сатина в этой командировке был не только официальный интерес. Во-первых, удалённый к казахстанской границе сибирский сельхозрайон был его родным районом – этаким неизгладимой из души колыбелью детства с лесами, полями, деревянными деревнями, знакомыми людьми и бьющимися на весенних токовищах грудью тетеревами – и его тянули эти пуповинные места. Во-вторых, оттуда недавно звонили:

– Петр, ты чё байки по телевизору рассказываешь? Неведанное ищешь, едешь по области, копаешься, а чертовщина в твоей родной Курталке завелась.

– В чём дело-то хоть?

– Баргирей уехал.

Баргирей Сатин помнил. Казахи по своей скотоводческой, кочевой привычке старались жить поближе к лесам и пастбищам, обособленно от чалдонских деревень. Свой неприятный аул из двух тёмных домиков и жердяных загонов для скота Баргирей разместил на увале за озером, в березняке, недалеко от Брусничного рьяма – сырого, мшистого и обширного. Вынося из магазина и укладывая в запряжённую кошеву плитки чая, он усмехался, приговаривая в редкую бородку:

– Пей шай кирпичный, вода иртышный, высегда здоров будищ.

Деревня не признавала чудодейственности иртышской воды и «покупного» чая, предпочитая им колодезный кипяток с сушёной морковью, ягодами шиповника, земляники. Да и не только Иртыша, протекающей, цыплячьей протоки близко не было. В заснеженном лесу за озером большая казахская семья, разложив шерстяную кошму возле печки, сидя на ней, пила густой нерусский чай с баурсаками и топлёным бараньим жиром. И греет, и сытит... Отсвет горящих поленьев бронзовил лица. Ярко светила уже заболевшая перекачивающим флюсом луна. Искры на снегу, на обиневетших кронах деревьев блестят, переливаются, а по сугробам чёрными поясами – тени от берёзовых стволов. Хрустко, морозно в лесу. Лиса не спит, нюхает, ищет заячью лёжку в сугробе, замечает рыжим хвостом собственные следы...

– Баргирей уехал... Человек ищет, где лучше... Аномалия в чём? – попробовал уточнить Сатин.

– Не понимаешь... Его нечисть из аула угнала. Напуган был.

– А Баргирей араку в последнее время не полюбил?

– Не смейся, Петя... Прямо пришельцы какие-то объявились. Сам знаешь, что Баргирей – трезвенник, кумыс разве... И то, когда кобылицы с молоком.

Одно время у районного начальства, а потом даже у бригадиров, вместе с модой на рыжие ондатровые шапки появилась мода ездить на «махан» в удалённые аулы. «Маханом», непонятно на каком казахском наречии, здесь называли бешбармак. Гу-ля-ли! Ни посторонних глаз, ни повседневных забот... Можно расслабленно и пьяно порассуждать, почувствовать всевластие, слегка покуражиться. Лес спит... Гостеприимство, подчинённость, уважение не позволяли гнать надоевшее начальство в шею. Женщины в монистах, нацеленные только на заботу, сосредоточенно разносили полотенца, пиалы, чайники с водой, большие тарелки с мясом, из которых ели руками. Баргирей сидел в тесном кружке, говорил, распоряжался женщинами, не забывал и о своих насущных интересах, сводящихся к быту, уходу за скотом, к зарплате, подливал, но сам не пил:

– Мой вера вотку не посволяит. И чушку не посволяит... Ксазахский чушка есть жеребёнок. Так по корану...

Неистовость борьбы с религией за годы стала уже смягчаться – так по закону природы мороз смягчается оттепелью, начальство деликатничало, не смеялось над обычаями и на рюмке не настаивало. У вас свои мечети, у нас свои монастыри. Справедливо...

– Как они хоть выглядели, пришельцы? – уже заинтересованно спросил Сатин. – В серебристых костюмах? Большие, маленькие?

В принципе он не признавал стандартов, но в уфологии они уже появились. Если инопланетяне, то обязательно в серебристых костюмах и с большими миндалевидными глазами без зрачков... Прямо электронные очки, а не живые глаза... Появились уже гипотезы, что мир не трёхмерен,

как мы его видим и представляем, а многомерен. Ткни рукой в прозрачный воздух и не почувствуешь, не поймёшь, что ткнул в параллельный, не соприкасающийся с твоим мир... И в этой многомерности, может быть, столько недоступного, тайного, что не дано вместиться в самой гениальной человеческой голове. Какие тут могут быть стандарты!

– Что-то же они Баргирею говорили... – допытывался Сатин.

– По телефону не распишешь. Приедешь и сам услышишь...

– Кого услышу? Нечисть, что ли...

Но в трубке послышались гудки. То ли связь областного центра с далёкой деревней прервалась, то ли экономный абонент не захотел тратить деньги на долгие разговоры. С детства приучены, что копейка к копейке – рубль.

Проехав полтысячи километров по федеральной трассе Тюмень – Омск и ещё полсотни вёрст по отрезку вправо, мимо железнодорожной станции, к концу следующего дня Сатин вылез из тряской кабины «КамАЗа» возле частной гостиницы «Уют» в центре пятитысячного посёлка. Райцентр объединял десятки деревень, разбросанных среди берёзовых колков, болот, полей, пастбищ и гуталинового блеска многочисленных озёр, обрамлённых по берегам тенистыми камышами.

3

Пётр ногой ровнял тяжёлые, как свежеспиленные чурбаки, китовые позвонки, укладывая их в нужной очередности, когда дверь районного музея на тугой пружине стукнула.

– Привет, губерния. Приехал-таки к нам...

В выставочный зал вошёл высокий, пенсионного возраста мужчина с броским блеском вставных железных зубов, идущих к его заветренному, живого выражения лицу даже больше своих, природных. Чистая брезентовая куртка была уместна для всяких проявлений сельской жизни: для выхода в магазин, для кабины автомобиля, для работы с грядками и для дружеского застолья. Прилично и практично, как говорят о такой одежде живущие насущными заботами люди. Правда, тяжёлые яловые сапоги вошедшего после постоянного пребывания на лесных вырубках, покосах, на уже рыжеющих от созревания озимых были не идеальны и не блестяли армейской ваксой. Но то, что непростительно на плацу, простительно деревенскому леснику.

– В таком разе привет, уезд, – в тон вошедшему ответил Сатин и дружески провёл ладонью по зашуршавшей грубой ткани его рукава. – На сколько же ты меня старше, Артемьевич?

– Лет на восемь, наверное... А у тебя уж тоже лысинка вызрела, очёчки... Ты меньше думай, Петро, а то вот учёным каким-то стал... От забот все старости, – иронизировал Артемьевич, но в иронии проглядывала и его некая скрытая убеждённость в сказанном.

Курталка, как и другие деревни, полагала многие серьёзные вещи, например, такие, как борьба расплодившихся многочисленных политических партий, рвущихся к величию и власти, или, допустим, грандиозная, очередная программа по выводу России на новые многообещающие цветущие высоты, сущими пустыками. Свежему огурцу с грядки куртальцы верили куда больше, чем пламенным призывам многих депутатов. Огурец, как никак, их кормил. Выращивают его не призывами, а водой, навозом и руками. Простейшая истина, а доходит ой как, не до всех! От того «мудрствуем лукаво».

После соблюдения первостепенных условий встречи, заключающихся в расспросах о знакомых, о житухе – как она, «ничего?», о здоровье и видах на картошку, приступили к основному.

– А что это Болдин звонил? Казахом у Брусничного ряма нечисть одолела, сбежали? – поинтересовался Сатин.

– Да что Баргирей... Не один Баргирей видел. Полянки в лесах разнотравные, сам бы, кажется, ел то сено, не только телята... Приляжет косарь в тенёчке старых домиков или где совсем близко, а они уж являются.

– И что говорят?

– А разное... Устину цыган Митрий, его табор когда-то в деревне стоял, лет тридцать тому назад, в воровстве совхозного жеребца признался, а к Семёну Степановичу в аул немцы пришли...

– Какие немцы? – невольно удивился Сатин.

– Военные немцы, при автоматах... Такие.

– Шутите, что ли... Война уж более полувека кончилась. Сибирь опять же... Не Курская дуга.

– А это для тебя и есть загадка, уфолог, – сказал Артемьевич, и при этом его вставные зубы обнажились в ироничной и даже несколько злорадной улыбке.

Что-то было для него в приезде Сатина вызывающим и обидным: сами не разобрались, дремучие, а он примчался на помощь, всей деревне учёность доказать хочет. Мужичье общество, объединённое едиными заботами, правилами, закалённое нелёгкой полевой работой и совместными выпивками, неохотно жалуется чужих. А он, Сатин, для них теперь, конечно, чужой, как осенний оторвавшийся лист для прибрежного, осыпающегося под ветром тальника. Музейный работник, кандидат наук, разучившийся метать на сенокосной жаре духмяные стога... Оно и впрямь, трудно найти им точки соприкосновения... Необычности Брусничного ряма – это лишь случай, а не фундамент взаимоотношений. Сами же вызвали и сами своей слабости стесняться будут. Артемьевич будет помогать, будет исполнителем, как на своей лесосечной деляне, но до духовной близости, до такой доверительности, чтоб до самого щекочущего и сокровенного, вряд ли вызреет. Уж очень позднеспелый, твёрдый и закаменелый это фрукт!

Государство, как всегда, больше декларирует, чем реально делает. Десятки лет деревенские умельцы по одиночке выдерживают конкуренцию со всей промышленностью страны. Таких – только технических! – гибридов, как они, и Мичурин с яблонями не натворил. Из списанных, бросовых запчастей, механизмов собраны поделки, без чертежей, дешёвые, а дрова, сено вывезти, траву скосить, вспахать, снег почистить весьма приспособлены. Иногда государство, как беспомощный отец, не знающий других методов, на умельцев сердилось, и тогда совместные рейды народного контроля и милиции проводились по дворам с намерением настегать:

– Мотокультиваторы заводские покупайте...

– Не стоит тех денег... Легче лопатой пятнадцать соток вскопать, чем им. Спина не раз взмокреет...

– А квитанция на оплату запчастей где?

– Кто же на свалке, в металлоломе, квитанции выдаёт?

– Вот нарушение... Самоделку ликвидировать, штраф в кассу заплатить.

Но творческий дух, тем более что выгодный и практичный, из лобастого, упрямого мужика не вытравишь. До сих пор за заборами «родовых» деревенских поместий в один бревенчатый дом с огородом, памятных не очень сытным детством, стоят устрашающего дизайна самоделки.

Накануне пролили обильные и длительные обложные дожди, без гроз, но тёплые, как положено для начала августа. Сейчас всюду светило ещё по-летнему припекающее солнце. Асфальтовая дорожка возле кирпичного одноэтажного здания районного музея уже просохла и серела, но на обочине, рядом с бордюром, размякшая от сырости и покрытая зелёным пыреем земля слегка парила. В конце улицы, над виднеющимся не так далеко озером, стояла миражная, переливающаяся пелена. Артемьевич провёл Сатина за угол музея по асфальтовой дорожке и со слегка ослабившимся от удовлетворения и плохо скрываемой гордости лицом показал на стоящую у водоразборной колонки явно самодельную машину с деревянным кузовом и большими колёсами:

– Вот на ней и поедем. По ухабам – с ветерком...

Гибрид Артемьевича выглядел не только мощно и надёжно, но и вполне прилично. Мотор закрыт красивым капотом, кузов окрашен синей эмалью, а на светлых дверцах кабины фирменная эмблема владельца: заплетённые в колечко колосья и в середине колечка фамилия – Толкунов. Его, Артемьевича, фамилия.

Тракторный мотор под капотом гукнул без особой натуги и потянул грузовик через райцентр, мимо частных одноэтажных домов с палисадниками и старыми тополями, к обширной поскотине с зеленеющим за ней лесом. Дорога не серым, как в сухое лето, а потемневшим от сырости пеньковым канатом тянулась в этот лес. Важная в жизни Сатина дорога... Наверное, тысяча километров исхожена по ней и в осенний листопад, и по зимним санным следам, и в весенние разливы ещё не прогретых луж за годы учёбы в старших классах. В Курталке восьмилетка была, а все, кто хотел продолжать образование, учились в райцентре, жили у родни, у знакомых, на съёмных квартирах или в школьном интернате, а по субботам добирались, на чём придётся, за восемнадцать километров домой, чаще всего – пешком. Больше десяти лет после войны прошло, а во многих деревнях не только автобуса, но и электричества не было. Осенний день короток, несколько часов после занятий, и идёт уже в темноте группа старшеклассников-курталцев в два-три подростка, всматривается, как военный дозор, в схваченную первыми морозцами, гудящую под ногами, похрустывающую ледком колею. Вот слева сереет камыш первого озера, вот виден увал второго, а само озеро не различить – в низине, вот старая, раздвоенная берёза с тёмными шрамами времени на коре – Воротцы: половина пути. За частоколом последних колков тускло сверкнёт близким уютом керосинка крайнего дома... Даже и вернулся бы Сатин в прошлое, променял и сытость, и довлеющую тяжесть знаний на простоту и понятность детства, только прошлое не эхо – не возвращается.

Артемьевич небрежно на глубокие колеи с водой посматривает, знает, что его рукотворный вездеход не только по грязи, а в деляне по свежеспиленным высоким пням, колыхаясь, проходит, по лесинам, сучьям... Ладони его, жилистые, загорелые, но чистые и без ссадин, говорят о немалом мастерстве человека, имеющего постоянно дело с гаечными ключами. Они по баранке привычно туда-сюда, туда-сюда скользят. Жестковато в кабине, но мягче, чем в танке, а на «Мерсе» тут не проехать...

– В армии я генерала возил... Проснётся, бывало, и сразу глазами на спидометр: «Почему меньше ста километров едешь? Я приказывал...». Лихой генерал был... – Лицо Артемьевича при рассказе и не хмурится и не расплывается в показной, артистической улыбке.

Этот человек воспринимает душой, а не мимикой. Сейчас почему-то модно играть в открытость. Хоть на экранах, хоть в обыденной жизни неизвестно чему все улыбаются. С улыбками «подлянки» друг другу делают, всю используют не звериную способность человека управлять своими чувствами, прикрываются этой способностью, как прикрывается маскировочной раскраской бронетехника, готовая ударить безжалостно и бесчувственно. Артемьевич концертных улыбок не расточает, крутит баранку туда-сюда, а от того у Сатина доверия настоящего и глубокого к нему больше.

– Слушай, я пока только рассказы слышал, а есть что-то доказательное, вещественное? – спросил Сатин.

– Есть... Синяки да шишки.

– Какие синяки? – не понял Сатин.

– Цыган Митрий, в красной рубахе с шелковой опояской, чёрный, как смоль, пришёл в аул к Устину ночью, карты раскинул... Помнишь ли ты, как цыганский табор в Курталке стоял? Путь у них прямой из Петропавловска через нашу деревню на Ишим лесами проходил, раз пять в летнее время наезжали... Давно уж.

– Рубаху его красную помню, бороду... – ответил Пётр. – Кибитки у сельсовета...

– Устин раз ему проиграл, два проиграл, отказываться стал, без штанов ведь окажешься. А Митрий убеждать... Кулаками. По комнате куклой швырял, к потолку самому. Утром Устин в деревню весь в синяках и со сломанным ребром еле притащился.

В зелёной выцветавшей штормовке, клетчатой байковой рубахе, в чёрной лыжной шапочке, полюбившейся практичностью налётчикам и чеченским боевикам, Сатин походил на таёжного геолога шестидесятых годов, едущего к новому месторождению. От прежней деревенской степенности движений, поз он что-то уже утратил, но и городской суетливости, бойкости, резкости не приобрёл. Серые глаза из-под очков смотрели на мир неизживаемо спокойно и сосредоточенно. Всё его тело, довольно большое и крепкое, когда-то жилистое и худое, а теперь, с годами, нарастившее округлость ещё не утративших эластичности мышц, не давало намёка на научную направленность Сатинской работы. Сам Пётр даже подозревал, что, проявляясь эта пресловутая направленность научной работы внешне, и не было бы никакого звонка от земляков. Звонки – это доверие, а доверяют только родственникам по роду занятий, понимающим душам... Очки не в счёт! Очки под влиянием прогресса стали привычны уже и для деревни.

Когда Сатина приглашали на телестудию в качестве консультанта, он старался объяснить непонятные явления сперва с точки зрения официальной науки. Часто это удавалось, но чаще вся эта таинственная чертовщина с колдовскими наговорами, полтергейстами, привидениями, лесными светящимися шарами, внезапными и бесшумными, была непонятна. И тогда он выкладывал зрителям предположения, основанные на представлениях нынешних уфологов о многомерности мира, об ауре человеческого тела, о телепортации, магнитных полях и мгновенных передвижениях в пространстве. Но всегда загадок оставалось больше, как с точки зрения классической физики, механики, химии, так и с точки зрения дошедших из прошлых веков мифов, легенд, религиозных представлений. Зрителям передача «В мире неведомого» нравилась, но сам Сатин знал, что многие его выводы носят весьма гипотетический характер и больше относятся к виртуальным постулатам, чем к неоспоримым доказательствам. Ведь даже

снежного человека никто не предъявил человечеству ни живым, ни мёртвым. Наследил лапищами по горам, лесам, завлѣк близким присутствием, а ведь не объявился...

Тайны притягивают. По тряской, заброшенной людьми дороге Пётр Сатин ехал в родную Курталку за великой истиной. А вдруг истина, терзающая неопределённостью и манящим всеобъяснением, откроется именно там, через эти не совсем обычные факты. Была комната тёмной, непроницаемой, но щёлкнул выключатель на стене – и всё в ней обрисовалось с понятной чёткостью и определённостью...

– А Баргирей, он сам о чём поведал перед отъездом? – спросил Сатин.

Шумная очередь грязи из-под колѣс прошла по кустам низкорослых, с коричневыми сплетениями ветвей верб. Артемьевич шумно выдохнул через открытое стекло дверцы, крутанул баранку, прислушиваясь к ненадузливому гудению мощного мотора, помолчал и стал рассказывать основательно и неторопливо, о чём слышал сам.

4

Опытный скотовод знает, что держать гурт телят в июньскую полуденную жару на открытых выпасах – это наверняка терять привесы. Никакие калории не могут возместить того, что выжарит из животных солнце. Пастбища лучше в прохладные утренние часы, а также на закате, когда косые лучи светила охлаждает наступающий сумрак.

Тени от коня, от зелёных стеблей куги на близком водопое, от сереющих бугорков земли возле сусличьих норок стали совсем короткими. Баргирей загнал гурт под лёгкий соломенный навес с подгнивающими у основания, уже поведёнными вкось столбами, продуваемый едва ощутимым ветерком, и с удовлетворением отметил, что телята сразу легли. Значит, напаслись, сыты и теперь почти до вечера будут блаженно пережёвывать жвачку. Ещё Баргирей снял с коня седло, уздечку, почувствовав на шее тёплое дыхание из широких ноздрей, перетянул верёвочной путой его передние ноги, чтобы далеко не ушёл, и только после этого, не торопясь, направился к дому.

Возле стены лежала свежая баранья шкура, и по ней ползали зелёные насытившиеся мухи. На больших гвоздях висели хомуты, вожжи, чересседельники. Перед домом старшего сына Давлета горел костѣр с большим общесемейным казаном. Наносило приятным берѣзовым дымком и запахом варящегося парного мяса. Жена и невестки готовили к вечеру плов и заодно расчѣсывали большими деревянными гребнями охалку шерсти, расположившись в тени на спиленных старых пнях за закрытой углом стороной дома.

Жара отбила аппетит. Баргирей выпил в сенях кружку остужѣнной в колодце простокваши и сразу прошѣл в прохладный уют угловой комнаты. Окна её были заклеены развёрнутыми листами газет. Бумага рассеивала обжигающие лучи солнца, создавала матовый полумрак.

«А неглупо русские придумали ставни. Впрочем, в степях негде взять древесину для них», – подумал Баргирей и, сняв с койки лоскутное одеяло, заправленное старой Ботагоз, кинул его на расстелѣнные домотканые половики. Пальцы ног, освобождённые от тесноты шнурующихся башмаков, почувствовали приятность...

Спал он недолго, не больше получаса. Вместе с прохладой дощатого пола в горло неприятно проникала сырость близкой земли, сдавливала болез-

ненными обручами голову, хмелила крепким, настоявшимся кумысом. Ни стука двери, ни скрипа половиц Баргирей не слышал, но, повернув голову, увидел сидящего за низким круглым столом человека со скрещенными по-азиатски ногами, в белой из китайского щёлка чалме с зеленеющим большим изумрудом. Могучие, чуть покатые плечи незнакомца закрывал серый, грубого покроя кафтан, перетянутый, однако, дорогим, с золотыми прожилками, пояском, напоминающим парадный ремень современного офицера. И так же, как у офицера кортик, на поясе у пришельца висел гнутый нож в чехле, отделанном драгоценными камнями, блестящий. Странная смесь походной неприхотливости и богатого, несокрушимого величия сочеталась в нежданном госте.

– Ты кто? – хотел спросить Баргирей, но гость опередил:

– Что же ты, хан, встречаешь меня без бараньей головы на столе? Обычай забыл...

Баргирей знал, что по мусульманским правилам самых дорогих и желанных гостей встречают бараньей головой на дорогом блюде, со специями, глазами и вместе с хорошо пропалённой, разварившейся в казане, легко жующейся кожей. Отламывают кусочки, кормят гостя с рук...

– Мы не ждали... – растерянно произнёс пастух. – И какой же я хан?

– Меня никогда не ждали, я сам приходил, – в матовом полумраке комнаты раскосые глаза пришельца смотрели величественно и властно.

– Потомки забыли свой род и своих предков, – недовольно сказал гость, он хотел вздохнуть, но мотнул головой и подавил вздох.

Из-за стола с коротко спиленными ножками высунулись загнутые, острые носки красных сафьяновых ичиг. И эти носки больше всего удивили Баргирея. Именно такие он видел один раз в иллюстрации к сказке про Маленького Мука. Древние кочевники считали грешным не только пахать землю, но даже ковырять её живое, священное тело обувью. Носки заостряли и сильно задирали вверх, чтобы не царапали поверхность.

– Кто ты? И почему назвал меня ханом? – чувствуя участившееся биение сердца, спросил Баргирей. Умом он вполне трезво оценивал необычность происходящего, но сделать ничего не мог. Так не может человек разогнать окружающий его туман.

Незнакомец с драгоценным ножом опять не ответил на вопрос, но сам с иронией спросил:

– Разве не твои быстрые скакуны-ахалтекинцы пасутся возле походных юрт?

Баргирей вспомнил двух своих ожеребившихся кобылиц с прогнутыми спинами и обросшего шерстью верхового мерина, больше похожего на злую, юркую, невысокую монголку, чем на благородного, быстрого и красивого ахалтекинца.

– Смейтесь, почтенный... – произнёс он.

Глубокие морщины портят человеческое лицо, делая его похожим на близкий к осыпанию гриб-трутовик. Но морщины, избородившие чело, щёки незнакомца, не старили его, а придавали вид суровый и мужественный.

– Я великий Тамерлан. Властелин Самарканда, завоеватель Персии, Закавказья, северной Индии... Представитель династии Тимуридов Бабур основал государство Великих Моголов. И очи в землю, на колени передо мной!

Гость даже не повысил голоса, но столько было в нём привычной повелительности и непререкаемости, что Баргирей сразу покорно ткнулся

носом в пропылённые половики. Краем уха он слышал, как за стеной жена Ботагоз что-то по-женски торопливо выговаривает невесткам, а рядом, над головой, словно рокочущий гром, уверенно, всеильно властвовал голос воскресшего из небытия прошлого Тамерлана.

– Ты из великого рода Тимуридов. Шахрук, Улугбек, Бабур... Ты – ветвь моего сына Шахрука – правителя Хорасана. Ты опустил, потерял стержень жизни, не властвуешь, а служишь, как низменный дехканин, у тебя скакуны со сбитыми копытами... Время безжалостно, но дела предков живут не во времени, а в душах... Ты забыл их, презренный корсак, превратился из Тимурида в казаха-скотовода, намешав много ничтожных кровей, разбавив кровь мою, Великого Тамерлана, так, что от неё мало что осталось. Я недоволен таким потомком...

Павшему ничком Баргирею казалось, что лезвие ножа войдёт ему меж лопаток, столь сердит был голос. Воздуха в лёгких не хватало, несмотря на учатившееся дыхание.

– Что же мне делать, Великий Предок, переживший забвение веков? – не отрывая от половиков голову, как можно почтительнее осмелился спросить Баргирей.

– Привычки страшны для слабого. Встань с колен, хан не должен стоять на коленях ни перед кем, кроме памяти прошлого. С тех пор как мою могилу осквернили, не побоявшись заклатья и выпустив зловещего духа огромной войны, в Самарканде – моей любимой столице, моём гнезде! – нет больше ни одного потомка из рода Тимуридов. Моя колыбель без хозяйского присмотра и влияния... Мой дух вытеснен в большой свет, скитается... Понимаешь ли это ты, зачерстневший в ничтожестве?

Гость уже не сердился. Всё так же скрестив ноги, он смотрел в затемнённый угол комнаты спокойно, не моргая, как смотрел когда-то в знойную пустыню, ожидая верблюжий караван из-за глинистого, мутного Заравшана. Грядовые пески и ветер Кызыл-Кумы навеки прокалили коричневую кожу его лица, сделав её похожей на высохшую сыромять.

– Хан Баргирей, я приказываю тебе ехать в город с голубыми минаретами и сплетениями узоров вязи по ним, ехать в мой сказочный Самарканд. Там найдёшь аксакалов, верных Тимуридам. Они есть, они хранят память о моём могуществе, они верны мне. Представляй там наш род. Я этого не могу, моя потревоженная неверными душа вынуждена странствовать далеко от родного стана и родной усыпальницы. Храни, хан Баргирей, ансамбль Шахи-Зинда, мавзолей Гур-Эмира, площадь Регистан, старые арыки. Менять их – стирать память о великих делах и Великом Тамерлане.

Баргирей хотел спросить, что нет ли более достойных представителей знатного рода, осмелившись наконец взглянуть на грозного гостя, но комната уже была пуста и молочно заливалась рассеянным матовым полумраком. По-прежнему от страха стучало и ломило в висках, сердце рвало изнутри грудину, и не хватало воздуха. За дверь Баргирея вырвало. Подоспевшая Ботагоз тянула к нему маленькие, цепкие, как высохшие ветви ивняка, руки:

– Бледный, совсем бледный...

Баргирей поднял клонящуюся к груди голову:

– Надо ехать, Ботагоз.

– Зачем? Давлет только вчера привёз из Курталки пять булок хлеба.

На завтра хватит...

– Надо далеко ехать, Ботагоз, в город с голубыми минаретами...

– Цыган Митрий, наверно, уж помер, – осмысливая услышанное, произнёс Сатин.

– Наверно. Он и тогда был не молод, – согласился Артемьевич.

– Выходит, что и Устин, и Баргирей с мёртвыми встречались?

Артемьевич промолчал, не желая развивать туманную тему. Факты вроде бы говорили: да, с мёртвыми.

Исследователи паранормальных явлений склоняются к тому, что в редких и непонятных случаях между параллельными мирами возникают связи, называемые порталами. Нет ли такого портала возле Брусничного ярама? У Сатина это была пока единственная зацепка для построения версии. В знойной степи человек часто видит на горизонте озеро, идёт к нему, знает, что это мираж, но идёт.

Петра Сатина всегда смешило глупостью и несоответствием довольно устойчивое понятие: официальная наука. Как изучение уже существующих без влияния человека законов природы может быть официальным и неофициальным? То, что заранее прописано и предписано называется уже не наукой, а скорее обслуживанием определённой политики и идеологии. Циркуляры, декреты, уложения лишь сужают возможности постижения, как багет ограничивает картину художника. Но самая дорогая, самая раззолоченная и большая рама не должна определять, и не определяет, к счастью, ценности самой живописи.

5

По закону начала семидесятых годов студенты после окончания институтов год служили в армии на рядовых должностях. Нельзя сказать, что Пётр Сатин с большим энтузиазмом надел тропическую солдатскую панаму, оставил обретенную в музее работу, но он с генами и материнским молоком впитал привычку выполнять обязанности хотя без яростного рвения, но обдуманно и добросовестно. А служить Сатину пришлось в Средне-Азиатском военном округе, при политотделе. Партийной, воспитательной работой занимались люди званием повыше, со специальной подготовкой, а Пётр лишь участвовал в незамысловатых делах по охране закрытой типографии.

Армия в самых мелочах должна быть готова к развороту действий. И не только оборонительных. В военной типографии на современном офсетном оборудовании и финской лощёной бумаге печатались листовки для сопредельной стороны. Сатин случайно видел одну такую – сразу на фарси, русском, английском: «с освободительной миссией», «помощь трудящимся дехканам и братскому пролетариату», «обеспечим спокойствие и порядок»... Через определённое время миллионы листовок за невостребованностью сжигали и печатали новые с учётом мало изменившейся обстановки.

В казарме на тумбочках можно было часто увидеть затёртую серую обложку известного романа писателя и палеонтолога И.А. Ефремова «Лезвие бритвы». В занимательной форме в нём приоткрывались загадки психологии. И хотя самым популярным чтивом для солдата должны бы быть уставы караульной и внутренней службы, но в каптёрке и возле курительной бочки с пахнущими размокшим табаком «чинариками» активнее всё же обсуждались темы, взятые из романа. Обсуждались с фантазией, вольными толкованиями и смелыми выводами в меру собственного уровня грамотности:

– У нас, в Луганске, бородатый Порфирий Иванов тоже зимой в трусах ходил и не мёрз, в снежном лесу мог жить...

– Бабка моя молодой была, когда «блут» напал. Рядом с деревней по ку-стам два дня ходила, а выйти не могла, дорога, огороды рядом, а не могла...

– Ну, это на неё не «блут», а блуд напал. Старичка-то, поди, тогда на-шла...

– Древние философы ещё до Гегеля объясняли явления тепла, магне-тизма, электричества некими флюидами и эфемерностью мира, – солидно вставлял Пётр.

И всё мешалось у бочки: и наука, и хаханьки, и самобытные сужде-ния. Благо, что психология в силу внутренней неопределённости всегда имела большое поле для домыслов, неконкретностей и вольных выводов, в отличие от той же математики. Математические формулы в курилке не обсуждались...

Именно под воздействием ефремовского романа Сатин решился про-вести эксперимент. Для его чистоты выбрали в роте самого жадного и не-читающего солдата. Жадного, чтобы за фунт ореховой халвы мог пойти на любые испытания, а нечитающего, чтобы из книги не понял о сути опыта и доверился экспериментатору, не спрашивая подробностей.

– Завяжем тебе глаза и раскалённым пятакom прижжём руку, – сказал испытуемому Сатин и ещё раз убедился, что жадность далека от трусости. Не исключено, что и новгородский купец Никитин поперся за три моря не за чудесами, а за богатством, из-за самой низменной жадности. А в таком опасном и неведомом путешествии ему без смелости было не обойтись.

Вот и подопытный молча и с готовностью засучил рукав форменной рубашки:

– Вчера фельшар всем в роте уколы ставил, побольнее было и за бес-платно, а тут хал-ва-а.

И поднял многозначительно палец.

Нагрели зажигалкой медный пятак. Один из «ассистентов» плотно затынул на глазах любителя дармовых сладостей вафельное полотенце:

– Как в горне раскалили...

Сатин подошёл и быстро приложил к белой коже вытащенный из кар-мана холодный пятак. Так легко и даже весело шипит кобра в барханах под саксаулом, отпугивая неосторожного путника:

– Ш... ш... Прижгло.

На коже образовался красный в середине и бледнее по краям волдырь.

– Мы не эту монету калили...

– Непостижимо...

– Чем же обожгло? – Развели руками «ассистенты».

И только испытуемый не верил, он выставил локоть с волдырём перед собой, как выставляет следователь перед мелким жуликом несокрушимые вещественные улики:

– Ожог в полной видимости... А вы просто халвы добавить жалеете...

Но не завязывали бы ему глаза, он бы первый и удивился, сколь при-зрачна и вовсе не столь очевидна бывает окружающая реальность.

Сатин, как мог, пояснил тогда и «ассистентам» в гимнастёрках, и по-допытному:

– Это уже не химия, а психология, братцы...

И всех вроде бы такой ответ удовлетворил. Все слышали, что психология – это такая коварная химера, которая никакими нормальными понятиями и науками не объясняется. Волдырёк, «сработанный на холодную», дал тогда Сатину много поводов для сомнений и размышлений самого глубокого толка и не дал ни одного ответа.

Родная Курталка состояла из двух улиц без официальных номеров и названий. Длинная выходила жердяными, неказистыми пряслами огородов на травяную чистину перед трясиным, с тёмными и глубокими галееми озером, а вторая, совсем короткая, упиралась огородами в берёзовый лес с порослями тальника на опушках. Жители Курталки из-за желания соответствовать окружающим крупным сёлам и из-за неизжитой тоски по изначальной сути жизни называли её в обиходе Заимкой. Да ведь и почти в лесу вся... Молодые уполномоченные из райцентра, бывало, что путались:

– А где заимка? Не у лопушинского ли колка, где мехдойка и выпаса?

– А ты на Заимке и стоишь...

– У-у, чувалы... Заимки в лесу отдельно бывают, в глухомани, как в Прибалтике хутора, а у вас – прямо в населённом пункте...

– Деды так называли... А глухомань... Везде глухомань.

Сатин увидел, что длина улиц, отмеченная гниющими срубам и бургорками крайних поместий с застарелым бурьяном, осталась прежней, но покосившихся, без пригляду доживающих домов на самих улицах стало больше. Через долгие годы наполненной городской жизни его удивило отсутствие детей и хмельно судачащих мужиков на магазинном крылечке. Когда-то было шумнее. Да и самого крылечка, некогда белеющего свежими сосновыми плахами, по сути, не было... Проржавевшие гнутые гвозди торчали запятыми из тёмной, рыхлеющей обрешётки на месте прежнего настила.

– И ведь не голод сгубил Курталку, а сытость, – сказал вдруг Артемьевич, заметивший возникшую плёнку тягучих, удушающих воспоминаний в глазах пассажира. – Сейчас есть свет, жратва... Голод, войны пережили, а тут... У мамки на лавке пятеро и отец – под фанерной звездой... Каково? До двенадцати лет в длинных рубахах без штанов бегали, сшить штаны не из чего было...

– Да-а... – неопределённо протянул Сатин.

Такие истории были для него не новостью, с детства не просто слышал, а жил с ними. И всё-таки это была больше правда Артемьевича, а не совсем его, Сатина. Во-первых, он родился намного позднее войны, в более хлебные времена, а во-вторых, отец вернулся по ранению в самом её начале и работал председателем колхоза, пока не пришли на смену «суровым и опалённым» более грамотные руководители. Мужская опора у их семьи была, тем не менее, всегда...

– Не стало прежнего стержня у людей, «попса» перегнула... – под «попсой» Артемьевич имел в виду не только эстраду, а все окружающие порядки. – Демократию геи продвигают, чтобы свои парады на главных площадях проводить... А мне что? Сейчас дом построить для человека дешевле, чем за документы на разрешение строительства заплатить. Каких-то «звёзд» наштамповали... Уже королевские замки для себя строят... Деревня же всё, плохое и хорошее, впитывает с простотой и доверчивостью, она надломилась, в первую очередь, не материально, а нравственно. Пустому, агрессивному, кичливому она уже не может противопоставить природных, здравых понятий и тоже стремится на дискотеки за жизнью судорожной, не обязательной. За соблазнами подалась...

Сатин вспомнил, что Артемьевич трудом, упорством добился техникумовского диплома в ближайшей «кузнице местных кадров» и считается, по понятиям Курталки, грамотным человеком. Наверное, в кругах блистательно говорливых и уже побеждённых размягчающим пресыщением как ума, так и духа, его суждения восприняли бы как дубово-дремучие и

примитивные. Элите – своё, плебейм – своё... Только чем круг нынешней элиты очерчен? Не глубиной знаний, не сдержанностью манер... Популярнее математика Перельмана, живущего затворником в петербургской квартире, отказавшегося от престижной премии, теперь почему-то «Мисс – силиконовая грудь». Она нагла, напориста, она вещает, её поддерживают и ей платят... Понять отшельника Перельмана нашей «элите» непросто...

Свежие, после дождя, колеи изрезали улицу. Артемьевич иногда испытывающе поглядывал на Сатина: не зря ли разоткровенничался, понимают ли его? И видел – понимают... Всё ж очевидно: была деревня и вот догнивает без прежней церкви, клуба, школы, магазина, тракторов, людей, догнивает вместе с пенсионерами и парой упрямых фермеров-отшельников, таких, как Артемьевич со своей самодельной, всепроходящей машиной.

Сатин на правой стороне улицы увидел родчий дом с распахнутыми, обвисшими ставнями, оконными рамами давно без белых материнских занавесок, берёзой, когда-то выкопанной отцом за огородами и разросшейся в палисаднике. Дом продавали-предавали, ища лучшей жизни, но он, пустой, заброшенный, наклонившийся, остаётся верен им – своим первым хозяевам. Где-то в горнице ещё сохранился вбитый в потолок крюк, на котором качалась когда-то его, Петра, и его трёх братьев – сестёр у него не было – парусиновая люлька. Люльку хранили как символ неперерождения сатинского рода... Не только течение времени теперь сгноило те колыбели, но и умопомрачительное, привлекательное, лёгкое, как парящее в небе до первого дождя пёрышко, изменение человеческих понятий о своём назначении, о главном и пустом.

Цела в доме матица полатей, под крашеный настил из досок, служащий когда-то для ребятни и удобным наблюдательным пунктом, и их персональной спальней под потолком. Квасной выделкой пахнут рядом овчины тёплых и мягких тулупов. С полатей Петру хорошо видна в свете керосиновой лампы блестящая, словно смазанная репейным маслом, лысина деда Емельки. Занятный это был дед. Он жил на настоящей заимке, километрах в пяти от Курталки, и имел удивительную для леса должность заведующего магазином. Причём его магазин, расположенный в покосившемся амбаре рядом с коровником, из-за круглосуточной продажи колбас, консервов, водки, а порой и из-за наличия штучных, дефицитных товаров – плюшевой жакетки или двухколёсного мотоцикла – пользовался огромной популярностью не только среди разъезжающих сутками по району шоферов, но и среди жителей близлежащих деревень. Свет фар и в ночное время нередко выхватывал из темноты неровные спилы амбарных углов...

По причине своей почти полной безграмотности дед Емелька избегал лишних дел с бухгалтерией и за получаемый в сельпо товар рассчитывался ещё на складе, а потом торговал фактически, как своим, по своим понятиям, не боясь уже ни недостатка, ни излишков. В его амбаре довольно широко ещё в послевоенные времена практиковался как краткосрочный, так и долгосрочный – в зависимости от взаимодоверия – кредит, только без записей и волокит. Всем была известна его фетровая шляпа с десятками и пятёрками то ли из своей, то ли из сельповской, а значит, государственной, выручки. Металлическую мелочь он не считал, ни свою, ни клиентскую: не любил ни возиться с нею, ни скряжничать. Начальство сельпо к нему благосклонничало за житейскую мудрость, ответственность, гостеприимство и... смелость. Не всякий будет годами жить в лесу, среди трёх убогих жилых домов, при деньгах и товарах.

Шуршат, словно чужие шаги, ветки деревьев тёмными ночами, колышутся в чаще неразличимые тени. Добрая, простоватая жена Варька, страдающая лёгкой расплывчатостью рассудка, подрагивает, жмётся к мужнину плечу... Непривычно человеку, страшно жить в лесу... А в сельповский план дед Емельян давал с ржавым висячим замком на амбаре выручки больше некоторых крупных, остеклённых и витриненных под современность деревенских магазинов.

Два взрослых мужика ползают на коленях по полу, как деревенские роженицы, и раскладывают на нём спички. Жар близкой железной печки обжигает их бока и щёки. Дед Емельян, пришедший в Курталку с заимки погостить, расстегнул, потя, вельветовую заношенную жилетку. Во дворе, приставленные носками вверх к брёвнам холодных сеней, стоят его самодельные, вытесанные из лёгкой, высушенной осины лыжи. Крещенские дни коротки, давно стемнело, мелкая снежная пороша побелила поверхность неподвижных лыж. На клеёнке стола, под абажуром висячей керосинки, парят остывающие щи с большими говяжьими мослами на отдельной объёмной тарелке, стоят ковш с зачерпнутой из фляги отстоявшейся брагой и помутневшие от дрожжей гранёные стаканы, лежат ломти домашнего хлеба.

Отец Сатина, возглавлявший колхоз, и дед Емельян, умудрившийся пробыть коллективизацию единоличником, а потом перешедший сразу в разряд служащих, гадают на спичках не о чём-нибудь, а о судьбе России.

– Вот число Зверя... – Пётр с полатей видит, как дед Емельян выкладывает на полу аккуратно, по спичечке, цифру 666.

Оставшуюся россыпь он собирает в коробок. Потом, многозначительно потирая мочку приплюснутого, пельменистого уха и так же ползая, выкладывает из тех же спичек поочерёдно фамилии-псевдонимы вождей: Ленин, Сталин. И они вписываются в то же количество и в тот же порядок. Получается, что дьявол простёр свою злую, когтистую длань над Россией и над её вождями. Мужики слегка возбуждены брагой, им нравится играть в свою причастность к большому, значимому. Завтра, скорее всего, они умоются, посмеются и даже не вспомнят о том, как раскладывали спички на полу, предугадывали великое...

А Пётр почему-то помнит и через десятки лет, как отец-председатель и Емелька-единоличник ползали вместе возле печи и выкладывали из спичек число Зверя... Без Бога жизнь теряет смысл: была темнота и станет темнота, а между – какой-то ничем не оправданный физиологический процесс.

Машина Артемьевича, неровно гукая, развернулась на травянистой полянке с просвечивающей водичкой после недавнего дождя, остановилась возле нештукатуренного, но с промазанными глиной и побелёнными пазами дома...

– Станция Березань, кому надо – вылезай, – показал в редкой улыбке вставные зубы Артемьевич.

От калитки к ним уже шёл сухоногий высокий и чуть сутуловатый старик с отшлифованной ладонями до костяного блеска высохшей многолетней палкой вместо трости. Шёл он, однако, и без палки ровно, размашисто.

– Ты, Пётр Сергеевич, везучий человек, – сказал он, подойдя к кабине. – Нашему боровку с утра судный день был, ещё свежина не остыла... На столе. Забойщик, правда, ушёл уж...

Пожалуй, никакой праздник не отмечался в Курталке раньше так долгожданно и компанейски, как забой скота после Покрова, по первому морозцу. Во многих дворах пахло тогда палёной свиной щетиной и ржаным

зерном от горящей соломы, суетились мужики, отскрёбывая ножами, отмывая чистыми тряпками кабанью шкуру до блеска и желтизны яичной скорлупы, висел на гвоздях вымораживающийся ливер... Хозяйка уже обносила с вышитым полотенцем на руках помощников рюмкой:

– Шкварчит свежина уж в жаровне, готова будет... А пока доделаете, вот по одной, работнички, на морозце...

А в избе уже ждали причастных и не очень причастных к забою с разговорами о том, как чувствует приближение гибели неразумная скотина, как нельзя допускать до места заклания баб, своей жалостью лишь продлевающих мучения животного. Забой – это крестьянский итог года, мера зимней обеспеченности... Какие с ним сравнятся формальные праздники с демонстрациями и флагами? Вряд ли какие...

С появлением в магазинах паяльных ламп перестали гореть октябрьской порою дымные соломенные костры во дворах, пахнущие щетиной и оставшимся в колосках зерном, а с появлением холодильников, позволивших круглогодичное хранение мяса, исчезла и сама сезонность забоя. Что-то материальное и вещественное деревне от цивилизации всё же перепало... Вот и старый Болдин звал Сатина на свежее мясо жарким августом, ещё далёким от холодов. Но праздник-то пропал, сплывающих компаний, веселья не стало.

6

Ещё не прожевал Сатин первый кусок сильно приправленного луком мяса, а Болдин уже не мог сдержать своего сжигающего изнутри любопытства:

– Ты, Пётр Сергеевич, про байкальскую фата-моргану с поездами слышал?

Старик читал много и бессистемно, отыскивая с особым интересом абзацы, начинающиеся со слова «вдруг». И, пожалуй, не прочь был иногда выделиться этой своей бессистемной начитанностью среди односельчан.

– Слышал... За сотни километров люди видят бесшумный поезд с окошками и людьми в них. У мыса Красный Яр, кажется, небольшой теплоход в шторм тонул, а на берегу видели, как погибающие борта царапают... – отложил вилку Сатин.

Хозяйка, несмотря на девятый десяток, обходящаяся без больниц и даже не имеющая медицинской карточки, никогда и не думала о диетах, жила в простоте и приближенности к природному естеству. Она сноровисто, по-молодому хлопотала, заваривая чай.

– В «Вокруг света», помню, так писали, да-а... – И Болдин, глубоко озабоченный загадками далёкого Байкала, вдруг громко хлопнул себя по острому колену жилистой и раздавшейся от работы ладонью. Была бы в руке шапка, он бы прихлопнул шапкой, взметнув на ней болтающиеся завязки, как часто делал, коротая зимний вечерок за разговором в чьей-нибудь знакомой избе. Поговорить, вспомнить былое он любил.

– Вот я думаю, не мираж ли наблюдается и в Брусничном рямю? – не сменил рассудительной интонации в голосе и после эмоционального выплеск-шлепка Болдин.

– Фата-моргана – странный мираж, сами сказали... Миражи на открытом пространстве бывают, а наши непонятные субстанции появляются в домах. И миражи не дерутся, Устина-то, говорите, поколотили... Тут что-то другое, – рассудил Сатин.

Хозяйка поставила перед ним чашку с чаем:

– Мясо перцовочкой запитать полезно, да магазин аж в соседней Степановке, где сельская администрация – теперешний сельсовет. А мы и не тянемся к зелью...

– И я как-то не тянусь, – чуть кивнул головой с благодарностью за гостеприимство Сатин. Нагревшаяся чашка слегка обожгла пальцы.

Из детства он помнил виднеющиеся в почтовском полукруглом окошечке очки, скреплённые на трещине сургучом, и нос Болдина, от рождения тёмный, как у лесного смолокура. Со вкусом и серьёзностью стучал по конвертам штемпель, лежали в углу на табурете разложенные для разноски газеты... Свою работу Болдин считал деликатной, ответственной и, хотя всегда чувствовал некое внутреннее неудобство от несоответствия своего здорового тела и этой деликатности, тем не менее, проработал на деревенской почте всю жизнь и даже гордился этим.

Болдин, пожалуй, старательнее, умелее многих куртальских мужиков пилил дрова, косил сено, ухаживал за домашним скотом, вырастил пять девок и парня, но мало кто считал его настоящим, серьёзным хозяином, вдумчивым, радетельным, хотя у кого, как не у него, появился в деревне первый батарейный радиоприёмник «Родина-47» с зажигающимся зелёным глазком. Без надрывной, видимой натуги, как-то сама собой давалась ему гнетущая, провинциальная жизнь. Возвышенность мыслей, стремление ко всему таинственно-загадочному, скрываемаемая впечатлительность помогали ему раскрашивать обыденность в воображаемое разноцветье настенной мозаики, облегчали бытие. Он как бы играл в тяготы жизни, и окружающие это чувствовали, но не принимали.

– В старинных замках привидения водятся... А что, Пётр Сергеевич, насчёт привидения думаешь? – предложил Болдин новый вариант.

Про старинные замки он явно где-то вычитал, ибо их не только в окрестностях Курталки, но и во всей области не было. В Сибири ни татарские ханы, ни Ермак замков не строили, а всё больше – листовничные остроги.

– Думаю, Кузьма Михайлович, что ход ваших мыслей правилен, но почему каждый видит привидение разным? Привидение одно и то же всем объявляться должно. Оно энергетическую форму сохраняет, некую субстанцию, – заставил хозяина задуматься ещё больше Пётр.

Болдин попросил у жены чая для продолжения разговора и опять хлопнул себя ладонью по коленке, только что не воскликнул, как великий Ньютон: «Эврика!».

– А сам рям... Не в нём ли загадка? Он же сам – сплошная... аномалия, – значительно растянул последнее, не очень обиходное слово Кузьма Михайлович.

Брусничный рям был действительно заповедным, необычным явлением природы. Район располагался ближе к казахстанским целинным степям, чем к более северному, таёжному урману. На лесных полянках среди белоствольного березняка и душистого разнотравья женщины в белых косыночках собирали краснобокую землянику. Даже в самую тишь дрожала листьями на опушках колков осина, будто по ней, как по шкуре напуганного животного, пробежал вечный страх. И только в замшелой низине Брусничного рьяма росли не свойственные лесостепям тёмнокронные ели, а среди болотного багульника и влаголюбивых кустиков смородины довольно густо просматривались бусинки северной, кислой брусники, давшей название этому топкому, неприветливому месту. Сразу несколько природных зон смешалось в Брусничном ряме... Почему бы?

– Мне тоже кажется, Кузьма Михайлович, что разгадка может быть в самом ряме. Место не очень приветное... Бывают энергетически-информационные порталы, могущие переносить человека в другое время. Свидетельств этого собрано много. И возникают такие порталы на местах тектонических глубоких разломов, на местах выделений аномальной энергии.

– А ты аппаратуру какую-то привёз? – спросил Болдин.

Чай остыл. Остатки мясной свежины покрывались белесой плёнчатой мякотью густеющего жира. Хозяйка присела на лавку с ведром и чугунками, сложила руки под сухоньким животом на фартуке и по правилам деревенского этикета не вмешивалась в мужской разговор.

– В идеале уфология уже должна бы быть наукой. Слишком много накопилось явлений, не объяснимых с точки зрения традиционных подходов и понятий, но ведь наука изучает только то, что можно просчитать, реально подтвердить на основе уже существующей системы законов. В средние века алхимия, духовно-религиозные представления были взаимосвязаны, существовали единым целым. Понятия кристаллизации, сублимации, да обычные лабораторные колбы, – порождения тех времён. Исаак Ньютон занимался не только поиском изучаемых ныне в школе материалистических законов, но и пытался получить золото из других металлов, считал, что свет – основа для построения мира, постигал духовное. Ньютон в первую очередь был не догматиком, а великим алхимиком из братства масонов... Много интересовался он таким чудом миропостроения, как гравитация... Впрочем, вся природа – удивительнейшее чудо, и никак не менее. А аппаратура для измерения биоэнергетических полей, метафизической энергии, Кузьма Михайлович, если реально придумана, то только в Институте космических исследований, без открытого доступа к ней, – Сатин наклонился к дорожной сумке с замками и лямками. – А моя аппаратура вся тут...

На стол между мисок легли медные, потускневшие без ухода и чистки две рамочки с деревянными ручками на коротких концах-загибах. Пётр не считал себя опытным и способным «лозоходцем» – тоже не каждому дано! – но как-то на дачном участке друга он безошибочно отыскал с помощью этих рамочек место с хорошей пресной водой для бурения скважины и с тех пор стал охотно пользоваться методом биолокации – таким же древним, как само человечество. Только вместо ивовых веточек появилась медная проволока, да название приобрело оттенок научноподобной серьёзности... Своей живой, скрытой энергией с помощью рамочки-индикатора человек просматривает землю, ищет скрытые клады, «хорошие», «плохие» места под застройку. Нет, «лозоходец» звучало светлее, понятнее нынешнего «биоэнергетика». Из веков пришло первое определение, не из-за стола кабинета.

– Такие рамочки я по телевизору видел, – сказал Болдин, рассматривая, повертел проволочные рогульки в руках. – С ними эки место для подкопа из камеры искали... В кино.

– Припрёт – не до научных обоснований, – глухо хохотнул, как шевельнул сырую древесную щепу, Сатин. – А ещё у меня вот, – и он выложил на стол, к рамкам, фотоаппарат. – Десять мегапикселей, цифровой...

Болдин поскущел лицом:

– Я думал, что посерьёзней у тебя. Такие цацки сейчас у каждого пацана.

Правды ради надо бы отметить, что в последнее время у исследователей аномальных явлений появилась некоторая аппаратура для замера магнитных полей, разности окружающей температурной среды – привидения выделяют неживой холод! – но лишь в качестве единичных самодельных

экземпляров. А среди знакомых и друзей Петра таких инженеров-умельцев не было.

– Я, в принципе, хотел лишь с очевидцами поговорить, поспрашивать, записать. На телевидении выступить, – понял разочарование хозяина Сатин.

– Выступить... – стал вовсе серьёзным Болдин. – Всё только в своих интересах. Гонорар приплатят... А вдруг эта... анома-а-лия не только Курталке грозит? Кто ж расследует? Да и не с кем тебе, Пётр Сергеевич, поговорить будет: Устин гостевать к сыну в Пермь уехал, а Семён Иванович в больнице давний осколок из колена вырезает. Про Баргирея сам знаешь...

– Не укоряй ты меня, Кузьма Михайлович. Что я, Эйнштейн какой?

– В передаче-то, по телику, у тебя всё ясно и понятно...

– Да ничего и там понятного нету, одни вопросы в красивом антураже.

Оба в некотором напряжении помолчали. Старуха, давно и незаметно вышедшая во двор, посыпала курам зерно. Через колыхающиеся от сквозняка ситцевые занавески доносилось её восторженно-увлечённое: «тип, тип, типа...». Позванивала железная дужка ведра как хриплый, заржавевший колокольчик...

– Мне обидно, пойми... Пропадай моя Курталка, все четыре колеса, хоть от нечисти, хоть от безлюдья, и никому дела нет. Была неперспективной, неперспективной и осталась... – заговорил примирительно Болдин.

– Понимаю... А что, реально больше никто о ряме ничего не знает? – поспешил увести разговор ближе к делу Сатин.

Старику было обидно. Ему казалось, что случись такой удивительный казус в мегаполисе, все учёные бы слетелись, спутники бы подключили, синхрофазотроны всякие... Не один десяток лет его воспитывали в почтении к науке, он не хотел верить, не признавал, что противопоставить неведомому порой просто нечего, хоть в деревне, а хоть и в мегаполисе. У скрытого, вероятно, свои законы, и эти законы, если неведомы, то неведомы всему человечеству.

– На завалинках многое говорят, и про оружие психотропное, про атмосферу отравленную... Кто во что горазд, и ничего конкретного, – сказал Болдин.

Сатин положил ладонь на лоб и озабоченно потёр его, захватывая пальцами и лысинку с редкими волосиками на ней. Такого развития событий он, признаться, не ожидал. Он не надеялся, конечно, на мировую сенсацию, но удовлетворить в какой-то степени жгущий душу интерес, сделать по открывшимся фактам передачу на телевидении был нацелен. Пусть хоть люди над этим, непонятным, задумаются, уловят, что есть нечто вне человеческого видения, сознания, осязания. Греховно ли такое проникновение? Может, и да... Но Господь опять же выдаёт нам знания сообразно своей, а не человеческой воле, сообразно своему, а не нашему пониманию современности. Когда-то не было и спичек... И надо было ещё дожить до серы, фосфора и сухой щепы. В природе-то все они были, и даже атом был, да вне человеческого осмысления и применения.

– Пойду с ночевкой...

– Куда пойдёшь? – не сразу понял Болдин.

– В аул у Брусничного ряма. Иначе конкретности не найти, – ответил Сатин, отметив про себя лёгкую ошарашенность старика.

Болдин некоторое время молчал и смотрел, не мигая, в угол прихожей, как смотрит карась из пруда на наклонившегося к воде любопытствующего человека – непонимающими глазами.

– Что, Пётр Сергеевич, ты и вправду такой смелый или только вредничаешь? Мол, нос вам утру... – наконец спросил он, видимо, так и не найдя никакого объяснения и подсказки в пробелённом и прометённом углу родного дома.

– Не вредничаю... Хирург Пирогов на себе прививки проверял, оспу там... Вот и я переночую, может, увижу что... Ради необходимости, Кузьма Михайлович, не ради чужих носов. Иначе ничего не узнать, – сказал Сатин.

Теперь во взгляде Болдина тёплой летней тучкой прошла наволочь, выражающая восхищение. Он остро почувствовал свою причастность к чему-то необычному и в то же время нужному. Идти ночевать в рям старик не собирался, ни возраст, ни обыденность его жизненных устремлений этого уже не допускали, но оценить возвышенность рискованной любознательности, даже восхититься ею Болдин ещё мог и умел. Необходимость есть необходимость. В войну он видел немало мужиков, уходящих от жён, детей в безвестность... От надрыва ли сухожилий, или от физического перенапряжения, но два пальца правой руки у него с детства плохо разгибались, и самого Болдина для передовой забраковали: «С таким-то указательным много не настреляешь». Ещё и бронь дали, сказав: «Что-то, а почта в войну должна работать как часы. По высшему образцу».

– А вдруг в Брусничном ряму и вправду эти самые временные порталы... Провалишься к Стеньке Разину, а он заколдованные клады покажет, да, как ту княжну, – в Волгу? – сказал Болдин.

– Маловероятно. Очень редко люди попадали в другое измерение. Рассказывать об этом невероятности рассказывали, но без необходимых артефактов, ну, к примеру, туеска какого, шлема, монетки из тех времён... – стал объяснять Сатин.

– Выходит, что возвращались всё-таки люди из тех порталов? – спросил Болдин, слегка успокоенный таким раскладом дела. Вместе с ощущением намагничивающей и влекущей прикосновенности к неизведанному в нём жило и остужающее здоровое чувство понимания какой-то незримой, липкой и мерзкой, как лягушка в глиняном кувшине с молоком, пугающей неопределённости. Не любил Болдин лягушек в молоке, хотя такой метод сохранения и охлаждения этого продукта когда-то широко практиковался в деревнях, в том числе и в Курталке! Не любил и самой неопределённости, хотя мечты, так и не придавленные грузом прожитых лет, порой заносили далеко. Но то мечты...

– А сколько ж исчезло безвестно... – тут же рассудил он.

Сатин неопределённо поднял и опустил плечи:

– И считать не пытались – не планеты. Судьба их такая... А в уфологии, как и в науке, доказательством, Кузьма Михайлович, является эксперимент: принеси, положи, обоснуй. И мне придётся идти, хотя приятности, признаюсь, от того не испытываю, – а чтобы окончательно уверить старика в правильности своего выбора, добавил: – И командировочные мне заплатили, отчитаться за них надо...

Не сказал, что цель командировки совсем другая, и на встрече с аномальным никто настаивать не будет. Но в разговоре с Кузьмой Михайловичем такая хитрость была весома. В Курталке вообще относились к финансовым вопросам весьма щепетильно и скрупулёзно. Это как в преферансе: долг – дело чести. А уж долг перед государством плати до копеечки... Ещё Сталин научил: ни колоска без спроса. Всё наше, и всё – не твоё.

– Тут ты, Пётр Сергеевич, промашку дал. Работу не сделал, а деньги уж взял... – встрепенулся Кузьма Михайлович, прошёлся возле стола, стряхнул

в ладонь крошки, высыпал их в кастрюлю на лавке. – А теперь что же... Теперь только идти...

Вошла жена Болдина, включила свет, обозвала затворниками и пошла в горницу разбирать постель на ночь.

С улицы через колыхнувшиеся занавески вместе с освежающей вечерней прохладой донеслись молодые звонкие девичьи голоса:

*Мы жили совсем небогато,
Перловки кило про запас,
Дерниною крытая хата,
И всё ж обокрали лишь нас!*

Не частушка, а какой-то надрывный выплеск души с флёром самобичевания, нескладный, но искренний и вовсе не претендующий на поэтическую красоту! Когда-то деревня пела на улице под гармонь и деревянные ложки не совсем приличные – иногда и вовсе неприличные! – плясовые. За застольем какая-нибудь певунья рассаживала женщин по голосам и быстренько соображала подобие хора:

*Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...*

Вроде бы и про тоскливую жизнь, но про какую-то не гнетущую, просветляющую, хотя и «переживательную»... И мужики гудели простуженными голосами сами по себе, не в мотив, но жизнеутверждающе, и не без куража пристукивали между мисок со щами пудовыми, наработанными кулаками. И в душах за столом было вовсе не тоскливо, а светло и очищающе. Плохо, когда деревня начинает от бесцельности и безысходности петь сочинённые в чуланах частушки не для куража, а ради жалобы, как подмётные письма всемогущим олигархам и чиновникам. Напрасно это! И чиновники, и олигархи считают, что только они своими невероятными способностями и невероятными трудами заслуживают дворцов, если не на тропических островах, – по нашим меркам, почти в раю! – то хотя бы на элитной Рублёвке.

– Сёстры-погодки Пятанины поют, – придержал поднятую ветром занавеску Болдин, его чёрные пальцы выделились на белом колыхающемся ситце. – Для тебя ведь, Пётр Сергеевич, заливаются под окном...

– Зачем же я им, пятидесятилетний? – усмехнулся Сатин.

– Доживёшь до моих лет и поймёшь, что в пятьдесят мужик ещё в самом, как говорится, соку. Любви девкам надо, детей, а выбора нет... Два жениха в Курталке: Митька – пьяный забулдыга да Федя Ежова сын – с детства умом тронутый... А невесты три. Самостоятельные парни давно разъехались... За птицей счастья... Ищут её по общагам да съёмным квартирам... А ты что ж, ты для продолжения рода ещё как подходишь! Девки это чувствуют своей женской сутью... Как... как... волчицы вожака, – Болдин опять воспользовался моментом и ввернул вычитанное где-то слово: – Флюидами...

– А я ведь только мать их помню. Сёстры родились, когда я уж институт закончил. И не видел их... – задумчиво подошёл к окну Пётр, глянул на разлитый светлой, тускнеющей олифой закат за прогнутой крышей пригона. Голоса певуний звучали из-за угла, как с темнеющего неба... Они стеснялись показать свою статью в бедных сарафанчиках, прятались.

Сатин вспомнил, как спросил заканчивающего восьмилетку младшего Ежова лет десяток назад:

– Кто такой, Саша, Ленин? Знаешь?

Тот, не задумываясь, теранул нос рукавом рубахи, сразу рубанул:

– Киргиз!

И только через несколько дней после такого ошеломляющего ответа Сатин разгадал его первосуть. В деревенском клубе тогда прошёл фильм «Донские рассказы», в котором старый казак, играемый известным артистом Грибовым, на полном серьёзе утверждал, что вождь мирового пролетариата ихних, донских, казачьих кровей, как у разбойников Пугачёва, Разина, Болотникова... Понятие, что цепочка «казак – казах – киргиз» вовсе не неразрывна, было выше Сашиных представлений. Все на конях...

Наверное, из всех учеников района, а может, и всей страны Саша в слове из трёх букв сумел сделать четыре ошибки: «ещё» он написал в тетради как «исчѐ». Теперь этот «грамотей» стал женихом номер один в Курталке и возможной опорой в жизни для осиротевших и бедных сестёр Пятаниных.

– Да, такие вот флюиды, – сказал Сатин и, не желая развивать горькую перспективу вероятного союза, отошёл от окна.

В первые послерассветные минуты, когда солнце показало над темнеющей кромкой леса раскалённую горбину, всю в колыхающемся иссиня-бледном мареве утренних испарений, предвещающих последнюю летнюю жару, Сатину чудились рассерженные голоса баб, о чём-то ругающихся с пастухом. Через дощатые, лёгкие стенки прогретых сеней слышалось костяное похрустывание многочисленных копыт на дороге под тяжёлыми и ленивыми со сна коровьими телами. Дождёвывалась ночная жвачка, слетались с тоскливым зудом на парной, тёплый дух стада комары...

– Что-то утром бабы на пастуха ругались? – спросил Сатин Болдина, а тот с удивлением глянул на гостя.

– Да кому ж в Курталке ругаться... Отругались. Пастухов, стада давно уж нет...

– Приснилось это тебе, милоч, – ласково добавила старуха Болдина и загремела вёдрами.

Болдин деловито взялся за отшлифованную прислонённую к стене палку:

– К Артемьевичу схожу, пусть довезёт. Не иди ж Петру за озеро пешком, коли решил на такое... Это как в бой...

– Ну не мели, что попало, – оборвала Болдина старуха. – Пужаешь всех только... На войну мильёнами шли, а тут...

– На миру-то краше, – стукнул палкой за порог открытой двери, уже по крылечку, Болдин.

7

Огонь камень не берёт. Вода камень мало-помалу точит. Поэтому древние считали, что вода сильнее огня. Да и нынешние пожарные так же скажут! Когда-то, ещё в допетровские времена, орден Андрея Первозванного означал в первую очередь не награду, ныне восстановленную после долгого перерыва президентом Ельциным и вручённую первым почему-то академику Лихачёву, – может, и вполне случайно! – а тайное общество, изучающее взаимосвязь далеких планет и обычной (а может, вовсе необычной?) воды рек, озёр и океанов. Водой лечат, с водой делают страшные колдовские порчи, различные предсказания... Даже нынешние учёные-материалисты, изучающие атомы, молекулы и клетки на основе технических, а не мистических подходов, стали допускать, что вода действительно может быть хранителем информации на Земле, влиять на суть и содержание текущего

времени. На Крещение она и вправду изменяет свой состав под влиянием звёзд и таинственного космоса.

Построение звёзд, планет на тёмном, бездонном, неохватном небосклоне и тёмная студёная жидкость в ковше из колодца под рябиной... Удивительна, невероятна, необъяснима для нас такая связь. Ясно пока только то, что вода сложнее, чем простое соединение водорода и кислорода, есть в ней возможная частица живого... А может, и не частица, а сама сущность и сердцевина этого живого?

Чухонские лесорубы подходили к Петру Первому, показывали грубыми, полотняными рукавицами на высокую зарубку на сосне:

– Нельзя здесь, государь, город закладывать. Нева затопит...

– Срубите эту сосну, – распорядился царь.

И город – вторая российская столица! – пережив не только реальные наводнения, но и суровые исторические переломы, невзгоды веков, стоит вопреки пугающей зарубке. Повороты в мышлении великих простой логике не подвластны. Македонский решил проблему Гордиева узла мечом, Циолковский среди калужской пыли, куриного квохтанья, тесных деревянных стен скособоченного дома возносился не только в воображении, но и в реальных расчётах до космических скоростей, рвал вечную силу притяжения Земли... Удивительны величественно-монументальные колонны Исаакия, подпирающие массивный фронтон собора, его выделяющиеся желтизной сусального золота на молочном фоне белых ночей купола, поднятые некогда среди топких болот и тёмнохвойных непроходимых лесов. Стоит Петроград, потакая царской прихоти...

Но прихоти ли? Не есть ли за царским причудливым подходом к реальности нечто, скрытое на уровне особых человеческих интуиций, чутья? Без таких «прихотей» не бывает великого. Сподручник Петра Яков Брюс, как Фауст, продавший дьяволу душу за календарь будущих событий и умение влиять на них, в Сухаревской башне вглядывался ночами в подсказывающую ему вязь звёзд, постигал в их небесных перестроениях взаимосвязи с земной водой. Не этот ли, близкий Петру медиум, и помог ему подчинить неподвластную водную стихию при строительстве Северной столицы?

Андреевский флаг – белый крест по голубому шелку... Флаг Андрея Первозванного... Утверждён Петром для покорения морей... У царя были особые связи с водной стихией, он и умер от простуды, полученной при спасении тонущих барж в холодной воде Невы. Он говорил Брюсу:

– Приведи на трон мою кровь...

И дочь Петра Елизавета правила Россией... Монархи знали цену единству помыслов, стремлений, поступков на основе кровного родства. В основе нашей крови вода – жидкая, текучая.

А Сухаревская башня разрушена по воле Сталина – по кирпичику. Почему он стирал чужие следы, что искал? Многие считают, что искал вождь – тоже немалый мистик, рядящийся в тогу партийного материалиста! – звёздную карту неба, составленную Яковом Брюсом и дающую понимание, как с её помощью и с помощью информационной сущности воды получить власть над будущими, ещё не свершившимися событиями. Карту не нашли... В чьих она руках? И чьё влияние в мире сейчас сильнее влияния президентов, королей, парламентов на накатывающиеся волны кризисов, переворотов, пустопорожних, размягчающих мозг идей? В чью пользу это влияние направлено?

Озеро в Курталке называли Тёмное. Из-за густых высоких камышей, затеняющих свет, чёрная, отстоявшаяся от тины вода тихих галей и сре-

ди лета кажется холодной, хотя неглубока и прогревается до самого дна на тридцатиградусной жаре. Это цвет у неё такой студёный, смолистый, отпугивающий. Тронь шестом лодки напластовавшиеся, перегнившие водоросли, коренья, оттолкнись, и прозрачная чернота поверхности сразу посветлеет и замутится. Будто стакан чая забелили молоком. В её метровой толще перестанут причудливо змеиться зелёные лепестки, стебли, розетки, обнимающие друг друга, сплетающиеся в причудливые узоры. Закроются они пеленой бурой непроглядности. И станет удивительно, сколь много грязи накопилось при полном покое и благополучии в непесчаных берегах, лабзах и самой воде застойного озера.

Подростком Сатин со сверстниками ходил по зыбким, колеблющимся трясинам известными тропами за кореньями куги и кувшинками. Кувшинки напоминали выплывших из камыша жёлтых, неоперившихся утят на блестящем, дегтярном зеркале извилистых водных чистин. И куга, и кувшинки считались у деревенской ребятни деликатесами. В Тёмном водились серебристые мелкие, но вкусные карасики. Опытные рыбаки, бывало, ловили и больших карасей-пятёрстков, заживевших под лабзами в мутном сумраке, неподвижности и пищевом изобилии. Но взять их там, выгнать в сети из безопасного обиталища не так просто. Любой прогал в прибрежной осоке, промятый днищем лодки, обтопанный болотными сапогами, называли для ироничности, или, наоборот, для серьёзности восприятия окружающего бытия, пристанью, как в большом порту. Как для корабля из океанских тропиков! По левую сторону, метрах в ста от травянистой дороги, располагалась теперь затянувшаяся седеющим в зиму камышом пристань однорукого Прохора, заплатившего за литр проеденного казённого керосина штрафной ротой и левой ладонью.

– Вижу: идут, цепью, много... Волос под шапкой зашевелился. Стволом пулемёта повёл, и тут ударило... – чёрные глаза Прохора озорны, бедовы, а в то же время как-то несовместимо с внешней лихостью строги. Когда-то заводную рукоять раскручивал так, что передок «Фордзона» вместе с колёсами в лихорадке подскакивал. С рукой и годами сила потерялась... Он и теперь улыбается, в шапке набекрень, но с жестяного памятника за сварной могильной оградкой. А когда-то у него была устойчивая, широкая плоскодонка...

Ближе к деревне уже давно сгнили на озере деревянные мостки со стоящим на них двигателем и шлангом, протянутым к длинным массивным питьевым колодам для скота. Стрекотал мотор, била струя воды, шлёпала вальком женщина, выбивая воду из постиранного белья, и шугала мокрых суetyающихся ребят:

– Корзину свалите, неслухи... Задам тогда...

Весело в жаркий день на мостках. В брызгах накачиваемой в колоды воды разноцветьем вспыхивает радуга... Тот же Прохор всегда в одних и тех же начищенных, в гармошку, сапогах наклоняется к пастуху, беззлобно скалит крепкие и крупные зубы:

– Не бреши... Ты Нюру-соседку голышом видел, а не русалку! Хвост с задницей перепутал, растакой мужшына...

– Тут, под мостками, и была... – не сдаётся пастух, отгоняет ладонью надоедливого овода.

– С ружьём её выслежу, – опять смеётся Прохор.

Но вряд ли выслеживал... Лося сутками у какой-нибудь болотистой лужицы с берёзовых сучьев, корявых, неудобных, он мог сутками и в осеннюю непогоду, по первому морозцу, на тропе ждать. Лось – зверь

чуткий, уши торчащими варежками под разлапистыми рогами туда-сюда так и крутятся, будто отдельно от длинноногого сильного тела живут... Но верхние запахи лось не ловит. Прохор знает эту слабость, лезет на берёзу у водопоя, караулит... Хрустнет под копытом ледок, всколыхнёт лес выстрел, в сыром настое перепревающих листьев быстро растворится кисловатый душок сгоревшего пороха... Семья у Прохора большая, с одной рукой, а кормить надо... А русалка ему к чему? Вряд ли стал бы выслеживать её Прохор, пустое для него дело...

Аул как раз на узкой лесистой гриве между озером и Брусничным рямом расположен. Может, как раз в этих неглубоких, тёмных, рясных водах, в их невидимом воздействии, а ни в чём ином кроется разгадка аномалии? Возможно, что какой-то информационный заряд от далёких звёзд, блистающих не на земле, а в недоступной, неизмеримой выси они получают... И нет у человека мерок для измерения того мира.

– Тьфу ты! – невольно сплюнул Сатин.

– Ну, и чего ты в кабине расплевался? Допекло, что ли, так? – с оттенком неодобрения глянул Артемьевич.

– Понимаешь... Всё необычное, известное мне, приклеиваю, а склеить не могу. Всё перебрал, примерил, и многое подходит, притягивается, а всё как-то расплывчато, бездоказательно, – Пётр поправил на сиденьи упёршийся в бок рюкзак. За озером, над камышом, торчали приближающиеся крыши аула, крытые блёклым, выгоревшим от солнца и времени шифером. Шифер наверняка потрескался, но расстояние пока было большим, чтобы рассмотреть тонкие извилистые молнии-паутинки по его листам. Издали было видно лишь, что крыши стары до сухой ломкости.

– Уж вот и озеру особые свойства приписал... – чуть скосил глаза на грязные, играющие солнечными бликами лужицы у берега Сатин.

Кулички суетились на тонких ногах, тыкали в грязь клювики...

– В таком заморочистом деле найти факты – это... это, – Артемьевич так и не смог подобрать нужного определения и лишь утробно гоготнул: – Это о-го-го... Го! – потом вдруг повернулся к Сатину и обнажил фиксу: – Лет двадцать назад я тут йети видел.

– Кого?! – невольно спросил Сатин.

Всякого наслушался он в поисках необычностей и всё же удивился: прямо Бермудский треугольник, страна чудес, а не родная Курталка с преобладающим озером!

– Снежного человека, – с непонятной иронией в чёрных повеселевших глазах подтвердил Артемьевич и продолжил тему: – Лет двадцать назад, а то и больше, я работал механиком. Еду из МТМ мимо Тёмного, запчасти к тракторам на лошадке в ходке везу, а из камышей непонятный фигурант поднимается и руками над головой машет, вроде как останавливает. Здоровый, в тине... Я Карьку вожжами шевельнул, а через тутуканье в колёсных ступицах, уже позади себя, слышу: «Подожди ты, ради Бога, механик!» Ну, думаю, нечисть-то Бога поминает, меня узнала – своя вроде как! – и остановился, но с той поры, в отличие от тебя, боюсь всякого – этакого... Непонятного. В дрожь бросает, как вспомню.

Трудно было представить, чтобы Артемьевич дрожал. Он человек хоть не безбашенно-смелый, но весьма цельный и твёрдохарактерный. Сейчас безбашенных много, а твёрдохарактерных не хватает...

– И кто же это был? – нетерпеливо поинтересовался Пётр.

– А помнишь, Федя Дундыкин жил... Здоровый такой красавец, но, как напьётся, любил, как римский дискобол из учебника древней истории,

голышом по деревне побегать. Дискобол с иллюстрации хоть локтем прикрылся, а этот летит – всё вперёди, только космы гривой... Ветер свистит в волосьях, пыль из-под пяток потрескавшихся... Куда там жене со штанами следом угнаться...

Сатин невольно хохотнул:

– Помню и его и его «коронный номер».

– За озеро убежал, хмельную дурь из головы выдуло, а голышом возвращаться в деревню стыдно. Он в камыши от посторонних спрятался, оказию ждал: «Ты уж, механик, рядом какое мне привези, и так ведь оконфузился». Хороший мужик был, да до пятидесяти умер... – неожиданно закончил Артемьевич, подгоняя свою самоделку вплотную к потемневшей стене дома. По казахской, юртовой привычке вокруг не было ни забора, ни палисадничка, ни обычного в этой местности картофельного огорода.

Взрослого мужика, бегущего по деревне без штанов, Артемьевич явно не считал плохим. У него были какие-то свои и довольно весомые оценки полезности и бесполезности прожитой человеком жизни. Не сразу поймёшь, а чаще и вообще останешься далёким от понимания: а какая же культура сегодня нужнее пропадающей, опустошающейся деревне? То ли нынешняя, цивилизная, изворотливая, бледно-зелёная от искусственных потуг, то ли та, древняя, с прыжками через костры, скифскими кубками, не прожаренным мясом на вертелах, жадная до проявлений жизни, зачастую и без походных, меховых штанов – вонючих, пропылённых и прокопчённых?

«Пролетарский» поэт Демьян Бедный когда-то написал:

*Придёт наше время,
Настанет культура,
Умолкнет гармошка –
Писклявая дура.*

А уж кто-то из современных бардов, словно в ответ верному стороннику унижения славянских наигрышей, сочинил:

*Было так по рассказу поэта:
Лишь потушат в деревне огонь,
Слышно будет: всю ночь до рассвета
Одинокая бродит гармонь.
Но достигла культура рассвета,
И теперь, навекая печаль,
Стало слышно: всю ночь до рассвета
Одинокая бродит рояль.*

Утрировал. С ним, с роялем, не бродить за околицей, а топиться в речке удобнее. Тяжёл, собака. Сразу утянет! И вовсе это не значит, что русская деревня не должна приобщаться к высокому, мировому искусству. Классика народных корней из душ не вытравляет. Не противостоит гармошка роялю. Только вот она из жизни деревень, на радость Бедному, ушла совсем, а рояль её так и не дополнил...

– А ты знаешь, почему лесная грива на увале называется «Манькина стыдоба»? – привычно выпрыгнул из кабины Артемьевич.

Сатин набросил на плечи широкие лямки своего рюкзака:

– Девка когда-то повесилась, так говорили...

– Так и было... – согласился Артемьевич. – Только колхозную бригаду создали... На обеде ложками стучат за общим столом, а глупый шутник везде найдётся... Подошёл незаметно да и ткнул пальцем дивчину в бок: «А!». Попугал. А та и пукнула за столом. Смех, понятное дело, гогот... Манька со слезами выскочила. В кустах её нашли, с петлёй. Где-то в этой берёзовой

гриве повесилась. С девичьего стыда... – Артемьевич чуть помолчал, задирая голову к небу и будто ища там подсказки на какие-то вечные, безответные вопросы, и заключил: – Вот ведь народ до чего совестливый был! С голым задом на подиумах не вертелся...

– Дались тебе эти подиумы... – шагнул Сатин.

– А как же, как же... Дались... Как не дались! Они ж такой работой ещё и гордятся, как раньше пахари своей. Пахарь-то хлеб созидал, а эти порок в душах сеют и ещё думают, что правы. Если ж такова намечается цивилизация, то она гнилая! Развал за ней и больше ничего.

Сатин замедлил шаг, начав догадываться о цели затеянного Артемьевичем разговора:

– Для чего ты мне про девку рассказал?

– Самоубийц на кладбищах не хоронили... Может, Манька сердится, не хочет, чтобы в её владениях мы хозяйничали? Неприкаянной душа бродит, отпугивает...

Сатин почувствовал досаду:

– Что вы все с советами лезете! Гипотезы строите одна страшнее другой... Лучше со мной переночуйте в ауле, всё веселее... Что же её душа только сейчас бродить начала?! А?!

Артемьевич замаялся:

– Ну, ты ж – учёный... Тебе привычнее, ты всякой невидали повидал... – и вдруг схватил за руку. – Ты, в самом деле, Петро, осторожней. Мы всей деревней и то побаиваемся этих мест, особенно ночью. Если все учёные так смелы, наука двинется...

– Были уже и смелее, – пожал руку Артемьевича Сатин.

– Утром приеду, обязательно за тобой приеду, – с серьёзностью пионера, дающего на линейке торжественную клятву, пообещал Артемьевич, поворачиваясь к грузовику. Ещё обернулся, поднял ладонь: – На незримое прёшь... Смелый. А я незримого боюсь.

Мотор самодельного грузовика опять гукнул, срывая колёса с места.

Солнце поднялось высоко, высушило лёгкий иней. Утренняя прохлада ушла вместе с поднявшимся туманом. На тихих озёрных заводях ровную поверхность резали стремительными кругами и зигзагами быстрые, непоседливые жучки-водомерки.

8

За занавеской, отгораживающей уголок возле белёной печи, по редким вздохам, по тихому и затруднённому дыханию угадывалось нечто живое, пахло пропревшими от мочи тюфяками. Но ни стопа, ни плача ни разу, пока Наталья с журналом сидела на табуретке, оттуда не раздалось. Она слышала, что зимой жители Курталки затаскивали в дом из холодных пригонов новорожденных телят, спасая их от морозов. Но сейчас-то лето...

– Телёнок, что ли, у вас? – не выдержала и спросила Наталья.

– Грех у нас, – неприветливо ответил хозяин и ушёл в горницу, в которой через застеклённые дверцы виднелось зеркало и развешанные по стенам фотографии в рамках, не захотел больше разговаривать с пришедшей учительницей.

Хозяйка теранула почти мужицким заветренным кулаком проступившую влагу на пострадавших, равнодушных глазах:

– Ты пришла внучку в класс зачислить, а внучки-то, считай, нету...

– Записано же... Семь лет, – заглянула в журнал Наталья.

– Фамилия, может, и записана, а человека нет. Не говорит, не движется, дышит только... Врачи сказали: «растение». Какая уж тут школа. За занавеской вон – наказание Божье...

– Почему наказание... – слегка растерялась Наталья.

– А как же... Женихов в Курталке нет, а из Сургута двоюродный брат дочки приезжал. Переспали... Кровосмешение – смертный грех. Кролики и те вырождаются...

– И где же дочка? – невольно поинтересовалась Наталья.

– Сами не знаем. Со стыда куда-то уехала... Уж в живых, поди, нет.

Наверное, именно возле той застиранной занавески Наталья впервые почувствовала и представила свою судьбу. Какие-то дикие, заскоруждые здесь проблемы... А потом трудности не преминули просыпаться из мешка жизни в реальность. Она, получившая должность директора сельской четырёхлетки, приехавшая в деревню не по направлению, а по безоглядному энтузиазму, осталась без... школы. На самых высоких государственных верхах озаботились качеством образования и посчитали, что в крупных школах, имеющих залы для дискотек, интерактивные доски и высококлассный преподавательский состав, деревенские дети будут грамотнее и высокодуховней. Самым модным словом стало слово «оптимизация». Почему-то у нас рациональное чаще преобладает над нравственным... Потому не бывает реформ без жертв. Более приближённых, более известных «стажистов» пристроили в головные школы района дорабатывать, а таких, как Наталья, оставили на произвол судьбы: в детдом, где росла, не вернёшься и денег на то, чтобы куда-то уехать, не скопила. А в Курталке хоть квартира какая-никакая есть.

И уже через год после сокращения Наталья жаловалась нескольким товаркам с распатанными зубами за столом с самогоном, чёрствым хлебом и скудной глазуньей:

– Вы счастливы, у вас где-то дети есть. Мне тридцатник скоро, а я что такое семья, не знаю, хозяйствовать ни в детдоме, ни в институте не учили... Не жизнь, а капкан какой-то получился. На что жить, как жить? О возвышенном ведь думала...

Раньше она любила цитировать Пушкина, Чехова, других классиков, теперь книжная правда казалась далёкой от реальности: небо и земля. Да и для кого цитировать? Ещё в начале директорской карьеры ей принесли, видимо, для рецензии, как филологу по образованию, тетрадку стихов:

*Две девчонки на заборе вечером сидели,
Кукарекнул вдруг петух, и они слетели.*

Почему петух кукарекнул вечером, а не утром, почему «вдруг», а не по времени, как положено петуху? Очевидно, что смысл уступал в угоду «складности». Такой уровень поэзии был Курталке доступен и воспринимался ею с одобрением. До сих пор здесь восторгались, как в «оттепельные» времена местный электромонтёр Ваня Рябой спел со столба, под окошками сельсовета, вместо молчащего репродуктора собственную частушку:

*Сталин, Сталин – милый Сталин,
На кого ты нас оставил?
На Никиту-подлеца,
Нет ни хлеба, ни винца.*

Винца всё же, наверное, хватало, так как забрали Ваню на пятнадцать суток вовсе не за политические пристрастия, а за пьяный кураж. А вот хлеба... За хлебом появились забытые было очереди. В России почему-то всегда, когда много воли, то мало хлеба...

Правильные, неправильные, корявые или гладкие, но всё это были проявления жизни. Не стало в Курталке ни плохих, ни хороших проявлений жизни, даже школы. Отмирает Курталка, как отмирает отболевшая кожа на ране человека...

– Шибко разборчивы вы, нонешние... И здесь ещё мужики способные есть, хочь пожилые, хочь помоложе. Подставься да рожай, – советовали заплетающимися языками сломленные собственным одиночеством и однообразными заботами товарки.

Наталья не была биологом, но осознавала всемогущество генов.

Понятие-то простое, если не вникать в тонкости: сколько в пробирке не смешивай сливочное масло с тракторным соляром, бутерброда не получить. «Смесь бульдога с носорогом» – присказка, и не более того. Природа не любит вольностей. И кастовые сословия, и условные звания, и социальный статус являлись далеко не формальностью. От плохого семени не получишь хорошего племени... Животноводы, земледельцы это хорошо знают. В прежние времена окрепший парубок в расшитой рубахе бухался перед отцом на плахи пола и просил благословения:

– Благослови на женитьбу, батюшка...

– Кто же избранница, какого роду-племени? – в первую очередь спрашивал строгий родитель.

И каждый старался ввести в семью невесту скромную, работающую, равную по стремлениям. Генетический круг испортить просто, а вот улучшить... Забор кладём и то камень к камню подбираем... Чтобы крепче, надёжнее, гармоничнее...

Услышав о приезде Петра, Наталья не бросилась к сохранившейся, запылившейся в последнее время полке с книгами, не развернула страницы «Онегина»: «Я Вас любил, чего же боле, что я могу ещё сказать...», не стала перечитывать эти трепетные признания. Она побежала к умудрённым хмельным товаркам с расспросами:

– А кто он такой, этот Пётр Сатин, из нормальной ли семьи, не пьющий ли, не больной?

И ей почему-то не было стыдно перед ними за свой примитивный, приземлённый прагматизм. Тёртые жизнью, оставшиеся по разным причинам, в основном из-за этой самой проклятой житейской несовместимости, в одиночестве, без мужей, они не могли её не понять. В их полинявших от невзгод и самогона глазах под глубоко надвинутыми на лоб цветастыми платками угадывалось действительное сочувствие:

– Нормальный он, Натка... И семья была непьющей...

– Ведьмаков ищет... Так он же учёный. Это его дело... Деньги за это и имеет.

– Одно учти: Сатины, они все «задачливые», хоть и простые с виду... Пондравится ли ему, что к нему так-то, как к быку... Без подходов.

Наталья молча наклонилась, прокрутила рукою педаль. Велосипедная цепь при этом хрустнула заржавевшими, несмазанными звеньями, как ревматик суставами.

– А я не «так-то», я с... салом, хлебом. Со «Спидолой»... Музыку слушаем.

Старая прибалтийская «Спидола» была для Натальи и единственной памятью, и наследством, оставшимся от умерших родителей. Сейчас «Спидола» висела через плечо на ремешке отдельно от вытертого пакета, надетого на блестящие рога руля со звонком, слегка раздувшегося от незамысловатой снеди. А больше ей и взять на задуманное свидание было нечего.

Она кокетливо поправила нависшую на чёрные глаза чёлку рыжих волос.

– За сёстрами Пятаниными присмотрите. Соперницы ж... – налегла на педали ногами Наталья, ёрзнув на узкой, пружинистой беседке «лисапета» и бодро взмахнув рукой. Когда-то она занималась в институте настольным теннисом и хорошо представляла, что правильный внутренний настрой и успех неразделимы. Даже не сами успехи, а только ещё подходы к ним и те не терпят робости.

9

Молодой штурман дальнего плавания, жизнелюбивый, чёрнёный тропическим загаром, рассуждал в купе типового пассажирского вагона:

– Ох, за красотой порою такие рифы и бури скрыты... Я, к примеру, много разных мест в мире повидал, но прекраснее того не знаю: от Майами отходят одиночные яхты миллионеров с парусами, как крылья стрекоз, спящая голубень простора, – не голубень, а синь даже! – летающие рыбки с белыми фонтанчиками прямо целыми стайками так и плюхаются из-под форштевня обратно в воду... Спокой, благодать... А меж тем для кораблей, самолётов нет более гиблого места в океане. Гиблого и загадочного... Целая эскадрилья американских бомбардировщиков пропала без понятных причин, суда находят, а экипажей нет... Посуда на столах расставлена, смерчей, ураганов не было, а исчезли. Да вы про Бермудский треугольник, наверное, читали?

И только один дядька, прижимистый товаровед из Кузьминок, всю дорогу подсчитывающий переплату за разницу между ценой купейного и плацкартного места, ничего не слышал об этой аномалии. Он задумчиво вздыхал, многозначительно ковырялся спичкою в зубах, что-то прибавлял, отнимал на пальцах и на разговор соседей не обращал особого внимания.

– Но негативная энергия сказывается и на самой природе. К примеру, где есть тектонические разломы, там лес искривлённый, звери, люди беспокойство чувствуют... В треугольнике тоже должна какая-то неадекватность проявляться. Может, не замечали... – даже не возразил, а как бы дополнил сказанное попутчиком Сатин, считая, что негатив, он на то и есть негатив, чтобы как-то проявляться в окружающем.

– На судах неадекватность чревата... – только и сказал штурман и тоже, как Сатин, как-то неопределённо...

Знал бы что конкретнее, развил бы, не смолчал. Молчат тогда, когда не могут ни подтвердить, ни опровергнуть чужого мнения. Много позже исследователи обнаружат в тех местах под водой блестящие пирамиды, не меньше египетских. Но что они значат, как воздействуют на океан и корабли с самолётами? Непонятно... И кто их на дне создал?

Всё же любое исследование Пётр начинал с осмотра обстановки и местности, как заправский следователь. Просто не знал, с чего другого можно начать! Следователи хоть уверены, что следы преступника всегда остаются, он же никогда не был уверен в том, что сумеет найти маломальское подтверждение даже самому факту случившегося. Трудно искать иголку в стоге сена, но она там хоть спрятана и зрима... А если незрима, если лишь предполагаема и бестелесна? Как и чем её почувствуешь?

Берёзовая грива Манькина стыдоба представляла собой неширокую полосу леса на увале между озером Тёмным и низиной Брусничного рьяма. Колок этот и всегда-то был чистым, без сцепившихся кустарников, а к

осени и любой лес кончает буйное цветение, становится прозрачнее. Пётр, осматриваясь, вступил под сень ещё не начавшей бронзоветь листвы. В загустевшей тенистой лиловости колка были видны красные, пока не тронутые первыми заморозками и потому ещё твёрдые ягодки шиповника. В Курталке шиповник поэтически и неопределённо называли симберикой.

– Пойдём симберку собирать, – говорили когда-то меж собой ребяташки и бабы.

И никому и ничего не надо было больше добавлять, так ясно.

Кусты дикой розы цеплялись мелкими колючками за штанины, и Пётр их старался обходить. На опушке Сатин увидел несколько молодых берёз, изогнутых ровными дугами, с вершинами, склонёнными чуть не до самой застаревшей, уже засыхающей травы. Какая неведомая сила сделала из их довольно толстых стволов подобие ворот? Легко приписать всё непонятное сверхъестественным силам... Пётр родился в этих местах, знал редкие и всегда неожиданные июньские сырые снегопады с ветром, утяжеляющие давно распутившуюся листву и склоняющие верхушки. Из снега тогда торчали вместе с зелёными стрелками дикой черемши жёлтые бутоны распутившихся стародубок, а прибежавший с пастбища чабан стучал в окна:

– Овец спасайте! Не идут в деревню на ветер, снег глаза им забивает...

А на другой день солнечный генератор активно нагнетал тепло, снег таял, не оставляя на почве быстро просыхающих вымочин. Но не все деревья в лесу распрямлялись, некоторые так и оставались скрюченными сколиозниками, склонёнными к земле. Видно, и нынче в начале лета был сырой, поздний снегопад...

А вот возле берёзы с чахлой, больной листвой и засыхающими ветвями Пётр остановился. Береста была без чёрных корявых борозд – ровная, молодая... А тогда что заставило её гибнуть среди других процветающих деревьев? На обратной стороне ствола он обнаружил так и не затянувшееся ни слизью, ни твёрдым наростом глубокое отверстие: кто-то несколько вёсен назад брал здесь с буравцом берёзовый сок. Слишком большую, не поверхностную рану нанёс дереву человек, гибло оно вполне закономерно и тихо. Без потустороннего участия...

Всякая необычность важна при осмотре. Лужица в кустах... А почему она не высохла? Других лужиц рядом нет, и не низина... Непересыхающие лужицы могут прикрывать информационные порталы в параллельные измерения. Но под водой заметна ямка: кто-то копал глину для нового сарая или бани на промазку бревенчатых пазов. Бугорки по краям ещё сохранились и уже редким пыреем заросли, а вода не ушла, не испарилась и пополняется после каждого дождя... Обычное опять же дело.

Дягиль с круглыми, побуревшими соцветиями показался Сатину выше, чем был в детстве. В детстве всё соизмеряется с маленьким ростом, взрослым всё кажется ниже. А может, дягиль и действительно был выше, чем в детстве, просто выдался на него особенно урожайный год? И такое допустимо. Когда-то это травянистое растение с бледно-зелёными зонтиками соцветий, похожее внутренними перегородками полого ствола на китайский бамбук, принесло Петру и другим ребяташкам немало радости. Они звали дягиль «сикалкой». Вырезали из стебля трубку, протыкали гвоздём перегородку, вставляли поршень из палочки с тряпкой и опрыскивали друг друга в жаркий Ильин день, как из насоса, не щадя чистых, праздничных рубах, гогоча и прыгая.

– Поломать бы ваши эти «сикалки», – грозились матери, отстирывая мокрые, грязные разводы на спинах и рукавах ребячьих сорочек.

Никакой мутации: дягиль, как дягиль, пусть и рослый. Среди людей тоже встречаются баскетболисты: каша и гены были, наверное, хороши-ми – и весь секрет.

Стало заметно, что увал пошёл на понижение. Сатин вышел к густым зарослям ивняка, широко покрывающим берег Брусничного ряма. Под ногами почувствовалась колыхающаяся податливость вековых ковровых накоплений мха и травы. Небольшие прогалы, похожие на козьи тропы, разделяли переплетённые сотнями корявых побегов кусты. В их сердцевинах из-за вечной затенённости не росла никакая трава. Впереди бородавками на застойной воде торчали болотные кочки с жёсткой, топорщащейся осокой на самых макушках. Метрах в пятистах, на середине ряма, чернели хвоей на фоне небесной голубизны однобокие, словно обкусанные неведомым, летучим драконом вершины сосен. Там-то, на мшистых полянках у их подножий, и краснели ягодки кислой, витаминистой брусники. Пётр через воду не пошёл. Он достал из-за пазухи биолокационные рамки, вытянул руки, медленно и ровно стал вращаться вокруг своей оси. Если есть проявления аномальной энергии, то они должны уловиться загадочной чувствительностью медных проволочек... Но проволочки лишь чуть покачивались от колебания ладоней с обычной амплитудой, не отмечая ничего странного.

Редко какой человек не вздрогнет, когда в кустах с громким хлопаньем крыльев взлетает испуганная его появлением тетёрка: «Фур-фур-фур...»

Резко и внезапно, как горн поутру...

– Тьфу ты – уродка! – выругал взлетевшую птицу Сатин.

Рамки скакнули, но тут же вошли в прежнее ленивое спокойствие. Нельзя сказать, чтобы отсутствие признаков аномалии расстроило Петра. Основным «номером программы» он по-прежнему считал свою ночёвку в старом ауле. Этакая своеобразная ловля на «живца»... Какие сущности могут объявиться, благожелательные или не очень, как, к примеру, Устину? Кто ж знает... Любопытством риск не оправдывается, не оправдывается он и бездумным желанием острых ощущений, но, если возможен результат, возможна объясняющая конкретность, то тут уж – кому как характер позволит... Сатину, видно, позволял.

На испытательном полигоне не взорвался выпущенный по просеке опытный снаряд. Потрачены средства, силы и ум разработчиков... Из-за копеечной мелочи может сорваться серьёзная программа. И молодой конструктор сам выкручивает из снаряда детонатор, заводит руки за спину, подальше от лица:

– Отойдите все, чтобы вас не изуродовало...

Ему и самому не хочется лежать в гробу, перед женой и людьми, с пугающе обезображенной внешностью. Его пальцы до тонкостей знают каждый винтик, каждую выемку в корпусе взрывателя. Кто, как не он? Он на ощупь, за спиной, обезвреживает и разбирает взведённый в боевое положение взрыватель снаряда:

– Основная пружина не сработала. Жестковата для мягкого грунта... Марку стали надо другую подбирать.

Начальство с коробками орденов не ездит, оно ездит с авторучками для выговоров. Риск вроде был оправдан, но вышестоящая рука в целях «перевода стрелок» и прикрытия собственной вины выведет на бланке свои оценки: «в результате халатности, конструкторской недоработки, лабораторной небрежности, несоблюдения правил техники безопасности...». Какие эмоции испытывает человек, разбирающий за спиной смертельную

игрушку, – второй план. Чего в таком современном подходе больше: оправдываемой необходимости или губительной чѐрствости? Ответ вряд ли будет единым... Он ещё и не известен нам, ответ. Может, шагаем-то мы назад от сакраментальных, основополагающих, духовных представлений, вечно служивших точкой отсчёта? Может, переживания молодого конструктора перед лицом возможной смерти и есть «первый план», а рационализм начальнических приказов – второй? И никак не наоборот. Наоборот – деградация, а не прогресс... Успеем ли понять?

Неверно было бы сказать, что Сатина слава совсем не волновала. Он не отказался бы от заслуженного признания, тихого уважения, но как человеку вдумчивому, реалистичному, несмотря на некоторую необычность, даже экстравагантность увлечения тайнами, ему претила сама суетливая оболочка славы, заключающаяся в цветах, поздравлениях, взбалмошном, эксцентричном внимании публики. Служение истине «не терпит суеты», так же, как и у муз.

Больше ему нравилось быть свободным отшельником на пути познания, и он не без оснований считал, что обезличенный ум целых научных коллективов не всегда заменит ум гениального одиночки. Самый современный коллаيدر, построенный при массовом задействовании людей и миллиардных средств, возведён для подтверждения гениальных расчётов учёного Тикса о первооснове строения материи. Одного учёного... И уже вроде бы поймана предсказанная в его работах «частица Бога», доказывающая правоту его гипотезы, но отнюдь не отвергающая духовного первоначала материи.

Не найдя ничего аномального в окружающей природе Сатин стал выходить из леса. Шум берёзовых вершин от лёгкого ветерка казался за спиной шумом далёкой, невиданной в этих местах электрички, когда отдельный стук её колёс напоминает слившийся воедино небольшой водный поток.

10

Судьбу можно сравнить с ткацкой нитью, золотой ли, парчовой, или простой, трикотажной. Но все нити волей Мастера вплетены в единое переливающееся разноцветьем полотно Вселенной. Нити судьбы расходятся, переплетаются, заканчиваются и, согласно Вернадскому, добавляют свой добрый, дурной ли след в незримой, одухотворённой ноосфере Земли – её памяти! – делая жизнь планеты либо удобной, либо нетерпимой в масштабах Космоса. Там дела наши не буквами отражены...

Могли бы пересечься пути Сатина и Натальи, но за огородами деревни, на заросшей травой дороге к озеру, она вдруг подумала: «Я сошла с ума! Я рулю к незнакомому мужчине, чтобы подкормить его, навязаться и занять от него ребёнка без любви. Какая глупая затея! Глупая и унижительная... Вернусь – почитаю Бунина. Очищусь!» Её прежняя решимость пропала. Колесо велосипеда сначала слабо вильнуло на колее, а потом развернулось назад, к Курталке.

В одном из фантастических романов Р. Бредбери описано, как человеческий сапог раздавил на огороде никчемную бабочку, а в результате нарушилась вся экосистема, поменялся мир... Кто знает, что оборвалось в результате несостоявшейся житейской встречи Петра и Натальи? Может, не родился гений, способный сдвинуть мир к лучшему? Может, произошёл бы позорный скандал? Может, сорвалась бы ночёвка в ауле? Но не бывает того, что не случилось... Не дано оценить не свершившееся.

Пифагор со своими учениками считал основой мироздания Число. И гениальность его не в «штанах, равных на все стороны», не в других подобных теоремах, а в том, что он предполагал изменчивость лишь самой материи, а управляющие её существованием законы вечными, неизменными и вычисляемыми. Это с тех самых, древнегреческих, времён люди определились с «семёркой», как со «счастливым» числом. Семь слоников на комод... Не шесть, не восемь, ни много, ни мало, а почему-то в самый раз... Попытки создать математическую модель мира не оставлены до сих пор. Не гусиные перья скребут пергаментную бумагу, а электронные сверхкомпьютеры пытаются сложить формулы мироустройства... Доктор Брюс Буэно де Мелита проверяет предсказания Нострадамуса с помощью... математического алгоритма, стараясь совместить давние озарения ясновидца и современный строгий расчёт.

Пётр сидел на завалинке казахского дома и решал, где ему устроить постель. В самом помещении или в объединенной телятами, неровной копне сена на полянке неподалеку? И даже не подозревал при этом ни о душевном смятении незнакомой директрисы, ни о её женских намерениях. Просто повернулось назад по воле возникших мыслей велосипедное колесо на дороге... Не совпала в пространстве какая-то цифра.

Эксперимент требует максимальной внутренней стерильности, как алмаз «чистой воды». После долгих колебаний Пётр пересилил себя и решил идти в дом, в самый эпицентр аномалии, а не оставаться наблюдателем в копне под августовским, ещё тёплым, небом.

11

Под нажимом пальца щёлкнул выключатель у косяка двери, и Сатин обрадовался красноватому свету лампочки в ещё не затемнённой близящимися сумерками комнате. Розовые облака... Пётр не однажды видел их при посадке пассажирских самолётов. Высокое зарево с земли достаёт, освещает кучерявящиеся пласты... В больших городах годами не видят забиваемых электричеством звёзд. Стали сейчас говорить о вредности постоянного искусственного освещения. Пётр и сам помнил, как при отключении электричества вглядывался в полную темень. Постепенно под окном начинали прорисовываться ветки кустов, фигуры прохожих... Становилось комфортно, умиротворённо... Вдруг вспыхнувшие фонари внезапным тычком слепили глаза. Реальность ночи пропадала... Если бы смена природной дикости на постепенный уют цивилизации произошла бы быстро – как вспышка уличных фонарей! – тогда, вероятно, мы полнее представляли бы, что приобрели и что потеряли в результате достигнутого комфорта.

Страх темноты присущ людям. В закопчённых жилых пещерах издревле горели костры и факелы среди разбросанных вокруг костей диких животных. Свет отпугивал не только гиен и шакалов, но и всякие невидимые, нечестивые сущности-духи. То, что электролинию не успели отключить, обрадовало современного кандидата наук не меньше древнего человека: всё не при парафиновой свечке коротать ночь – лампочка приятнее и поярче, ближе к привычной цивилизации.

Августовский день стал короче. Солнце распухшим шаром уже коснулось противоположного озёрного берега. Нагретая вода к вечеру стала остывать, затягивая камыши, ряску, близкие окрестности ещё не загустевшим туманом, седовато-лиловым от просвечивающих закатных

лучей. Солнце будто ранилось о далёкие вершины берёз и кровавило окружающую августовскую зелень, застойную воду озера в преобладающую красноту.

Пётр сходил к копне и принёс в угол дальней комнаты большую охапку душистого визилия, смешанного с осокой и высохшим пыреем, опустил в изголовье рюкзак, кинул поверх сена оставленный среди комнаты старый домотканый половик. В противоположном углу стояла прогнутая металлическая койка со скособоченной панцирной сеткой без матраса, но Пётр решил, что на полу будет вольготнее. Спать он этой ночью не намеревался, но расположиться решил поудобнее, как привык в многочисленных походах по родному краю. Край же был велик и разнообразен: от полярных морей и тундры до казахских целинных земель с серебристым ковылём меж песенных перелесков.

На деревянных, с облупившейся краской оконных рамах лоскутами висели обрывки некогда цельных, приклеенных газет. В треугольники меж обрывков было видно, как всё больше и больше сгущается синева на улице, а пятачок луны подпиленным с одного бока, неровным кругом начинает всё ярче, всё настойчивее всматриваться через застеклённую фрамугу в комнату. Страх был, но страх какой-то затаённый, невыраженный, как подводные рифы на пути не знающих курса аргонатов, когда только некий внутренний взор, интуитивное чутьё могут помочь выплыть... За спиной, в тронутых дровяной копотью углах, пугающей сомнамбулой ползала и расплывалась собственная тень. Чувствовался запах принесённой травы, застаревшей пыли на подоконниках и будто от недалёкой опушки наносило едва уловимой прелью горькой, сыро перебродившей осинового коры. Пётр даже подумал, что в доме были рано закрыты вьюшки печных труб и в комнате есть угар, но тут же вспомнил, что хозяев нет, печи не топились, и угар бы давно выветрился. Не вникая больше в природу непонятного запаха, он сел поверх брошенного половика, рамками обследовал вокруг себя энергетическое поле. Медь проволочных антенн-усиков осталась безмятежной и не шевелящейся. Всё в норме...

Прошло около двух часов. И первое время Сатин чувствовал, как чем-то убаюкивающим, шелковистым и настойчивым обволакивает сознание.

«Что ли я в цветущей конопле?» Когда-то вокруг старого колодца в огороде росла густая конопля. Ребятишки играли в ней, боясь приближаться к гнилому, невысокому, в два бревна, навершию сруба без крышки. И тогда так же хмелило сознание. Коварство нынешнего опьянения заключалось в его незаметной наступательности: не рюмками и стаканами, а коварными, текучими миллиграммами. Даже не миллиграммами, а какими-то молекулярными, проникающими через поры в сознание дозами. Контролировать степень его проникновения было уже невозможно, столь тихо оно кралось. Пётр не понимал, спит он или бодрствует. Голова в лыжной шапочке склонилась к костяным пуговицам куртки. В носу, горле чувствовалась душающая, плесневелая сырость.

Никакого вхождения он не услышал, а поднял голову и сразу увидел лицо академика Ивана Андреевича Машнина. Будто скульптор рубил это лицо из тёмной глыбы, всё лишнее отсёк, формы выделал, а шлифовать не стал, терпенья не хватило. Было лицо грубым, сильным и... по-спартански притягательным.

– Здорово, беллетрист! – бесцеремонно хохотнул Машнин.

На семинарах в областном клубе исследователей «К.И. Космопоиск» он называл уфологов не иначе как беллетристами, намекая на отсутствие

у них рационализма и излишество фантазии. На семинары Машнин приходил отстаивать недопустимость в науке «эзотерических выкрутасов». Венец красивых седых волос густым утренним туманом оттенял сейчас загорелость его щёк. И туман этот колыхался странной живой пеленой. Словно в просвете облачного движения Сатин увидел кованый крючок в петельке дверного косяка, невежливо спросил:

– Как Вы вошли?

Он хорошо помнил, что закрыл крючок как раз для того, чтобы понять, войдут сущности через стены, окна или будут стучаться живыми людьми.

– Вошёл... Так и вошёл, – Иван Андреевич кивнул за спину на торчащий ружейный ствол. – Кабанов приехали погонять. Охотхозяйство тут, с вышками и домами. Егерь сказал, что какой-то чудака привидения ловит, вот навестил... Не поймал?

Удобная позиция: обходить суть ответа встречным вопросом.

– Не знаю, – ответил Сатин, глядя на курчавящуюся живым туманом седину машинных волос. – Может, поймал.

Углы, дверь, гнутая пустая кровать опять размылись, словно ушли из фокуса линзы. И только грубо вырубленное лицо академика по-прежнему осталось ярким и отчётливым.

– А я ведь тоже не ярый материалист. Я тоже допускаю возможность духовного начала у всего существующего: у планет, звёзд, земли, людей... Покойная бабушка и меня лбом перед образами бухала, – под опустившимся тяжёлым телом скрипнули пружины панцирной сетки. Иван Андреевич расстегнул и положил рядом тугой патронташ, продолжил: – Вся разница в подходах и добросовестности... Наука опирается только на факты, а уфология позволяет считать реальностью недоказанное. Шарлатанит, просто говоря. И этим мне неприемлема.

– Вы же премии, награды за Самотлор получали? – разжал губы Сатин.

– Не только за Самотлор... Геологическое обеспечение всех сибирских нефтяных месторождений, мирных атомных взрывов на скважинах – дело моего института, – согласился Машнин и съехидничал: – Мне ни один ненецкий шаман не подсказывал, где бурить...

– Они подсказали гибель тундры, вековых устоев... – сказал Сатин.

– Эка невидаль... Да сейчас каждый говорит, что у цивилизации есть не только положительные стороны, но отрицательные, возможно, необратимые и губительные, но благами её охотно пользуется, – Машнин достал трубку, набил её дорогим душистым «Кэпстэном», закурил. – И как решить эту дилемму?

Душистости табачного дыма Сатин почему-то не почувствовал.

– Уфологи стараются лишь понять мироустройство, а вы его изменяете.

Трубка во рту академика пыхнула вызывающей затяжкой:

– Ты ж сюда приехал не на волах. Хотя бычье ярмо было когда-то немалым достижением цивилизации...

Машнин встал, прошёлся до угла комнаты, как угольный локомотив, оставляя за широкой спиной шлейф сизого дыма:

– Людям необходимо благо, они жаждут его... Я возглавляю лаборатории, буровые, проектировочные и научно-исследовательские коллективы, деньги из бюджета нам дают не за шарлатанство и ворожбу, а за реальные проекты и реальную отдачу. Я служу необходимости.

– Служить учёный должен истине, иначе он просто делец, – вставил Сатин.

– Какая праздность... Нацепил бы очки, надел нарукавники, поставил чернильницу, творил открытия. Век алхимиков прошёл, – Машнин наклонился над сидящим в углу уфологом, заслонив стену. – Да ведь чтобы доказать жизнь на человеческой ладони, увидеть под ногтем миллионы, миллиарды бактерий и клеток, надо было создать хотя бы микроскоп. Реально создать, станками, знаниями, а не колдовством и воображением.

– Что вы про колдовство... Уфология понимает, что дальнейшее познание мира требует не только материалистических подходов. Хотите, не хотите, а науке с эзотерикой надо объединяться, дополнять друг друга. Люди подошли к познанию такого незримого и сокровенного, что отдельно не познать... Мы многого не видим. Радиоволн, магнитного излучения... Параллельные миры нельзя отрицать только за их незримость.

Машнин нетерпеливо махнул рукой:

– Понимают они...

Он опять заслонил стену широкой и мощной фигурой:

– А видел, как горит небо? От горизонта до горизонта...

– В «Космопоиске» вы рассказывали, что участвовали во взрыве пятисотмегатонной бомбы на Новой земле. Хрущёв мир удивлял. В тысячу мегатонн могли взорвать...

– Гибель и ужас... – вряд ли услышал Петра Машнин с расширившимися от страшных воспоминаний глазами. – Перекатываются всполохи, оглушает. Генералы головы в воротники шинелей втянули, и ни слова, остолбенели. Академик Сахаров побелел, как больничная простыня: «Магнитосфера, ионизация...». Он не исключал, что цепная реакция всю атмосферу может раскалить и охватить. А над бункером гремит и полыхает. Взрывная волна два раза земной шар обошла... Ненцы, манси заранее в глубокие ледники были эвакуированы. Господь дал шанс, поставил предел... У него ещё хватает для нас пределов. Уцелело небо. Даже самолёт-носитель из зоны поражения вышел целым... – Машнин словно обессилел от воспоминаний и опять сел на скрипнувшую пружинами койку.

И опять как меж разошедшихся в сознании облаков Сатин увидел дверь, закрытую изнутри на крючок, и заплетающимся языком спросил:

– А ты как в дом попал? И почему твой табак не пахнет? Он пахнуть должен... Видимость только.

Пальцы правой руки почувствовали металлическую прохладу лежащего рядом фотоаппарата:

– Я тебя сфотографирую...

Сатин поймал объективом всё время ускользающую текучей водой фигуру академика, и раз, и два надавил кнопку спуска. И оба раза он отчётливо слышал срабатывание затвора, а ослепительная вспышка дважды была по глазам, заглушая красноватый свет слабой лампочки под потолком.

– Не сметь! – воскликнул академик и схватил с койки патронташ. Как он выскочил за дверь, Сатин не заметил. Опять нанесло пелену непроглядной хмари. Лишь иногда, во время просветов в этой хмари, он ощущал себя то ползущим по полу с ровными щелями меж плах, то больно тыкающимся головой о крашеные эмалью косяки двери. А последним просветлением был выхвачен собственный ботинок, выбивающий из петельки ударом носка кованый крючок. Дверь распахнулась. Сатин подался вперёд и выпал плашмя на деревянную, грубо сколоченную единственную ступеньку узкого крыльца, ударившись об её углы и рёбра лбом.

До восхода солнца осталось около получаса. Словно доярки с неведомой, призрачной фермы равномерно залили из больших алюминиевых бидонов окрестности белым молоком. Роса ещё не серебрилась, как в свете разгоревшегося дня, а была тёмной и холодной. Сыростью пропиталась одежда, и эта сырость привела Сатина в сознание. Оторвав голову от земли, он увидел выкатанные собственным телом круговины в траве, скособоченную копну, объединенную телятами, тёмные стены аульных домов. Тишина. Такая тишина бывает только в предрассветные короткие мгновения, когда одно состояние природы меняется другим. Поздним вечером, после потухшего заката, такой тишины нет, то мукнет корова в стойле, то ухнет за огородами ночной филин, его время, то кашлянет возвращающийся со свиданья неженатый хлопец. Ночь тоже живёт... И только утром, до первой дневной птички, уже после третьих петухов, бывает так вот тихо, что слышно, как звенит воздух, будто напрягшийся на озере зимой чистый лёд.

– Что было? – Сатин приподнялся на руках, чувствуя ладонями землю.

Болела голова. Наверное, так она болела спросонья у мужиков, подгулявших у жадных и предприимчивых знакомых, настаивающих брагу на табаке. Свежий, пропитавшийся чистой влагой воздух с каждым вдохом прочищал лёгкие, горло, все поры размякшего тела от неприятной хмельной горечи, делая сознание яснее.

Сатин подполз, подобрал лежащий в траве фотоаппарат. Он не помнил, как захватил его с собою с устроенного в доме лежака, но как-то захватил... Пальцы привычно нащупали нужную кнопку. Электронный экранчик послушно высветился, не отсырел. На нём видна металлическая дужка кроватного изголовья, вот угол комнаты с ошелушенной известью на кирпичах близкой печной трубы. А где Машнин? Почему его нет в кадре? Академик стоял как раз между объективом, трубой и этим углом... Не стекло же, а человек. Вот и угол, и другие детали, фотоаппарат сработал, а человека нет. Ни намёка, ни пятнышка на седую шевелюру Машнина... Как такое может быть?

Объектив порой фиксирует даже то, что недоступно человеческому глазу, связанному с мозгом. Мозг избирателен, он имеет границы восприятия. Объектив бесстрастен. Он, случается, ловит и невидимые энергетические шары-плазмиды, парящие в пространстве, и белесо-туманные очертания привидений, и летающие НЛЮ. У объектива нет рамок, как у мозга, он бездуховен.

Потом Сатин чувствовал, как тормошат его за плечи сильные руки Артемьевича, а встревоженный голос приехавшего вместе с ним Болдина слышится в утренней ранней сырости, как из открытого творила погребца:

– Кто ж тебя, Пётр Сергеевич...

И приложенный ко лбу белый лоскут материи впитывал кровь, натекшую на правое надбровье.

– Сам, сам... Упал на крыльце, падал сам... я, – объяснил Сатин всё ещё сидя на коленях и раскачиваясь туловищем. Губами он почувствовал поднесённую твердь термосного горлышка, уловил запах густого, настоявшегося на душице и мяте чая, отпил несколько глотков. Свежесть начавшихся утренних испарений, прохлада остывшей за ночь земли быстро возвращали силы. Солнце уже вытянуло за собой над лесом нижнюю кромку багрового шара. Длинные тени берёз пересекли поляны.

– Приходил кто? – делая равнодушно-спокойный вид, осторожно спросил Артемьевич.

Любящий необычности Болдин оказался менее деликатным, он нетерпеливо и суетливо застучал о крошечный, еле заметный земляной бугорок старческой, неугомонной палкой:

– Говори, Петро, скорейше...

Сатин разжал губы:

– Академик Машнин приходил... Знакомый.

Артемьевич лишь неопределённо-восторженно присвистнул, а Болдин глубокомысленно, с прорывающейся досадой просипел:

– Академики-то всё и творят...

Видимо, старик во всех этих случившихся странностях не отвергал тайного влияния науки.

– Подождите... – Сатин всё ещё качал свежую на воздухе головой. – Почему он не стучался, почему не получился на снимке, почему не пахнул табак... А Баргирей видел Тамерлана, Семён Иванович немцев каких-то, с автоматами... Почему каждый видит своё? Только ему близкое... Внутреннее своё.

Где-то близко чудилась разгадка. Она блудила от куста к кусту, уже где-то близко у желанного очага. Видения разные, значит, их основа где-то в самом человеке, его сознании. Сатин приходил в себя.

И в этот момент Артемьевич пнул носком сапога подвернувшуюся червивую сыроежку. Сыроежка треснула, как зеркальце, разлетевшись на несколько белых ломких кусков.

– Дожди... Развелось, – вроде бы даже с неким неудовольствием сказал Артемьевич, глядя на разлетевшиеся белые куски, хотя знал, что лесные грибы для людей благо, а не вред.

– Чего развелось? – перестал качаться от слабости Сатин.

– Грибов, говорю, нынче много. Бочками солили... – ответил Артемьевич.

Сапоги приехавших шуршали кожаными передами по застаревающей траве, а руки их поддерживали Петра. И тогда Сатин, сам ещё не веря в разгадку, проговорил:

– А потому не сфотографировалось, что и не было ничего. И табак не пах – его не было. И академика... В голове всё... Всё, что было, углы, печь, запечатлелись. Академика видел, разговаривал, а его не было. Вот как... Принесите из машины ломик, топор. Под сиденьем их видел...

При нажатии ломиком большие гвозди в сухих лагах и досках пискнули, словно обиженные котята, оттолкнутые ногой от миски. Все напряжённо взглянули в образовавшийся проём, но ожидаемой под полом земляной черноты не увидели. Вместо черноты открылся белесый полог плотно растущих мухоморов, поганок, каких-то других грибов, таких же бледных, гибко вытянувшихся и немощных от недостатка солнца. Свет под пол проникал только в вентиляционные отверстия с южной стороны завалинки, но грибам для жизни его хватало, как хватало и натягиваемой снаружи сырости от обильных дождей.

– Зараза... – сказал после общего молчания кончивший техникум Артемьевич, а ничего не кончивший, кроме церковно-приходской школы, старый Болдин не преминул вернуть вычитанную в журналах «научность»: – Галлюциногены ж...

Сатин, прислонившись к открытой двери, дышал всё ещё тяжело, с лёгким сопением, но уже налившись прежним сознанием.

– Его, мухомор, пальцами в лесу разотрёшь, понюхаешь и шалеешь, как от портвейна. Такие инопланетяне, – привычно стукнул по коленке снятым картузом Болдин и засмеялся хрипло, по-дедовски, слегка тряся при этом мосластыми, высушенными временем и работой плечами под неизменной вельветовой толстовкой с пояском.

Артемьевич молча водил глазами по комнате, лампочке, краснеющей под потолком в свете зародившегося дня, по вскрытому проёму в полу и в них, как вода в банной шайке, уже плескалась несдерживаемая ирония.

– По крайней мере, мы установили причину видений, – слегка смущаясь, сказал Сатин. – И Устина никто не колотил, сам он, как я, падал.

А через минуту сдержанный Артемьевич в припадке смеха катался по траве, обхватывал живот и задирали ноги:

– Хох, цыган Митрий... Хох-хох, автоматы... Нечисть! Синяки! Хох...

А над ним, ниже обычного наклонившись над палкой, сотрясался выпершей спиной Болдин.

И будто не они разжигали костёр страстей, не они способствовали конфузному ночлегу, не они рассказывали ему всякие небылицы, обходили в опаске всей деревней аул стороной, звонили в музей... Успокаивались мужики долго, расслабленно. И Сатин знал, что теперь Курталка, непривычная к яркости происходящих в деревенской жизни событий, слухов, будет долго считать его приезд знаковым, будет вспоминать и потешаться. Повод для этого действительно достойный: искали привидения, а нашли... мухоморы.

13

– Ну что, Пётр Сергеевич, считаем портал закрытым? – уже больше утверждая, чем спрашивая, форсисто и как-то по-ребячьи крутанул перед собой колесо крючковатыми, неразгибающимися пальцами Болдин.

– Да и нет... А вы знаете, что в Москве специальный институт по изучению мозга есть... И ленинский там, и Циолковского, других гениев... Исследуются они. Дочь известного академика Бехтерева институт возглавляла, – произнёс нахохлившийся, всё ещё чувствующий горечь во рту и отсутствие бодрости в теле Сатин.

– Где ленинский мозг, где наши мухоморы... – недовольно повернулся от баранки Артемьевич. – Опять не туда загибаете ...

– К чему ты, Пётр Сергеевич? – уже с некоторой заинтересованностью спросил Дробызов. – Пошто думаешь, что портал наш не закрыт?

Несколько ворон, вспугнутых машиной, недовольно поднялись и опять сели недалеко от дорожной колеи.

– Ты вон тех птиц видишь, Кузьма Михайлович? – вытянул руку Сатин.

– Что же не видеть... Вижу. Я в очках только читаю... А крупно написано – могу и без, – не без гордости ответил старик.

– И я вижу, и Артемьевич... Реальность это? – спросил Сатин.

Артемьевич тоже прислушался к разговору.

– А что ж не реальность... Реальность, – ещё не понимая сути затеянного разговора, ответил старик. – Где ж она тогда, реальность? Вишь вон перья чистят... Вон красный репейник рядом...

– А я академика Машнина тоже видел. Он был для меня реальностью. Понимаете? – сказал Сатин. – А он в этот момент, может быть, тапками по кабинету шлёпал... Где реальность?

Артемьевич не выдержал, стукнул по баранке:

– Ещё насмешить всех хотите? Мухоморной вони надышался, галлюциногенов... И пригрезилось. Чего не ясно?

Технический ум Артемьевича не хотел развить беспредметную, неоощаемую ситуацию дальше, жаждал поставить точку.

– Некоторые философы считали, да и считают, что окружающая нас действительность иллюзорна, она только кажется, а её... нет, – продолжил Сатин. – И современные физики, и исследователи мозга...

– Чокнулись, – не дал закончить Артемьевич. – Тоже чокнулись современные физики... Вместе с фантастами и исследователями.

– Это что ж, я есть и меня нет... Иголкой уколи, однако больно. И твои шишки, поди, болят... – принял сторону Артемьевича Болдин, указав на перевязанный тряпкой лоб Петра. Услышанное было выше даже его не ограниченных точными науками пониманий.

– Пьяный видит чёртиков. Наркоман вместо загаженного угла – саванну с тигром... Сошедший с ума руководит сражениями, мнит себя настоящим Наполеоном. И где реальность? – сказал Сатин.

– Игра сознания, не больше... Умственная аномалия, – категорично заключил Артемьевич.

– А вдруг весь мир есть игра сознания? – отозвался Сатин из своего угла кабины, легко прижатый двумя телами.

– Мозг-то изучают... Что за картинки он нам рисует с помощью... грибов? – тоже вдруг озаботился новой проблемой Болдин.

Он был человеком быстроменяющихся впечатлений. Артемьевич молча сопел, недовольный пустопорожним продолжением темы. Курталка приближалась и разбухала вширь и длину, словно на незримых, неведомых дрожжах. Все замолчали, понимая, что разговор подошёл к той черте, за которой опереться ему уж не на что. Одно было ясно: порталы истины не закрываются, пока людям о чём-то светят бесконечные звёзды.

* * *

А выездная выставка себя окупила. Правда, не потому, что дети, и взрослые ринулись за билетами из неблизких деревень, чтобы изучать по костям строение кита, а потому, что районная администрация, ратуя за просвещение населения, всё-таки нашла деньги и оплатила затраты на организацию экскурсий по среднему тарифу из бюджетных средств.

Наталья ВЕРХОЗИНА

ИСПОВЕДЬ

В очереди на исповедь я была следующей. Стояла лицом к алтарю и наблюдала, как разворачиваются перед богом и его слугой – седобородым уставшим священнослужителем – человеческие драмы, как неожиданно стремительно взмахом руки батюшки снимаются грехи наши тяжкие, как светлеют лица отошедших от него прихожан, а старый остов слуги божьего сгибается вперед от давящих на его плечи грехов людских. Время от времени батюшка пытался выпрямиться, расправить спину, но очередной грешник подходил к нему – и плечи старика обвисали снова, и морщинистое лицо серело еще больше. Пытаясь глубоко вдохнуть, батюшка с тоской успевал оглядеть нескончаемую очередь, и мне становилось его бесконечно жаль, как отца родного. Как же нужно провиниться перед богом, чтобы часами выслушивать весь бред, который мы тут несем! Но делать нечего, и я уже без особой надежды на отпущение грехов сказала, как все:

– Грешна батюшка, прости.

– Бог простит, – тихо ответил старик, мне показалось, что улыбка мелькнула под густой белоснежной бородой.

– Я тут грехи, как велели, на листочке написала, – голос мой сел и закрипел от волнения.

– А ты проговори, милая, легче станет. – Приблизившись к моему лицу, сказал батюшка. Я оглянулась на шевелящуюся темную массу у себя за спиной и прошептала то, что повторила дома перед исповедью двадцать раз, не чувствуя за это ни вины, ни радости от ее избавления.

Уже за оградой сняла платок, положила в чью-то руку мелочь и медленно пошла к машине, в которой меня ждал сын. Я прислушивалась к себе в ожидании новых ощущений, но в груди давило, дышать было тяжело, и на сердце такая тоска, хоть стань и вой посреди дороги. Подумала: «Не полегчало!»

Сын нетерпеливо распахнул передо мной дверку и сразу перешел в нападение:

– Откуда, мать, у тебя столько грехов? Часа три тебя жду!

А я смотрела на двадцатилетнего оболтуса и вспоминала его маленьким, конопатым и ушастым, тогда все было по-другому: понятно и спокойно, и не было на сердце ни тоски, ни печали, ни желанья отыскать того, кто виноват, и что делать. Димка продолжал поучать:

– Лучше бы взяли Вовку и рванули в Турцию, чем время тратить зря, загорели бы, отдохнули, а то ты, мама, не отдыхаешь вовсе, ну какое тут настроение будет, а церковь как его поднимет? И отец тоже хорош, взял бы путевку и на солнышко, а он: «Вези мать в церковь!». Тоже мне, мужик, кто так с женщинами обращается?

Честно говоря, у меня не было причин возражать сыну, доля правды в его словах была и какая большая доля! Закисла я в родном болоте. Но пришлось сказать банальные фразы, мы ведь часто одно думаем, другое говорим:

– Да брось ты, Дима, при чем здесь отец, каждый человек сам хозяин своего настроения, но ты прав, нужно отдохнуть. В Турцию мы не поедем, Вовка еще маленький, а вот к тете Свете в Сочи – в самый раз!

– Ну, слава богу, не зря я тебя так долго у церкви ждал, просветил тебя все же господь! – Получив за богохульство подзатыльник, Дима поехал веселее, поглядывая на меня искоса и улыбаясь своим сокровенным мыслям. Наверное, радовался, что погуляет без нашего контроля вволю.

Дома была тишина, муж с сыном гуляли в парке. Не раздеваясь, я прилегла и задремала или провалилась в омут воспоминаний, приятных и тревожных в одно время.

Вспомнила в какой уже раз за эти счастливые и несчастные последние четыре года моей жизни, как муж провожал меня в Сочи. На перроне толпы людей, всем нестерпимо жарко от палящего солнца, рядом ни тени, ни кустика. Светка – подружка моя – с остервенением махала перед собой веером, сделанным из газеты, Димка скакал вокруг нас, устроив с Юлькой – Светиной дочкой – догонялки, Саша – муж мой – с каменным лицом стоял к нам боком и молчал, он дома все сказал. Светка все подтрунивала над ним:

– Саш, а Саш, ну чего ты боишься? Всего неделю в Сочи, – поймав строгий Сашин взгляд, Светка поправилась, – ну чуть больше, пусть Людмила от вас отдохнет, она же не виновата, что тебе отпуск летом не дали. – Саша не отвечал, и Светка продолжала: – Димка уже большой, шестнадцать лет, почти жених – справитесь, я вообще Юльку одну оставляю и ничего.

Голова Димки высунулась из-за отцовского плеча и забасила:

– Пап, ты чего дергаешься, смотри, вот это телки! – он показал в сторону вагона, там стояли две молоденькие блондиночки, картинно выставляя полуобнаженные грудки и поправляя непослушные прядки крашенных волос. Димка повторил: – Вот это телки! А мама с тетей Светой, кому они нужны?

Светка чуть не задохнулась от такого безобразного выступления, она замахала газетой, пытаясь попасть Димке в лоб, но он увернулся и зашептал, стоя позади нас:

– Это я нарочно, чтобы папка успокоился, а вообще-то вы тетки тоже еще хоть куда!

Я рассердилась:

– Дима, прекрати говорить пошлости, заносите вещи, посадку объявили.

Саша постепенно смягчился и уже натянуто улыбался, помахивая через пыльное окошко нам рукой. Светка продолжала возмущаться:

– Смотрите, какой собственник!

Мне было и смешно и грустно, даже немного тревожно на душе, я ведь впервые за семнадцать лет семейной жизни ехала отдыхать одна.

* * *

Стукнула входная дверь. Я присела в кровати, потеряла виски, голова или болела, или кружилась, не понять. Саша заглянул в спальню, но, видя мою взъерошенность и сонный вид, замахав руками, прошептал:

– Спи, спи, Вовка тоже уснул, я уложу его сам.

Я снова провалилась в воспоминания.

В Сочи мы с подругой прибыли в обеденное время. Несмотря на жару, народ шатался по городу, вероятно, в поисках пищи. Женщина, с которой мы переписывались по Интернету, оказалась, по воле случая, Оганезом, честным армянским тружеником, к тому же вдовцом, что очень обрадовало Светку. Вообще моя подружка не особо была избалована мужским вниманием, хоть и жила в свободном полете, как говорил Саша. Она одна растила дочь, между делом встречалась с Василием Вторым, исполняющим обязанности Василия Первого, как она любила говорить. Василий Первый ушел от нее, когда Юльке было два года, и навещал их крайне редко, в основном по

собственному желанию или необходимости. Несмотря на нелегкую жизнь, Светка была очень легким человеком, веселым и лишенным комплексов. Мое благополучное житье её не раздражало, даже шло ей на пользу, хоть до зарплаты было у кого денег перехватить.

По желанию подружки разместились мы в довольно скромненькой обстановке, что впоследствии несколько нервировало меня и конфузило мою подружку. Дело в том, что на море мы успели сходить всего два раза, затем я стала свидетельницей бурного романа моей драгоценной подружки и Оганеза. Утром Светка прибегала в номер, долго извинялась, переодевалась и убегала снова, успев добавить к рассказу о своих развлечениях вескую фразу, которой я беспрекословно должна была верить:

– Ты не подумай плохого, Оганезик себе ничего не позволяет, он старой закалки, он замечательно ухаживает! – Светка замирала на минутку, видимо, вспоминая ухаживания Оганезика, и продолжала трещать с виноватым видом: – Хочешь, мы познакомим тебя с его другом? Правда, он немножечко женат, но нам-то он нужен не навсегда, так, на несколько дней, для общения, простой флирт, ничего больше! – посмотрев на мою кислую физиономию, Светка торопилась ретироваться.

Я уходила рано на море и даже благодарна была подружке за то, что могу часами лежать на теплых камнях или плавать в прохладной воде далеко от берега, и никто не тревожил меня даже разговорами. Море было на редкость спокойным и чистым, а воздух – влажным и приятным, со своеобразным ароматом, замешанным на запахах моря, кремов для загара, вареной кукурузы и еще чего-то неопределенного. На пятый день, увлекшись морской прогулкой на теплоходе, я не заметила, как поджарилась на солнышке, да так поджарилась, что наутро меня знобило, тело все горело, а голова гудела, словно с перепоя. Только выраженное чувство голода заставило меня покинуть номер и поплестись в кафе. На обратном пути я засмотрелась на яркую фотографию, наклеенную на всю афишную доску около одного из туристических бюро. Свойственное мне необычайное любопытство погубило меня окончательно, и через двадцать минут, лежа на своей мягкой постельке, я тупо пялилась в путевку, которую с какого-то перепуга выкупила в туристическом бюро, и была поражена способности людей к продажам. В тот момент я была полностью уверена: продавай эта женщина корову, я бы уже строила для бедного животного стойло. Больше всего меня морально убивало то, что ехать на экскурсию я должна была уже через час, и не куда бы в доброе место, а на сплав по горной реке.

Ровно через час, стоя в назначенном месте с рюкзаком, предусмотрительно выданным мне сыном для походов, я удивлялась, насколько неизведан и богат неожиданностями мир, и человеческий разум в частности, настолько, что сама не знаешь, на что ты способна и чего от себя, любимой, ожидать.

Петляя по дороге, наш автобус забрался далеко в горы. Не страшась свалиться в пропасть, водитель, видимо, привыкший ко всему, подобрался к самому краю обрыва и остановился. Внизу шумела широкая и бурная река. Вся группа стала неспешно спускаться по узкой тропке к берегу, а я долго смотрела с обрыва на мутно-голубую воду и не могла оторваться от этого зрелища. От реки поднималась прохлада, остужающая мою изрядно поврежденную кожу, было приятно, и дышалось легко. Вдруг прямо над ухом прокричали:

– Гюльчатай!

Я вздрогнула и, чтобы не свалиться вниз, схватилась за ствол дерева. Продолжая дрожать, заикаясь, я спросила:

– По-чему Гюль-чатай?

Молодой коренастый мужчина в черной футболке стоял в метре от меня и смеялся:

– Потому что любопытная очень. Чего ты туда полезла? Давай руку, надо бы тебя за непослушание отправить обратно без компенсации за путевку, предупреждали же в автобусе, слушать инструктора, а если бы свалилась? Ну ладно, прощу на этот раз, но вспомни, женщина, что случилось с непослушной Гюльчатай!

Я стала извиняться, но инструктор махнул рукой и сказал:

– Пойдем, жилет надену на тебя, – и добавил, предупреждая мои протесты: – Сама не застегнешь.

Инструктор долго рассказывал о правилах поведения при сплаве и подъеме в гору, предупредил о возможных опасностях, в конце своей пространной речи вдруг резко обернулся ко мне и спросил:

– Знаешь, Гюльчатай, что нужно кричать, если что-то случится непредвиденное?

От неожиданности я вздрогнула, захлопала ресницами и смущенно пожала плечами. Инструктор приблизил ко мне лицо со смеющимися глазами и громко крикнул:

– Боря! – и тихо добавил: – Это меня так зовут.

Я сначала рассердилась на инструктора. Какой-то мальчишка говорит мне «ты». У меня просто голова болит, поэтому я плохо соображаю. Потом меня заела самокритика. А может, я вообще плохо соображаю, и он прав? Я почесала затылок, натянула глубже на голову кепку и стала спускаться за остальными к катамарану, периодически подстегиваемая выкриками Бориса:

– Гюльчатай, не отставай!

Инструктор посадил на весла мужчин, а мне определил место впереди себя, объявив громко:

– За Гюльчатай глаз да глаз нужен, – и, приблизившись ко мне, добавил, – сиди со мной рядом, не дай бог что!

Всю дорогу Борис рассказывал анекдоты, подтрунивал над нами, и катамаран дрожал больше от взрывов смеха, чем от потоков воды. Места для сплавов на Мзымте выбираются спокойные, для безопасности туристов, там, где река не очень бурная, а природа более впечатляющая. Река Мзымта, как я поняла, летом как женщина в возрасте, спокойная, уравновешенная, несет тихо свои мутные воды, никого не утруждая в пути. Иногда взбрыкнет, запенится на камне, вспомнив молодость, и снова разумна и мудра. Иное дело весной, как рассказывали местные жители, и Борис в том числе, тогда она бурная, неуправляемая, сносит на своем пути все, что попадает в поток, становится безумной, неосторожной, самонадеянной, как семнадцатилетняя девчонка. Отпечатки ее буйного нрава мы замечали по берегам – это вывернутые с корнем деревья, разбросанные бревна, размытые плотины.

За рассказами инструктора мы не заметили, как добрались до огромной свисающей над рекой скалы, откуда наш путь должен был идти в гору к пещере под живописным названием «Пасть дракона». Борис шел позади всех и ворчал:

– И зачем народ туда таскается? Километр туда, километр обратно, чтобы посмотреть на нагромождение камней и водопад, похожий на сломанный душ, есть ведь более живописные места...

Так как я плелась опять же последней, и позади меня шел только Борис, пришлось вступить за народ:

– Вы, Борис, к туристам несправедливы, нам же хочется увидеть как можно больше, а эта пещера славится еще и мистическим преданием.

Борис тронул меня за плечо:

– Гюльчатай, а можно не «выкатать»?

– Мы с вами в разных возрастных категориях, – я пыталась отшутиться, но плохо получалось. Борис стоял ниже на две ступеньки, наши глаза оказались на одном уровне, и такая тоска в них промелькнула, что я невольно замолчала, а он наклонился и поправил кроссовки. Я даже не поняла, почему так разволновалась: ладони вспотели, ноги не очень слушались. Коснувшись рукой металлического прута, выступающего в роли перил импровизированной лестницы, я заметила, что он независимо от моих усилий движется в сторону обрыва, и я скольжу за ним. Нога у меня сорвалась со ступеньки, и тело зависло над бурным потоком на высоте двухэтажного дома. В ту же минуту крепкие руки обхватили меня и поставили на ступеньку выше, хриловатый голос инструктора раздраженно прогремел над моей головой:

– Гюльчатай, тебе дома сидеть нужно, а не по горам шастать, ты опасна не только для своей жизни, но и для жизни окружающих! – он еще долго ворчал, а когда мы спускались, привязал меня за пояс веревкой, намотав другой ее конец себе на руку.

Оставшиеся сорок минут сплава прошли без приключений. Я сидела смиренно, только головой вертела по сторонам, разглядывая берега реки, усыпанные валунами, густо поросшие ярко-зеленой растительностью, возвышающиеся, казалось, совсем рядом горы со снежными вершинами, над которыми застыли облака, как на картинке, и любовалась бриллиантовыми россыпями капель воды, вылетевших из-под весел Бориса. Было тихо, и каждый звук слышен далеко и звонко, как будто мы находились на дне огромного пустого сосуда. Где-то вдалеке, как эхо, раздавались команды инструктора впереди плывущего катамарана, ему вторил Борис:

– Левый вперед, правый назад, правый вперед, левый назад, отдыхаем.

– Между командами он делал замечания туристам:

– Мальчик, руку убери из воды, оторвет – и не заметишь, Гюльчатай, не вертись, я уже боюсь твоих телодвижений!

Борис мастерски причалил катамаран, и все разбежались по своим нуждам. Я тоже попыталась переодеть купальник и попариться в баньке, но на моем пути вдруг возник инструктор.

– Гюльчатай! – я вздрогнула и замерла на середине узкой тропки, так и не доведшей меня до банного блаженства. Борис был гораздо выше меня, крепкий, уверенный в себе. Он навис надо мной, как скала, я даже глаза прищурила, ожидая, что на меня что-то может упасть. Но он медленно приблизился и тихо, почти шепотом спросил:

– Ты где живешь? – я растерялась от неожиданной наглости. Борис стоял рядом, почти касаясь меня, я чувствовала тепло его тела, ощущала его запах. Когда его рука слегка скользнула по моей щеке, я вздрогнула и почувствовала необъяснимый страх, идущий из подсознания. Этот страх разбудил мой замороженный разум, тут, кстати, и голос прорезался:

– Боря, ты мне в сыновья годишься, разве это непонятно?

– Неправда, может, в слегка младшие братья, но какое это имеет значение? – Борис снова провел тыльной стороной ладони по моей щеке, скользнул пальцами по шее, я даже свой голос не узнала:

– На улице Свердлова, сорок семь, на втором этаже, лестница слева.

С берега прокричал второй инструктор:

– Борис, ты где? Иди сюда, Борька!

Борис с усилием проглотил слюну, выдохнул с натугой, улыбнулся.

– Иди, закажи себе форель, очень вкусно, – и быстро зашагал к реке.

Я как зомби натянула на мокрый купальник одежду, медленно пошла под навес и долго там жевала показавшееся мне совершенно безвкусным розовое мясо форели.

Автобус ехал слишком быстро, я боялась, что не успею принять решение, мысли скакали, чего только не предлагалось мне на выбор. Можно было сегодня же улететь домой, можно было уйти в ресторан и проторчать там до утра, можно было найти Светку и рассказать всё ей, она бы придумала выход из этого интересного положения. Можно было... Но, прибежав домой, я помылась в душе, навела порядок в комнате, надела лучшее белье, шелковый халатик и присела на краешек кровати в ожидании.

Сумерки сгущались, ничего не происходило. Вдруг пришло в голову прикинуть, сколько Борису лет, мозг лихорадочно работал: двадцать пять, ну, может, хоть тридцать? Нет, лет двадцать семь... Я повернулась к зеркалу, пригляделась к своему отражению, в потемках совсем и ничего: небольшого росточка, стройная фигурка, светло-русые волосы в аккуратной стрижке, черные бровки вразлет, глазки в сумерках еще больше блестят. Что-то все же не то, присмотрелась – кожа лица краснее, чем нужно и, кажется, шелушится. Порезала кружочками огурец, лихорадочно налепила на щеки, лоб, подбородок и улеглась. Ни о чем не думала, все мысли казались лишними, неактуальными, должен прийти Борис – это самое важное! О доме решила подумать завтра, все остальное завтра. Пока шла мыслительная борьба, сон как платочком махнул над головой, и нет ничего вокруг: нет мыслей, нет эмоций, нет ощущений.

На ступеньках послышались шаги, и сна опять как не бывало. Я вскочила, наступила на слетевший со щеки огурец, чуть не упала, но все же дотянулась пальцами до выключателя. Он вошел тогда, когда я включила свет, мы оба опешили, Борис опомнился первым:

– Гюльчатай, ты не перестаешь меня удивлять!

Он стоял в дверях и улыбался, в белых брюках, в черной рубашке, растянутой до середины груди, с непослушным хохолком волос на голове, делающих его еще моложе, похожего на мальчишку-хулигана. Я видела, как он закрывает дверь на засов, и все еще не верила, что он пришел ко мне не в карты поиграть. Я ощущала себя такой никчемной дурнушкой в своем помятом халатике и с огуречными семечками на щеках, что мне даже захотелось спросить, не хочет ли он выпить чаю. Но я не успела насладиться самоуничижением. Как перышко на ветру, я взлетела в его руках, пронеслась по комнате и оказалась в постели. Помню только то, что он снимал с моего лица огуречные семечки, целовал то место, откуда снял их и приговаривал:

– Ты, оказывается, не Гюльчатай и не Людмила, ты Милочка, твое имя, как шелест листьев, – Милочка, Милочка. И дрожишь ты, как осинка под самым незначительным ветерком... Ну, что ты дрожишь, Милочка?

Утром я проснулась от ветра, дующего мне в лицо. По комнате носилась Светка, лихорадочно собирая сумку. Я возмутилась:

– Ты зачем на меня вентилятор наставила? Я даже замерзла! – Светка остановилась на середине комнаты, задумалась, потом сказала с удивлением:

– Я наставила? Надо же, не заметила! И хожу, переживаю, почему вентилятор шумит, а ветра нет, не сломался ли?

– Свет, у тебя что, крыша поехала от этого Оганезика, ты чего такая? – поучая Светку, я пристально оглядывала комнату, не оставили ли мы с Борисом каких-нибудь улики, но кроме пёрышка, неизвестно откуда залетевшего на подоконник, ничего подозрительного не было. Я даже подумала, не приснилось ли мне всё? Но я сама была другая, на себя не похожая, мне казалось, что всё вокруг другое, даже пахнет в комнате по-другому, однако, занятая своими проблемами, Светка ничего вокруг себя не замечала. Она шлепала себя по бедрам и приговаривала в сердцах:

– Представляешь, осталось три дня, и все, жизнь опять закончится. Работа, дом, работа, дом, придурок Василий Второй, где, когда, зачем прошла моя жизнь? Никто не любил, никто не жалел, никто не ласкал! Один нормальный мужик попался и – все, через три дня все, конец всему...

Лицо у Светки вытянулось, губы задрожали, а я вдруг вспомнила Борю и подумала, что через три дня мне с ним придется распрощаться навсегда! Мое громкое вытье опередило Светкин нежный, почти детский плач. Мы плакали долго, навзрыд, я стучала головой о стену, а Светка била себе в грудь кулаком. Влетел по лестнице, как молодой козлик, Оганез и пребывал в шоке, пока мы не успокоились. Светка, умываясь, тщательно терла губкой размазанную по щекам тушь, а Оганез забегал то слева, то справа и утешал подругу, как умел:

– О чем моя птичка так плачет? Кто умер, девочка моя? Что нужно от Оганеза? Ты только скажи, все для тебя сделаю, рубашку последнюю отдам!

Так как Светка всхлипывала и молчала, он обратился ко мне:

– Скажи, сестра, что за горе у вас с птичкой моей?

– Ох, горе такое, что эта птичка влюбилась в тебя, а через три дня уезжать, – объяснила я, хлюпая носом.

Светка резко повернулась ко мне, постучала кулачком себе по голове и тут же повертела пальцем у виска, типа, ты вообще сдурела! Оганезик завертелся вокруг Светки, подхватил приготовленную сумку в одну руку, Светку в другую и увлек все это за собой, дверь захлопнулась. Я постояла у окна, повертела в руках перышко, подумала: «Прилетел ночью к Василисе Прекрасной Финист, ясный сокол, нарушил ее покой, а утром улетел, только перышко потерял. Вот так и сказки складывались».

День показался долгим, а вечер нескончаемым. Чтобы меньше нервничать, я выключила свет и попыталась уснуть. Проснувшись от прикосновения, кто-то гладил меня по щеке, будто цветок лепестками своими лёгкими лица касался.

– Боря? – я спрашивала, заранее зная, что это он, не видя даже его силуэта.

– Как ты меня узнала? Кромешная тьма ведь, – он отодвинул на окне шторку и присел на кровать.

– Я почувствовала твой запах.

– А что в нем особенного?

– Ты пахнешь рекой, сигаретами, цветами и чем-то еще, не поняла...

– Я торопился и вспотел, это ты хотела сказать? – смеясь, он потянулся к спинке кровати и повесил на нее сорочку, он был похож на большую птицу с распростертыми надо мной крыльями.

– Боря, ты как Демон, помнишь, у Лермонтова есть такое произведение?

– Как не помнить? В школе учили... «Печальный Демон, дух изгнанья, летал над грешною землей...»

Я продолжила:

– О! Кто ты? Речь твоя опасна! Тебя послал мне ад иль рай?

– Ты работаешь учительницей?

– Да, а ты откуда знаешь?

– Догадался. Возможно, я и Демон, не спорю, но для каждого Демона предназначена своя Тамара, разве я не прав?

Я ничего не успела ответить, мы и так потратили много времени на разговоры. За одну минуту он убедил меня, что я царица, богиня, звезда, и лучше меня нет женщины на свете, но я уже догадывалась об этом со вчерашней ночи. Никто никогда не говорил мне таких слов и не любил так, как этот «демон», и я не смогла бы найти земное ощущение, похожее на то, что я испытывала в ту ночь.

Еще и рассвет не забрезжил, а Борис был на ногах. Он прошептал мне на ушко:

– Не провожай меня, я оставлю тебе свой телефон, там будильник поставлен на семь часов, а твой возьму пока себе, вдруг ты проспишь, тогда я позвоню. Жду тебя на углу, возле экскурсионного бюро ровно в восемь часов, форма одежды спортивная, обувь удобная, в горы пойдём.

Дверь тихонько скрипнула, и сон снова сморил меня.

Я прибежала раньше восьми, но Борис уже ждал, он махал рукой из старенького потрепанного и изрядно побитого джипа:

– Гюльчатай, нас ждут великие дела! И мы не проспали! Прыгай через верх.

Я забралась в машину, не открывая дверки, кинула рюкзак на заднее сиденье в кучу вещей и крепко вцепилась руками во что смогла. Ветер хлестал в лицо, машина как горный козел скакала по пыльным дорогам с немыслимыми поворотами. Борис изредка поглядывал на меня и улыбался. Разговаривать было бесполезно и опасно. Я удивлялась, что совсем не испытываю страха и полностью доверяю водителю. Сейчас я бы не только жизнь свою ему доверила, но всё, что может быть дороже её. Дорога шла то по лесу, то виляла между скалами или ныряла в ущелье, то резко поднималась вверх, то падала вниз; воздух то вдруг пропитывался прохладой и влагой, то раскалялся и пах пылью и бензином. Борис сбросил скорость, и мы медленно закатились в кусты, дорога растворилась среди пожухлой травы. Из кустов перед самым капотом вспорхнула птица, за ней другая. Я вздрогнула, прижала руки к груди, Борис засмеялся:

– Ну, ты и трусиха! Мы потревожили влюбленных, посмотри.

Над нашими головами летали две большие птицы, они кружили, кружили, поднимаясь под облака, наконец, исчезли из вида. Пока мой спутник занимался хозяйственными делами, я наслаждалась природой. Площадка, на которой мы находились, заканчивалась крутым обрывом. Внизу пролегалo глубокое ущелье, поросшее густым лесом, непролазным кустарником, разнотравьем, с разбросанными по нему букетиками пестрых цветов. На противоположной стороне ущелья высилась гряда гор, прятавших свои вершины под пушистые облака и дымку тумана. Я подошла почти к самому краю и попыталась увидеть ручей, шум которого явственно до меня доносился, но меня неожиданно схватили под мышки и оттащили от края. Это было так быстро и грубо, что в моей голове даже успела родиться дурная мысль, что меня решили похитить. Борис злобно прошипел:

– Прошу тебя, не делай так никогда! Даже шага без меня не ступай!

Я долго оправдывалась, но тщетно, Борис злился еще больше. Он опять привязал меня за пояс веревкой, надел мне на плечи рюкзачок с вещами, сунул в руки гитару в прочном кожаном чехле, а сам, взвалив на спину огромную поклажу, двинулся вверх по тропе. В пути мы несколько раз

отдыхали, пили ледяную воду из родничков, лежали на крупных гладких камнях, обтесанных временем так, будто над ними поработали человеческие руки, и постепенно Борис оттаивал, поглядывал на меня сурово, но, отвернувшись, улыбался.

В нужное место мы добрались почти вечером. Там, на маленькой полянке среди редких деревьев, стояла избушка, видимо, пережидали в ней ночь и непогоду лесники, да некоторые туристы за отдельную плату поднимались сюда неофициально с инструкторами. Недалеко от домика прямо из скалы выбегал тонкой струйкой ручеек и прятался в листве, мелькая голубой спинкой среди густой травы. Мы разожгли костер на приспособленном для этого месте и стали готовить ужин. Борис, охотно забыв про инцидент возле ущелья, травил свои нескончаемые байки про незадачливых туристов, пересыпая их легендами о горных народах и их обычаях. После ужина он расчехлил гитару и только взял первый аккорд, как я вскрикнула, испугав его снова:

– Боря, я поняла, на кого ты похож, два дня голову ломала! Ты же вылитый Высоцкий!

Борис долго хохотал.

– Ну, ты, Мила, и тормоз! Мне все сразу об этом говорят, а ты только через два дня заметила.

– Все видят в тебе другого человека, а я видела тебя самого, чем это плохо?

– Поэтому я выбрал тебя, – сказал Борис и так улыбнулся, что сердце мое остановилось в ожидании новых чудес. Но чудеса были все во мне. В этот вечер я узнала, что не только могу лазать по горам, мчаться по козьим тропам на джипе, но и петь, и даже танцевать лезгинку! Мы «хрипели», и горы нам вторили эхом: «Парня в горы тани, рискни, не бросай одного его. Пусть он в связке с тобой одной, там поймешь, кто такой...» или «Эх вы, кони, мои кони, привередливые...». Если бы утром не нужно было возвращаться домой, какие бы еще чудеса отыскались во мне, трудно сказать!

Ночью мне жаль было тратить время на сон. Я сидела рядом со спящим Борисом, стараясь разглядеть черты его лица при голубом свете луны, нагло заглядывающей в наше интимное жилище. Я гладила его волосы, нежно целовала мозолистые ладони, улыбалась и просила: «Оставь мне это счастье, Господи, оставь еще хоть на миг, пусть рассвет не наступает как можно дольше!»

Борис пошевелился, повернулся набок и, обняв мои колени, снова уснул. А я все смотрела на него, смотрела и думала о том, что со мной произошло. Я не находила в душе своей ни борьбы, ни вины, просто негодовала, сетовала на жизнь и никак не могла понять, почему я, лёжа в лесной избушке на рогожке, целую, как икону, руки мужчины, который завтра, может быть, забудет меня навсегда, и чувствую себя счастливой до безумия! И не просто счастливой женщиной, а счастливой королевой! А дома, на атласных простынях, эволюция понятий о себе самой дальше двугорбого верблюда не пошла: один горб для мужа, другой для сына, на том женское счастье и заканчивается. Как понять, почему с одним мужчиной женщина королева, а с другим – верблюдица?

К утру я все же заставила себя рассуждать здраво, но где-то далеко в душе, там, где женский дух бунтовал, мелькала загнанная мысль: а вдруг он позовет с собой, вдруг он скажет: «Гюльчатай, я привяжу тебя к себе веревкой и пойдем, куда глаза глядят! Куда они у тебя глядят, а, Гюльчатай?»

На следующий день, чем ближе мы подъезжали к городу, тем хуже мне становилось. Ощущение горя, потери, неотразимой беды наваливалось на меня. Как собака, предчувствующая землетрясение, скулит и мечется на цепи, так и я подпрыгивала на сиденьи, вертела головой, тёрла себе виски, как будто у меня болела голова, и еще делала какие-то лишние движения в надежде, что Борис хоть крикнет на меня, но он молчал.

Джип остановился на прежнем месте – на заветном углу. Выползала я из него, будто мне семьдесят лет. Слезы ручьями текли по щекам, я машинально слизывала соленую жидкость с губ, уже намокли шея, футболка, а я плакала молча и просила мысленно: «Господи, раз так всё вышло, пусть он хоть ко мне не прикасается!» Бог услышал меня. Борис стоял навтыяжку, как солдат, хотел вытереть мои слезы, но вовремя остановился, хриплым голосом очень уставшего человека сказал:

– Когда женщины плачут, они становятся некрасивыми, а ты всё равно красавица. Ты как водопад. Без воды стояла бы просто шикарная скала, а в струях и брызгах – это чудо. И ты – чудо!

Он прыгнул в джип и умчался.

Оганезик устроил прощальный ужин. Я толкала в рот куски шашлыка, пыталась их проглотить, но давилась и кашляла. Светка забеспокоилась:

– Люда, у тебя горло болит? Ты плохо себя чувствуешь?

Я мысленно поблагодарила подругу за подкинутую идейку и, сославшись на болезнь, удалилась в номер. Я ждала Бориса всю ночь, металась в постели, как будто меня жарили на сковороде и подливали масла, внутри всё горело, а кожа заледенела и как будто вспенивалась от столкновения холодного и горячего на её поверхности, тошнота подступала к горлу, и нечем было дышать.

Утром Светка сгребла косметику с полки, висящей у зеркала, проверила наличие билетов, денег и погрузила меня в пыльную «Волгу» Оганеза в полном бесчувствии.

Мы уже час тряслись на полках в вагоне, как меня вдруг осенило, Светка вздрогнула от моего крика:

– Я поняла, почему он не пришел! Он хотел, чтобы я его ненавидела, чтобы быстрее смогла забыть! Света, он идиот!

Прокричав всё это, я снова растеклась по полке, а Светка побежала за врачом. Когда она вернулась, мне стало ещё хуже, голоса доносились издали, вокруг всё кружилось и звенело. Большой очкастый доктор, неизвестно откуда доставленный моей подружкой, измерив мне давление, констатировал:

– Нормальное, но у неё жар, тридцать девять точно, может, и больше, наверное, ангина. Откройте рот, пожалуйста.

Я сказала: «А-а-а».

– Нет, не ангина, – продолжив свои размышления, доктор попросил, – поднимите блузку, голову назад, теперь спиной повернитесь, – он послушал ухом мою спину, – хрипов не слышно, но не факт, я вам дам антибиотики, по одной два раза в день и от температуры парацетамол в стакане с водой разводите, я в шестом вагоне, если что, обращайтесь.

Утром я очнулась, вся липкая от пота, вдохнула резко, словно вынырнул из воды утопленник, Светка, сидевшая рядом, вскрикнула и засуетилась:

– Слава тебе, Господи, уже и не знала, кому помолиться, думала, ты померешь, врач ночью приходил, советовал снять тебя с поезда, но я не дала, на твое железное здоровье понадеялась и не ошиблась. – Она по-

щупала мой лоб, облегченно вздохнула: – Температура упала, а ночью ты даже бредила!

Я испугалась – не наговорила ли лишнего, памятуя о том, что нужно бояться друзей, с врагами можно и самому справиться, но Светка меня успокоила:

– Да, стихи всё читала, видимо, Лермонтова, ну, типа: «И он коснулся жаркими устами, её каких-то губ, соблазна полными речами, что-то ответил, могучий взор смотрел ей в очи». А еще: «Твоей любви я жду как дара, и вечность дам тебе за миг, в любви и в злобе, что-то там, Тамара, я неизменен и велик». Это ты повторяла чаще, поэтому лучше запомнилось. Еще имя вставляла, Борис, но он нигде не рифмовался почему-то. Да ладно, бред он и есть бред, разберёшь, что ли? Ты лучше попей чайку.

* * *

После не принесшей мне облегчения исповеди я собралась ехать в Сочи и действовала совершенно интуитивно, как хищные животные, они же едят зачем-то траву. Трава их не насыщает, вкуса ее они не понимают, но едят. Они и не подозревают, что это лекарство. Вот и я с такими же намерениями летела в Сочи, называется это – зачем-то. Но когда самолет закружил над морем и стал стремительно приближаться к городу, я уже отдавала себе отчет, что лечу повидаться с Борисом.

Два гостевых дня я выдержала честно, улыбалась, как могла поддерживала компанию, заботилась о муже и сыне, трепалась со Светкой, осматривала и расхваливала их надстроенный и облагороженный дом и Оганеза в придачу. На третий день моё терпение иссякло, и я недвусмысленно дала понять мужу и подруге, что хочу побыть одна. К моему удивлению, они ничуть не сопротивлялись.

Утром я уже щекотала себе нервы в ожидании экскурсионного автобуса. Как четыре года назад, у меня потели и дрожали руки, я не могла поверить, что судьба может подарить мне счастье хоть одним глазком взглянуть на Бориса. Автобус тащился как черепаха, я нервничала до того, что меня затошнило. Каково же было мое разочарование, когда Бориса среди инструкторов не оказалось, и мне ответили, что он больше на сплаве не работает. Двенадцать километров сплава я просидела, не шевелясь, роняя скудные слезинки и не обращая внимание на окружающие меня красоты, как будто я сплавлялась не по великолепнейшей из рек Кавказа, и вокруг не блистали снежным хрусталём горные вершины, а тащилась в дырявом тазу по грязной луже. В пещеру я не пошла, и рыба опять была безвкусной. Подошел парень, присел напротив, это был второй инструктор, с чьим катамараном мы плыли четыре года назад наперегонки, дрались веслами и пересмеивались.

– Это Вы хотели узнать что-то о Борисе?

– Да, Никита, Вам, конечно, всех не упомянуть, но инструкторов тогда, четыре года назад, с нами было всего двое, я не могла Вас забыть. Я буду вам очень благодарна за любую информацию о Борисе, как он, где сейчас живет и работает? Надеюсь, с ним все в порядке?

Я с надеждой и испугом заглянула Никите в глаза. Он отвел взгляд и спросил:

– А вы Мила?

Я жутко обрадовалась:

– Он вам рассказывал обо мне?

– Немного. Он мужик настоящий, зря не трепался. – Теплая волна прокатилась по моему телу, даже от разговора о Борисе я пьянела, как от молодого вина. Вцепившись Никите в рукав, я прошептала:

– Рассказывай быстрее!

Никита высвободил руку, потер запястье, с паузами, кажущимися мне вечностью, заговорил:

– Бориса нет в городе, он уехал. Сразу скажу, не знаю куда. Где-то в средней полосе у него сестра живет, в каком городе, не помню. Вы оставьте свой телефон, я спрошу у ребят, если что узнаю, позвоню. – Я согласно закивала головой, а он продолжал в том же неспешном ритме. – А про вас он несколько раз мне обмолвился, когда немножко пива перебрал. Смешно так рассказывал, как спасал Вас всю дорогу, и с сожалением повторял: «Я поймал свое счастье и отпустил на волю, я встретил женщину с глазами падающей звезды». Мне так было интересно узнать, какие глаза у падающей звезды, но Борис откровенно надо мной смеялся: «Дурень ты, Никита, я же не про цвет говорю, а про чувства!» А у Вас на самом деле замечательные глаза! – Никита улыбнулся. – Он вам рассказывал, как пять лет назад потерял всех: мать, отца, невесту? По телевизору даже в новостях репортаж прошел. В аварию они попали, машина в ущелье упала, а он на дереве повис, живучий, черт! Потом Вас встретил, ожил немного. А в прошлом году решил жениться. Помните, когда вы сплавливались, вокруг Бориса девчонка всё вертелась, помогала туристам жилеты застегивать?

– Да, помню, она была в черной футболке, женщина одна еще пошутила: «Что-то они все в черном, не хотят ли нас утопить?»

Никита согласно закивал головой и продолжил:

– Правильно, это Женька. Она пыталась во всё ему подражать, влюблена была, долго ходила за ним по пятам и добилась своего. Назначили они свадьбу на субботу, в конце августа это было, а в пятницу вечером он заходит ко мне, бросает ключи от джипа на стол и записку:

«Женьке отдай. Будь здоров!» – пожал руку и ушёл.

Я любопытный, конечно, в записку заглянул и ничего не понял, может, Женька поняла? Написано было: «Прости, спустился в долину».

Я ухмыльнулась, значит, не одной мне и счастье, и горе – два в одном, романтик чертов! Никита продолжал рассказ, увлекшись воспоминаниями о друге, видимо, это тоже доставляло ему удовольствие:

– А Вас он любил, очень! После Вашего отъезда, если бы не работа, совсем бы пропал.

Как крик души, у меня вырвался вопрос:

– Почему ушёл тогда?

– Ну, не знаю, Борька всё по-своему понимал, он так решил, ему виднее.

Я почувствовала снова боль в области сердца, так часто бывало в последний год, прижав непроизвольно руки к груди, почти простонала:

– Да больно ведь от таких решений, как жить дальше? Знаешь, Никита, три года назад я родила ребенка, много было забот, и память меня не тревожила. Но вот уже год я не перестаю ходить по врачам, у меня болит там, внутри, обследуют – всё в порядке, а у меня болит! Я знаю, почему болит, и ничего не могу сделать. Я и к психиатру ходила, и к бабкам, и в церковь, все равно болит...

Никита взял меня за руку, прошептал:

– Я Вам тайну одну доверю, никому не говорил, боюсь имидж себе подпортить. У меня несколько лет назад была такая же история, только не я,

а девушка от меня ушла. Прощаясь, она сказала: «От такой любви, как у нас с тобой, сгореть можно!» – и вышла замуж за другого – за нелюбимого. Вы не поверите, я полгода рыдал по ночам в ванной, включу воду и реву, как больной, потом прошло. Вот и Борис так же говорил: «Счастье – миг, взрыв, разряд, молния! Как ты думаешь, что будет с человеком, если он попадет под эту молнию? Сам понимаешь, что...»

Я перебила Никиту:

– Лучше бы я тогда сгорела! Почему они за нас приняли решение?

– Раньше и я был не прочь сгореть, а сейчас не знаю...

У меня даже слезы навернулись. Никита тоже расстроился. Отвернулся, замолчал. И вдруг спросил:

– У вас двое детей?

– Два мальчика, один очень большой, другой очень маленький, но...

– Никаких «но»! Младший как Вашего мужа называет? –

Я даже опешила от такого вопроса.

– Папой.

– Вот и всё, папа – и всё, никаких «но»! Кто растит, тот и папа! Я Вас правильно понял?

Я улыбнулась и закивала головой. У меня как будто камень с души свалился, ведь я про это «но» даже священнику не осмелилась сказать.

– А эти эгоисты пусть сидят там, «в долине», и ничего не знают! – мне стало совсем смешно, Никита тоже рассмеялся.

– Спасибо тебе, Никитушка, что бы я без тебя делала?

Никита встал, пошарил по карманам в поисках пишущего предмета, спросил:

– Телефончик будем записывать?

– Спасибо, дружок. Если кто-нибудь забредет к вам «из долины», скажите ему, что была в гостях женщина «с глазами падающей звезды», передавала привет и очень сожалела, что не смогла повидаться.

Немного подумав, я спросила:

– Хочешь, я покажу тебе его?

У Никиты глаза загорелись от любопытства. Я покопалась в кошельке и вытащила маленькое фото. Никита расплылся в улыбке:

– Похож! – и добавил: – На Вас.

Помолчал и с грустью сказал, глядя куда-то вдаль:

– Жаль мне вас, «люди из долины».

Махнув мне на прощанье рукой, он исчез в кустах.

Под навес в кафе собирался вымытый в бане и голодный народ, заказывал еду, суетился, шумел. Все ели с таким аппетитом, что я снова посмотрела на давно остывшую форель. Отломив кусочек от брюшка, я ощутила нежный аромат, терпкий вкус специй, кислинку лимона, а мягкое розовое мясо так и таяло во рту. Все уже насытились, а я всё обглаживала косточки и удивлялась, как я раньше не заметила такой вкуснотищи.

СТРАННАЯ ЖЕНЩИНА

В маленьких городах железнодорожный вокзал часто выполняет не только основную свою функцию – принимать и отправлять пассажиров, но и множество дополнительных, например: восполняет недостаток развлекательных учреждений. Некоторые жители просто гуляют по перрону, другие «не просто» гуляют, а «по делу», молодежь приходит «потусоваться», как они выражаются на своем жаргоне, поэтому в теплое время года вокзал в нашем городке не пустовал. Так как я человек пунктуальный, опаздывать не люблю и приезжаю всегда на вокзал задолго до отхода поезда, то мне часто приходится подолгу глазеть на окружающую толпу сограждан, тогда, от нечего делать, я пытаюсь угадать, кто будет ехать в нашем вагоне или в моем купе. Иногда догадка бывает правильной, и я радуюсь в душе как ребенок.

В этот раз мне пришлось постоять немного в пробке на дороге и приехать на вокзал, когда поезд уже подали, но посадку еще не объявили. Машинально память повела меня по проторенному пути и заставила рассматривать стоящих около вагона пассажиров и определять своих будущих спутников на ближайшие два дня. Скорее, я выбирала, с кем бы мне было приятно провести это время. Шумную толпу кавказцев и китайских челноков я отмела сразу, семьи с детьми меня тоже не устраивали, две молодые пары, ссорившиеся уже на перроне, пугали своей неуёмностью; остановилась я пока на молодой скромно одетой женщине и мужчине интеллигентной наружности, в надежде, что интуиция меня не подведет. Диспетчер что-то пробубнила в микрофон, и толпа хлынула к вагонам.

Посадка проходила бурно, китайцы делали вид, что русского языка не понимают, кавказцы обхаживали прибежавшую уже после объявления посадки молоденькую проводницу нашего вагона, пожилая пара никак не могла затолкать своего скулившего пса на ступеньки вагона, мамы совали всем под нос своих вопящих чад, в надежде протиснуться в вагон без очереди. Когда я, наконец, добралась до своего купе, то увидела молодую даму, которую я на перроне выбрала себе в спутницы, зажатую в угол огромными клетчатými сумками, а в узком проходе купе суетились два вспотевших китайца, пытаюсь рассовать свой огромный багаж по полкам. Появившись в проеме двери, я ввела присутствующих в замешательство; на их лицах было написано большое сомнение в том, что я смогу к ним присоединиться, в связи с отсутствием в купе места для меня в принципе. Но я никого не торопила, и багаж как-то сам собой рассосался, китайцы пространства занимали мало, все благополучно расселись. Через некоторое время мы познакомились с молодой женщиной, получили и постелили бельё, а китайцы тихонько посапывали на верхних полках. Катя, так звали попутчицу, мне шепотом призналась: «Когда я сидела в уголке, зажатая сумками со всех сторон и ждала четвертого пассажира, то подумала, если войдет еще один китаец, я выброшусь в окно!»

Китайцы оказались славными ребятами, в перерывах между сном они сползали с полок, ели лапшу и снова ложились спать. Катя тогда сказала сакраментальную фразу: «Лучший китаец – это спящий китаец».

Пока иностранцы ели и спали, мы с Катериной рассказали друг другу о своей жизни, перемыли косточки известным актерам и певцам, разгадали, как могли, все кроссворды и к вечеру должны были заскучать, но в китайском стане затрубила труба, и начались сборы. Скоро веселые китайские парни нас, к сожалению, покинули, и мы стали ждать очередных попутчиков, тихонько переговариваясь.

Когда в купе вошла пожилая пара, мы обрадовались, приняли их очень радушно и решили, что ночь пройдет спокойно, а там, ближе к обеду следующего дня, наше путешествие уже и закончится. Катя, как самая молодая, переместилась на верхнюю полку, все довольные собой и окружением сели ужинать. После ужина Василий Игнатьевич – единственный наш кавалер, ушел в соседний вагон к своему другу играть в карты, а женский коллектив занялся своим любимым делом. В вагоне было тихо, маленькие дети уснули, из радиоприемника доносилась негромкая легкая музыка, всё располагало к беседе. Так как мы с Катериной уже знали друг о друге всё необходимое, то ничего не оставалось, как раскрутить на откровение нашу пожилую попутчицу. Ангелина Карповна долго не сдавалась, отшучивалась, ей совсем не хотелось говорить о себе. Но Катерина, несмотря на свой тихушный вид, активно вела разговор, и мы были вознаграждены за это бессонной ночью.

Ангелина Карповна не была трудной в общении, наоборот, она к нему располагала. Её спокойный, мягкий характер так и звал к беседе и откровениям, но в ней чувствовалась какая-то странность: то она замолкала посреди разговора, будто о чем-то задумавшись, то неожиданно переводила речь на другую тему, но так как её возраст предполагал наличие забывчивости, значения этому я не придавала. Больше в ней удивляла меня поразительная правильность – она всегда знала, что хорошо, что плохо, и ненавязчиво нас в этом убеждала. Мы пытались с ней спорить, но быстро приходили к выводам, что она действительно права. Как она прожила жизнь в таких жестких рамках, сохранила свои убеждения, семью, трудно было сказать. Я всегда думала, что женщины с таким характером наводят на мужчин жуткую скуку и раздражение, она должна была просто бесить своего мужа, а, судя по всему, они долго уже в браке, и вполне благополучном. Психолог в душе, я жаждала объяснений.

Рассматривая Ангелину Карповну, пока она объясняла Катерине одну из своих жизненных позиций, я заметила в ней детали не только внутренней, но и внешней правильности. Ее фигура была не худой, не полной, прическа симметричная и очень аккуратная, одежда неброская, по возрасту и по ситуации, на каждой руке по колечку, жесты руками умеренные, как бы и есть, и нет, голос спокойный, мягкий, но не сюсюкающий. Рамки чувствовались во всем.

Тем временем Ангелина Карповна обмолвилась, что лет двадцать пять не ездила на поездах, не было необходимости, да и желания тоже. Катерина тут же подхватила эту тему, заинтересовавшись, почему вдруг такая нелюбовь к поездам у нашей спутницы. Ангелина Карповна долго молчала, и я уже решила, что она опять забыла, о чем её спросили, но она с небольшим предисловием рассказала такую историю:

– Я не просто не люблю поезд, я его боюсь, и даже не самих поездов, как люди боятся машин, животных, я боюсь их интуитивно, подсознательно, так боятся болезни, смерти, бедности, одиночества. Думаю, что этот страх пришел ко мне в молодости, лет в тридцать пять, когда с моей подругой случилось несчастье. Сама-то я в браке давно и без проблем, живем мы всю жизнь в одном поселке, там жили мои родители, родились и выросли наши дети. Семья у нас дружная и счастливая. Но вот моей подруге очень не повезло. Вышли мы с ней замуж в одном году, детей родили почти в одно и то же время, только я нашла себе парня из своего поселка, а Тоня – залетного, городского. Жила моя подруга недалеко, и мы часто встречались, то они к нам приезжали, то мы к ним, праздновали вместе и переживали. Мужа её, Ивана, я недолюбливала, но молчала, у каждого могут быть свои недо-

статки, идеальных людей нет, но Тонька его очень любила, души в нём не чаяла, мне даже казалось, что она детей своих обожает, наглядеться на них не может потому, что обе девчонки были очень похожи на Ивана.

Жили они хорошо по тем временам, имели квартиру, машину, ездили отдыхать на море каждый год. Антонина долго не работала, сначала дети были маленькие, потом Иван не отпускал, потом нашла себе от скуки работу для души, как она говорила, но почти без зарплаты. Жизнь у них шла своим чередом, без особых ссор и разладов. Замечая, что подруга моя совершенно счастлива, я иногда завидовала белой завистью её достатку и покою.

В то злополучное лето всё их семейство отдыхало в санатории в Сочи, а ближе к школе двинулось в сторону дома вот на таком же поезде. Ехали они в купе, и, как рассказывала Тоня, все были весёлые, шумные, ничто не предвещало беды. В августе вечера уже прохладные, и на одной из станций Иван надел куртку, кепку и пошёл покурить. Собравшихся было с ним девчонок он не взял с собой, объяснив, что поезд стоит недолго, да и холодно на улице. Когда поезд тронулся, семья сразу не забеспокоилась, что папы нет, бывало, что он оставался на некоторое время в тамбуре, запрыгивал в другой вагон или заходил поболтать с соседнее купе. Минут через сорок младшая дочь заволновалась: «Мама, папы уже долго нет, я поищу его в вагоне».

Возвратилась она грустная, папы нигде не было. Тоня тоже прошла по вагону, затем сходила в соседние вагоны, Ивана не было. Проводница видела, как Иван выходил, но не заметила, как он возвратился. Дали по радио объявление, Иван не появился. Начальник поезда успокоил Тоню: «Не плачьте, гражданочка, отстал ваш муж от поезда, деньги у него есть, не знаете? Ну, если есть – не беда, приедет вслед за вами».

Всю ночь Тоня не спала, стоило задремать, снился смеющийся чужой мужчина, целующий чужую женщину. Не в силах выносить этот бред, Тоня села у окошка и до рассвета всматривалась в темноту, перебирая в мыслях всевозможные ситуации, которые могли произойти с мужем. Единственной мысли не пришло ей в голову: что он может её бросить. Ближе к утру к ней пришла тяжелая дрёма, и снился уже другой, страшный, безнадежный сон. Разбудила проводница: «Дамочка, Ваш муж уходил в куртке и кепке? Ну, точно он, его видели из соседнего вагона, он шел к станции, видимо, решил что-то купить, не успел обратно добежать, не волнуйтесь!» Тоня, уже уставшая от переживаний, только головой покачала в благодарность и стала собирать вещи, через два часа они должны были подъехать к родному городу.

Поднимаясь по лестнице с кучей сумок, семейство столкнулось со своей соседкой, которая, поздоровавшись, как-то странно посмотрела на них, но, ничего не сказав, прошла мимо. Тоня подумала, что Иван, возможно, приехал раньше их, он уже дома, что и удивило соседку. Позвонив в дверь, она всё же полезла в сумку за ключами, но дверь открылась, и незнакомый мужчина спросил, что им нужно. Тоня повернулась к детям: «Девочки, у меня сильно болит голова, мы домой пришли или ошиблись?» Дочки закивали головами и защебетали растерянно: «Домой, мамочка». Мужчина открыл дверь шире: «А, вы, наверное, здесь раньше жили, проходите, объясните, когда вы заберёте вещи, нам хочется переехать быстрее!»

После короткой беседы всё более-менее прояснилось, и мужчина сочувственно спросил: «Зачем же вы оформили квартиру только на мужа?».

Когда до Антонины, наконец, дошел смысл его слов, она спросила: «Можно, я от вас позвоню?» Мужчина в растерянности развел руками.

Трубку взяла свекровь, она долго рассказывала, почему Тоня не была в курсе продажи квартиры. Объяснялось это тем, что Ваня хотел сделать ей сюрприз, купить новую, большую, он должен был по приезду показать её всем, он звонил вчера и велел приютить детей и Тоню, пока не вернётся сам. Добиться, куда он сам подевался, было невозможно, родители ничего не знали. Тоня и успокоилась, и обеспокоилась, такое поведение Ивану не было свойственно.

Несколько месяцев семья Тони прожила у родителей Ивана. Тоня вышла на свою работу, денег не просто не хватало, их не было, пришлось мыть полы в подъезде, убирать квартиру соседа и еще бог знает чем заниматься, но свекор ворчал, что они проедают его пенсию, а свекровь тихо плакала в уголке. На поданное заявление о пропаже мужа Тоне ответили, что поищут, но всех мужей, сбежавших от своих жен, не найдёшь, прячутся они надёжно. Обиженная Тоня в слезах кое-как добралась до дома, а там опять ждал сюрприз: новый хозяин квартиры требовал забрать вещи или грозился выбросить их на улицу. Пришлось перевезти всё, что поместилось, в квартиру свёкра, а остальное продать за бесценок и раздать соседям.

Прошла зима в трудах, слезах и скандалах, все начинали привыкать к тому, что Ивана уже нет в живых, и виновны в этом деньги, которые он выручил за проданную квартиру. Как на Руси говорят: пришла беда – отворяй ворота. Свёкор со свекровью, Тоня и дети свыклись с мыслью, что придётся жить так, а не иначе, постепенно привыкали и к другому образу жизни, и к лишениям, и к неудобствам, но вдруг грянул гром!

Ранним весенним утром Тоня, собираясь на работу, достала из шкафа свою самую красивую кофточку, которую не надевала с лета, сегодня был повод нарядиться – день её рождения. Прогладив рукава и приступив к полке, она заметила шуршание в кармашке, достав бумажку и развернув ее, окаменела от ужаса. Записка была написана Иваном, в ней он просил прощения и признавался в том, что уходит к другой женщине. Внизу стояла подпись: «Твой Иван».

Медленно передвигаясь по комнате, роняя стулья и повторяя два слова «твой Иван», она прошла в гостиную и, сжав записку в руке, упала на ковёр.

Услышав слова Тони, свекровь стала трясти её за плечи, бить по щекам и кричать: «Где Иван? Что ты знаешь, что скрываешь?» Тоня разжала руку и потеряла сознание...

Когда она вернулась из больницы, ноги не слушались, руки дрожали, но надо было идти на работу, и все движения постепенно восстановились, а вот разговаривать не обязательно, мыть полы можно и молча. Бывает, она и сейчас молчит часами, хотя давно всё это забылось. Через некоторое время Тоня снова переселилась в посёлок, там жили её родители, было много друзей, в том числе и я, мало-помалу жизнь наладилась.

А когда девочки выросли, старшая дочь уже вышла замуж, вдруг завялся Иван.

– И она его простила? – завопили мы хором с Катериной.

– Конечно, это было правильно, она ведь его любила и жалела, мы все не ангелы!

– Странная она женщина! Вот из-за таких женщин мужчины начинают думать, что они боги и им все в этой жизни позволено...

Катерина хотела продолжить возмущения, но Ангелина Карповна завершила разговор одной фразой:

– Нет, Катя, на любви таких женщин мир держится

Ангелина Карповна молча стелила постель себе и мужу.

– Я лягу спать, устала, Василий Игнатьевич придёт, надеюсь, нас не побеспокоит.

Женский коллектив дружененько разместился на своих полках. Катерина быстро засопела, я долго вертелась, но тоже уснула.

Думая, что уже наступило утро, я быстро поднялась в постели, ударившись головой о верхнюю полку, упав обратно, я заметила нависшую надо мной неприбранную голову Ангелины Карповны, она шептала: «Женя, Женечка, он пропал, его нет в купе, уже два часа ночи! Господи, что же это за рок!»

Как могла, я успокоила бьющуюся в истерике даму. Проснулась Катерина, свесив голову с полки, спросила:

– Ангелина Карповна, вам что, плохо, может, позвать проводницу?

– У неё муж пропал, пошёл в соседний вагон и не вернулся, – объясняла я сонной проводнице.

– Господи, женщины, вы как ненормальные орёте по пустякам, сходите в этот вагон и приведите старика!

Мы с Катей посмотрели вслед уходящей проводнице и закивали головами.

Ангелине Карповне стало хуже, она как-то запрокинула голову и замерла. Мы терли ей виски, затолкали в рот нитроглицерин, наконец, после десятиминутной «реанимационной эпопеи» наша спутница открыла глаза и глубоко вдохнула. Я тут же спросила:

– Сходить за Василием Игнатьевичем? В каком он вагоне и купе, знаете?

Ангелина Карповна молча покачала головой из стороны в сторону и махнула вправо ослабевшей рукой.

Ругаясь мысленно, я потащила в соседний вагон, в ту сторону, куда склонилась рука Ангелины Карповны. Каково же было мое удивление, когда в первом же купе соседнего вагона я нашла нашего пропавшего кавалера, азартно играющего в карты с друзьями. Узнав, что жене плохо, он засуетился, быстро со всеми попрощался и безропотно последовал за мной.

Утром мы с Катериной после ночных бдений спали долго, как подобает уставшим людям. Проснувшись, я лежала, не шевелясь, боясь нарушить разговор наших спутников.

– Геля, ты что, расстроилась ночью из-за меня? Ты же знала, где я нахожусь, нельзя так, мы не в том возрасте, чтобы дёргаться по пустякам, сердце беречь нужно.

– Я просто испугалась, думала, что уже очень позднее время, вдруг с тобой что-то случилось!

– Да что со мной случится? Что я, ребенок? – Василий Игнатьевич вышел за кипятком.

После его ухода, думая, что мы спим, Ангелина Карповна проворчала: «Тогда я тоже думала, что с тобой ничего не случилось, старый козел!»

Я еле сдержала смех: наконец Ангелина Карповна вышла за свои рамки!

ПОЭЗИЯ

Ольга ДАНИЛОВА-ПУШКАРЬ

К России

Мы это всё переживём,
Переболеем.
Огнём осиновым сожжём,
Не станем злее.

Пусть в жизни всё перевернёт
Счастливый случай.
Мы на реке построим плот,
Как дом могучий.

Среди болот и пустырей
Найдём дорогу
И станем чище и мудрей,
И ближе к Богу.

И поплывёт наш добрый дом
Судьбе навстречу.
И пусть любовь пылает в нём,
Как в храме свечи!

Любимая Русь

Август настаивал травы,
Запах густел с тишиной.
Прошлое с Памятью правы...
В детстве хоть день был, да мой!

Память меня прогуляет...
Дача. Красивый бугор.
Сердце и любит, и знает
Тот разноцветный узор.

Вот Богородицы травка,
Запах приятный такой...
Это не Пруст и не Кафка! –
Лечащий душу покой!

Дух выростал и натура.
Предков живительный зов...
Русская литература –
Бунин, Есенин, Шмелёв...

Словно бы «Лето Господне»
Наша щемящая грусть...
Родина радость восполнит,
Здравствуй, любимая Русь!

* * *

...Солдатик стойкий, оловянный,
Он рыцарь дамы, но суров,
Он даже в сказке всё же странный,
Почти «не знает нежных слов».

Он без эмоций и восторга,
Он без стихов и без затей...
Но он в огонь без тени торга
Пошёл, служа любви своей...

Вдохновение

Придёт долгожданное слово,
И точным окажется штрих,
И как от луча золотого
Засветится образом стих.

Эскиз превратится в картину,
Набросок созреет в роман,
Любовь одолеет рутину –
Как солнце растопит туман.

И будет всё ярко и ново,
Весь мир бесконечен и чист,
И с губ настоящее слово
Сорвётся и ляжет на лист!

* * *

Горчит распаренно полынь,
Чертополох от зноя млеет,
Стоит июльская теплынь,
И от неё душа хмелеет.

Мне лето кинулось на грудь
И, как щенок, лизнуло щёки...
Так в чём же жизни этой суть,
И для чего все эти строки?

Пойди, попробуй, разберись...
Рассудок мой твердит упрямо,

Что наша суетная жизнь –
То анекдот, то мелодрама...

Но не в ладах душа с умом,
Она не верит в долю эту
И, завладев моим пером,
Ведёт меня к любви и свету.

Туда, где горькая полынь,
Чертополох и тень у стога...
Где надо мной такая синь,
Что видно в ней сиянье Бога!

* * *

Хранит деревня на задворках
Устои нашей старины.
Деды, как встарь, дымят махоркой,
Неодолимых дум полны.

Опять мычит корова в стайке,
Как сто, как двести лет назад.
И в серой старенькой фуфайке
Мужик выходит в зимний сад...

Как мне рассказывала мама,
Была разруха, бедность, грусть...
Но всё же край наш – лучший самый!
Привет, есенинская Русь!

* * *

Отзвенела весна...
В ожидании лета
Спит в лесу тишина,
В изумруды одета.

Потемнела трава,
Тополек подрастает...
Жизнь вступила в права
И потерь не считает.

Но обманчив покой –
Солнце в облаке скрылось,
И по лесу волной
Дрожь листвы прокатилась.

Отцветут те луга,
Что весну украшали,
И покроют стога
Те луга шалашами.

Май отходит. Июнь
Направляется в гости.
Все, кто стар и кто юн,
Силы пробуют в росте.

А потом и вода
В синий лед превратится...
Это было всегда,
И всегда повторится.

* * *

Сжимается время шагренево́й кожей,
И годы как листья летят,
Но чувствую вдруг –
становлюсь я моложе,
Хотя облетает мой сад...

Осенние листья его опадают,
Литки календарные – прочь...
Душа окрыляет и ввысь поднимает,
Пытается всё превозмочь.

Душа, словно дерево –
помните Пришвина? –
Любовью спасётся –
по слову Всевышнего...

* * *

Библейских смертных семь грехов
Душа бессмертная тащила...
И множились листы стихов,
И множились любовь и сила.

А смысл жизни есть борьба
С пороками, со злом и ленью.
При чём тут карма и судьба?
Коль человек под Божьей сенью.

И познавая жизни суть,
Душа потянется к святому,
И на земле небесный путь
Проложишь, как дорогу к дому...

* * *

Помню бор с отборными грибами,
Яблони, привитые отцом,
Огород, что мы пололи сами,
Дачный дом с узорчатым крыльцом.

Козочек, бурёнку Синеглазку,
С пенкою парное молоко,
Бабушки чужой простую ласку...
Всё мне близко, только далеко.

Мальчишка наивного соседство,
Он тогда «ухаживал» за мной...
Милое моё, святое детство!
Память, словно крылья за спиной.

* * *

Пшеничное поле...	Берёз белоствольных
Дыхание хлеба.	Кружат хороводы.
Российская доля,	Как дышится вольно
Просторы до неба.	В объятьях природы,
На небе без края	В объятьях России,
Узор – облаками.	Душою хранимой,
А поле сверкает	Бездонной и сильной,
Росой-жемчугами.	До боли любимой!

Озеро

Оденусь в чёрный бархат ночи,
Незримо в лунный свет войду.
Согнав с воды тумана клочья,
Дорожку в небо проведу.

По глади озера стеклянной
Волна лениво пробежит,
И темнота, качнувшись пьяно,
Бесшумно канет в камыши.

И звёздной пылью заискрится
Изгиб той медленной волны,
И на осколки разлетится
Моя дорожка до Луны.

Царица ночи строго глянет
На танец звёздной мишуры
И снова гладь стеклянной станет
До самой утренней поры.

Олег ДРЕБЕЗГОВ

* * *

Вездесущий господь	Сниспадает с небес
Первым снегом окрест осеняет,	В наши души надежда и нега.
В растревоженном сердце	Божья Матерь
Нет злобы, обиды и мглы.	Отводит от нас терпеливо беду.
На Покров, молчаливо	А под робким покровом
На тяжкую долю пеняя,	Октябрьского первого снега
Накрывают старушки	Бьется синею жилкой
В натопленных избах столы.	Тропинка в саду.

* * *

По дороге, вымытой дождями,
На исходе ласкового дня
Мужичок рогожными вожжами
Незлобливо понукал коня.

И лошадка, позабыв усталость,
Шевелила сивою губой.
Мужичок глотнул винишка малость
И в ладу был с миром и собой.

Мужичка судьба не раз лягала
В хвост и в гриву, в зубы и поддых.
Лошадь тоже тяжело вздохнула,
Вспоминая о деньках былых.

Жизнь прошла под гнётом силы грубой
В зной и в холод, в дождь и колкий снег.
Потому и ладили друг с другом
Старый конь и добрый человек.

* * *

Так оно в жизни бывает и будет:
Осенью поздней завьюжит зима,
Праведник грешника всеу осудит
И возликуют с тюрмою сума.

Путь бедолаг будет долог и труден,
Эхо замрёт одиноко в тиши.
Бог в суете приснопамятных буден
Взор отведёт от заблудшей души.

Нищий котомку закинет за плечи,
В доме холодном заплачет вдова.
И изболевшей души не излечат
Самые мудрые в мире слова.

Мы для него ничего уж не значим,
Чаши пусты на судейских весах.
Не от того ли всё плачет и плачет
Солнце, которого нет в небесах.

* * *

Всё от Бога – горечь и отрада,
Гнёт и воля, бытие и тлен.
Попусту печалиться не надо
Череди беспутных перемен.

Вёл меня Господь дорогой дальней,
Душу обнажая до стиха,
Потому и не грешил я тайно,
И молился не исподтишка.

Поезд мчится под уклон и в гору,
Не свернуть ему уже с пути.
Вот и мне обрадоваться впору
Тупиковой ветке впереди.

Мой последний час ещё не пробил,
И закат, как кровь Христова, ал.
Если Бог на святость не сподобил,
Стало быть, он этого желал.

* * *

Вижу я твой взгляд из зазеркалья,
Нет в нем ни обиды, ни любви.
Ты своей притворною печалью
Не томись и Бога не гневи.

Не рядись в одежды девы грешной,
Белой краской не бели виски,
Даже грех ты совершаешь спешно,
В промежутках приступов тоски.

Ты и в час прихода вечной ночи
Под покровом смертной пелены,
Пуще рая истово захочешь
На себя взглянуть со стороны.

* * *

Под грозным натиском зимы
Узором розовеют окна.
От этой жизни тягомотной
Горчат Отечества дымы.

Метель сменяет холода,
Она перерастает в вечность,
И эта злая бесконечность
Гнетёт как давняя нужда.

Вороной хохлится изба,
Скрипят навесы ржавой сталью,

И на оторванную ставню
Походит каждая судьба.

Нищает деревенский люд,
Тоска и боль под каждой крышей.
Господь давно молитв не слышит
В краях, где песен не поют.

Скупую череду ночей
Венчает яростная вьюга.
И отражение испуга
В бездонном омуте очей.

* * *

Ранним утром, сумрачным и гулким
Бесприютным тянет сквозняком.
По пустым и стылым переулкам
Я как волк бреду особняком.

Ни друзей, ни родины, ни флага,
Ни весёлых песен по весне.
Знать, в пыли глубокого оврага
Суждено однажды сгинуть мне.

Мать-старушка по привычке древней
Покачает скорбно головой.
И уедет в отчую деревню,
Где покосы поросли травой.

* * *

Не философствуйте о смерти,
Немало в жизни тем иных.
Есть толк в извечной круговерти
Забот и помыслов земных.

Не зацветут зимой под снегом
Цветы, отцветшие давно.
Что будет – пропасть или нега,
Нам знать про это не дано.

Дороже сердцу быть, чем небыль,
И горько мне осознавать,

Что за чертой земли и неба
Мне губ твоих не целовать.

Не сострадать чужой печали,
Своею болью не болеть
И в эти сумрачные дали
В часы раздумий не глядеть.

В плену медовой райской скуки
И нескончаемого дня
Умрёт от горестной разлуки
Душа бессмертная моя.

* * *

Холоден край мой и беден,
Вьюга на тысячу вёрст.
Мальчик запойных соседей
Насмерть в сугробе замёрз.

Сорокодневных поминок
Канули сроки давно.
Но на могильный суглинок
Льётся рекою вино.

Сном бы тяжелым забыться,
Но с неизбежной тоской
Вьюга в окошко стучится
Детской озябшей рукой.

* * *

Былое дымкой синей
Приходит в наши сны.
Нет прошлого в помине
У отпрысков войны.

А мы лихой ватагой
В свои двенадцать лет
Медалью «За отвагу»
Долбили медь монет.

С исчезнувшей страной
Уходят навсегда,
Рождённые войною
Босяцкие года.

На жизнь свою не ропщем
Мы на исходе дня.
В российских хилых рощах
Хоронит нас родня.

О равенстве вопили
Державные лжецы
В вине тоску топили
Окопники-отцы.

И на погосты эти
Везут со всех концов
Обманутые дети
Обманутых отцов.

* * *

Городок, похожий на деревню,
Тополя поверх горбатых крыш.
В переулках сумрачных издревле
Обитают робость, сон и тишь.

Божий храм без крыши и без окон
Колокольной слепо смотрит вниз.
Он под этим небом синеоким
Как безродный висельник повис.

В предзакатной неизбывной дали
Вздых зарниц всё чаще, всё ясней.
Немощёных улочек печали
Омрачают суть остатних дней.

На исходе грозового лета
Поредет лиственная сень,
И в ночи знакомым силуэтом
Оживёт в дверном проёме тень.

Заметелит чувственная вьюга,
Сладкой болью сердце обожжёт.
И от дум о незабвенном друге
Трезвый ум мой не убережёт.

Отрекусь от грубого и злого,
Упаду лицом устало ниц.
Вспомню всё и выпью яд былого,
И умру под гомон вещей птиц.

ПРОЗА

Сергей КОЗЛОВ

САПОГИ

Серо было этой осенью. Промозгло. Серо настолько, что, казалось, солнце уже никогда не выглянет. Так и угаснет свет. Растворится в сумраке кронштадтских улиц. И снег не выпадет. Оттого и лица у людей были смурые, недружелюбные.

А тут идёт по улице молодой священник и улыбается. И так улыбается, что светло вокруг него. Кто-то улыбнется ему в ответ, подойдет под благословение, иной же нырнёт в сырую тень проулка, как будто света испугается, третий будет долго смотреть ему вслед, словно забыл спросить чего...

Архип и Фёдор, завидев священника, тоже юркнули в арку двора.

– О! Щас нам Бог на четверть подаст! – сказал Архип. – Давай, Фёдор, скидавай свои сапоги!

– Чего? – не понял Фёдор.

– Скидавай сапоги, а то не успеем.

– Дак а чего? – не понял Фёдор.

– Видел же, отец Иоанн идёт, ему до дому чуть осталось. Выйдешь навстречу босиком, он ни за что мимо не пройдёт. Свои отдаст. Сымай, ты и одет похуже. За босяка сойдёшь.

– Да грех это! – дошло до Фёдора.

– Какой грех? – скривился испытываемым лицом Архип. – Ты человеку добро помогаешь делать. Батюшка у нас юродивый. Утром бы успели к раздаче у дома, так по три копейки бы каждому взяли... Проспали. Давай же! – Архип уже стягивал с товарища сапоги. – Давай. Я тут схоронюсь, а ты просто иди навстречу. – И почти вытолкнул босого Фёдора на улицу.

Фёдор какое-то время стоял, удивлённо рассматривая свои грязные босые ноги, бахрому заношенных штанин, почувствовал, как холод брусчатки пробирает и поднимается вверх.

– Иди! – крикнул из арки Архип.

И Фёдор пошёл, опустив голову, глядя на свои неухоженные ноги. И очень ему вдруг захотелось, чтобы батюшка не заметил наготы его ног. Так захотелось, что аж душу защемило, похмелье отступило, будто его можно было вылечить стыдом. И шёл он, словно крался, вдоль стен. Авось проскочит...

Не проскочил.

– Ты что, любезный, босиком? Ноябрь на дворе... – услышал он голос священника над своей грешной головой.

– Да вот... – более и сказать не мог ничего.

– Потерял, пропил, сняли? – только-то и спросил батюшка.

– Сняли, – механически повторил последнее услышанное слово Фёдор.

– Ну, прости их, – сказал отец Иоанн, – может, им нужнее.

– Угу... – Фёдор не подымал глаз.

– Вот что, мне тут совсем немного осталось. Бери-ка мои! У меня новые. Вчера подарили. Точно тебе говорю. Размер у нас, похоже, один. Бери-бери!.. – священник уже стягивал с себя сапоги.

– Дак это... батюшка... – Фёдор не поднимал глаз.

– Одевай! Так оба мёрзнем, а так – один обутый будет. Одевай. – И сам стал одевать Фёдору свои сапоги. – А мне тут с квартал осталось. Пойду. И ты иди с Богом. Да не напивайся более. – Перекрестил и пошёл.

Когда Архип подошел к Фёдору, тот плакал. Так и стоял, как оставил его отец Иоанн. И плакал. Слёзы капали на новые сапоги, подаренные священником.

– Ну, чего я говорил?! – радовался Архип. – Пошли, в лавке у Морозова поменяем.

– Грех это, – всхлипнул Фёдор.

– Да чего ты?! – не понимал Архип. – Догони и отдай, раз так! Помрём с похмелья! Может, нам Бог его руками подал? Чуешь? То-то... Грех – это, вон, карманники – в Андреевском-то соборе уже и не по одному карманы чистят. Теснота там на службах такая, что рука сама в чужой карман лезет. А мы не крадём! Мы по милости взяли... Пошли... – Архип подтолкнул Фёдора, – пошли. Там вона обратно переоденешь... да пошли быстрее к Морозову, он новые сапоги для кого из своих рабочих возьмёт.

И вправду – сапоги на бутыль-четверть и ещё на кое-какую снедь сторговали. И ушли пить сначала в дворницкую к Архипу, а уж когда, как водится, внутрь попало, то остальное, коли душа просит, найти проще. И сапоги батюшкины забылись...

И забылись бы совсем, коли Архип на последние двадцать копеек не подхватил бы извозчика до трактира «Мыс Доброй Надежды», где надеялся встретить одного своего старого собутыльника из бывших матросов. И встретил ведь! И дальше гулянка пошла. Пили под корюшку на развёрнутом листе «Кронштадтского вестника». И Фёдора уже подхватило и понесло, и голову закружило, да вот когда очередной раз ставил рюмку на стол, встала она, как нарочно, на объявление в газете о том, что в доме трудолюбия будет читаться слово протоиерея Иоанна Ильича Сергиева против неумеренного употребления спиртных напитков. И снова Фёдор увидел, как руки священника надевают на его грязные ноги новые ладные сапоги.

– Господи... – только-то и смог прошептать, и никакой алкоголь не мог более приглушить голос совести.

Сам по себе трезветь начал. И от вида водки затошнило даже.

– Пойду я, – сказал тихо Архипу, который травил какую-то байку матросам.

– Чего? – изумился Архип.

– Пойду, – твёрдо ответил Фёдор и поднялся. – Без меня дальше.

– Так... это?.. – Архип не знал, что сказать.

– Не серчай. Чего-то мне худо...

– Ну, так. От водки бывает. Но водкой же и лечится, – вставил хмельной друг Архипа.

– Н-не... Пойду я...

И пошёл сквозь трактирный гомон и дымную хмарь, но и на серой холодной улице ему не хватало воздуха. В Андреевском соборе ударил к вечеру колокол. Фёдор вздрогнул, вздохнул глубоко, насколько позволяла грудь, и пошёл, пошатываясь, в сторону храма... Околоточный, что спешил в трактир на шум начинающейся драки, посмотрел на него с подозрением, но останавливать не стал. Зато остановился рядом извозчик.

– Двадцать копеек в любую сторону, – сказал он привычное.

– Нету у меня... Я в храм... – почти прошептал Фёдор. – Надо мне. Худо...

– К батюшке? На общую исповедь? – спросил извозчик. – Садись, и мне, пожалуй, пора съездить. Садись, денег не возьму, а то упадёшь где-нибудь, замёрзнешь.

– Да что же это такое, Господи? – изумился Фёдор и полез в коляску.

* * *

– Вот, матушка, Василий Фёдорович велели передать, – посыльный кланялся Елизавете Константиновне.

– Какой Василий Фёдорович? – матушка с грустью смотрела на сапоги.

– Морозов, матушка. Помните, батюшка Иоанн молился, когда дочь у него болела. Вот тот. На словах сказал, мол, батюшка, может статься, опять без сапог придёт. Обует сирого кого...

Матушка с изумлением смотрела на сапоги. Потом подняла взгляд на посыльного.

– Да не ты ли на прошлой неделе их и принёс?

– Я! – широко улыбнулся посыльный. – Точно я. Те самые. Их сегодня забудыги Василию Фёдоровичу сторговали. А он и купил. Потом меня к вам отправил. Просил только ничего батюшке не говорить. Пусть, говорит, будут, как будут. Не скажете ничего? – посыльный обезоруживающе улыбался.

– Не скажу, – вздохнула Елизавета Константиновна. – Чай, не первые сапоги...

– А тут ещё припасов каких послал Василий Фёдорович, – посыльный протянул свёрток. – А нету самого-то батюшки? Благословиться? – с надеждой заглянул он за дверь.

– Да ведь нет! Поди ещё босиком куда зашёл! Он же никому не отказывает.

– Знаем, знаем. Дай Бог ему здоровья. Не простудился бы. Ну, пойду я. – Он ещё постоял с минуту, словно чего-то ждал от матушки.

– Иди с Богом, – отпустила она.

Посыльный развернулся и почти побежал – засеменял, не оглядываясь. А Елизавета Константиновна перекрестила его вслед и ещё стояла какое-то время, всматриваясь в тревожную сырость улицы.

– Не скажете ничего? – повторила для себя просьбу посыльного Елизавета Константиновна и улыбнулась.

Уж в первые годы жития с отцом Иоанном всё сказала и всё поняла: с кем живёт и куда путь держат.

– Для чего бедных Господь оставил? – спрашивал её батюшка и сам отвечал: – Чтобы богатые милостью к бедным заслужили себе милость Божию.

Да вот сам богатым никогда и не был.

– Помнишь же, Лизонька, у Матфея: «Что вы сделали одному из бедняков – братьев моих меньших, то сделали Мне».

– Помню, – покорно соглашалась матушка и тут же без труда забывала, куда ушло небольшое жалование да и все пожертвования.

«Интересно, узнает ли свои сапоги?» – подумала матушка, посмотрела на них внимательно и увидела на носках разводы-капли.

– Никак, плакал кто над сапогами-то? – подивилась Елизавета Константиновна, но тут же спохватилась о другом: – На вечерю-то тоже босиком ушёл или одел кто?

Архип с трудом пришёл в себя. Понял, что, помимо похмелья, ещё и бит. Где? Когда? Ах ты ж! Как говорят матросы, «потерпел аварию под Мысом Доброй Надежды». Где уж там добрая надежда?

Как оказался в своей дворницкой – не помнил. Сам пришёл или привёз кто? С трудом встал и потянулся к ковшу с водой. Пил долго, обливаясь, почти весь ковш выпил. Потом обессилено сел на топчан, пытаюсь унять дрожь в руках. Не проходило. И посмотрел вдруг на ноги.

Босые! Босые и чёрные!

Стало быть, сапоги сняли! Яловые! О! И кушакà нет! Ладно, хоть поддëвка на месте.

Снова потянулся к ковшу. В дверь постучали.

– Открыто! – прохрипел Архип.

Дверь открылась, и с улицы вместе с первым снегом зашёл околоточный. Отряхнул фуражку, осмотрелся.

– Ну, Архип Прохорович, догулялся ты нынче. Наши-то тебя с самого Мыса привезли. Без сапог уже.

Архип опустил повинную голову.

– Какой день-то уже?

Дворник пожал плечами: не помнил.

– То-то... В общем, ты у нас вместо опоры порядка стал сам... Как это выразиться... Ну, ты понимаешь. Велено тебя менять. Бектемир давно на твоё место просится.

– Татарина на моё место?! – взвился мигом Архип, но боль и слабость похмельная в ногах уронили его обратно на топчан.

– Татарина на твоё место, – твёрдо сказал околоточный, – он не пьёт. Ему Аллах не велит. А от тебя службы последнее время никакой. И все твои заслуги прежние забылись.

– Так я ж вам смутьяна поймал! Чуть он меня с нагана не пристрелил.

– Помним, помним, Архип. Потому... Три дня тебе. Сразу на улицу не гоним. Найдёшь другое место и освобождай помещение.

– А ежели я выправлюсь? – попытался ухватить соломинку дворник.

– Выправишься? – с сомнением переспросил у кого-то околоточный. – Так то долго доказывать надо. Разве что если поручится за тебя кто. Уважаемый человек какой. Есть у тебя такой?

Архип молчал. Очень хотелось опохмелиться, потому как думать больше ни о чём не мог.

– То-то же, – вздохнул околоточный, поднялся и нырнул в снежный вихрь за дверью.

Архип так посмотрел на дверь, будто она была виновата во всех его бедах.

– О-хо-хо-хо... – проростонал он.

Снова с трудом поднялся и обшарил комнату. Заначек нигде не было, медь в карманах не звенела, а значит – тяжелое похмелье вот-вот раздавит напрочь.

Ждать не стал. Обмотал ноги какой-то ветошью, что лежала в углу, привязал её к ногам тесьмой и, как был, вышел на улицу. Над Кронштадтом начиналась зима. Хмурая, как и уходящая осень. Снег хоть и был белым, да падал с такого серого неба, что и не радовал. Да и на мостовой он быстро таял и добавлял грязи.

– О-хо-хо-хо... – оценил состояние природы Архип и побрёл из подворотни вдоль улицы.

Спешно думал, у кого можно занять до расчёта. Да получалось, у кого можно было, уже и так занял. С досады ударил себя по груди – попал по медной дворницкой бляхе, что болталась на шее. Поди ж ты, не сняли вчера! А что с неё? Теперь Бектемирке достанется. Будет лысый татарин перед своими щеголять. Куда ж идти-то? И как потом век доживать? Мысль эту он вдруг озвучил, но уже иначе:

– Скоро ведь двадцатый век! – и посмотрел на свои ноги, обмотанные в тряпье.

Вспомнилась вдруг недавняя беседа с неким инженером в трактире. Уж не сын ли того же Морозова? Вроде как на инженера он учился... И рассказывал Архипу, что скоро техника станет такой, что труд дворника будет не нужен. «Будут вашу работу, Архип Прохорович, машины делать». – «Как же, машины! Бектемирка, татарин, будет мою работу делать... А я у него буду милостыню просить».

– Архип! – услышал он вдруг за спиной и сначала не узнал голос.

Оглянулся и увидел, что его догоняет Фёдор.

– Ох, хорошо, что ты. Думал, помру уже. Есть у тебя, Федя, на что похмелиться?

– Нет.

– Ой, плохо. Плохо мне, Федя. Да ещё околоточный пришёл. Со службы меня, Фёдор, гонят. Три дня дали... Бектемирку ставят на моё место.

– Совсем гонят?

– Совсем.

– Ты что, не болеешь, что ли? – изумился вдруг Архип, глядя на вполне свежее лицо Фёдора.

А тот вдруг заметил ноги товарища.

– А... с-сапоги твои где?

– Видать, сняли вчера.

– Видать, – согласился Фёдор.

– А ты-то куда вчера делся? – спросил Архип с подозрением.

– Сапоги исповедывал.

– Сапоги?

– Сапоги. Отцу Иоанну.

– Ой-йо! – вспомнил ещё из вчерашнего Архип. – Вот оно мне где вернулось. Святого человека обманул. – Архип опустил голову.

– Так... может... со службы-то не погонят. Повинишься, оставят. Ты же уважаемый человек.

– Да какой уважаемый! – отмахнулся дворник. – Борода вот только и осталась от уважения. Да бляха на груди. Свисток, и тот где-то посеял. Теперь два пальца в рот и свистеть, как разбойник какой. – Архип безнадежно махнул рукой куда-то вдоль улицы. – Околоточный сказал, если только за меня какой уважаемый человек поручится. А кто за меня поручится?

– Я знаю, кто, – сказал твёрдо Фёдор. – Только надо не пить более.

– Да неужто ты думаешь?... – Архип сразу догадался. – Я ж... получается... с него сапоги...

– Поручится, – снова повторил Фёдор. – Пошли быстрее.

– Да куда быстрее? У меня такого тяжелого утра ещё не было.

– Вот и пошли.

– Сердце выпрыгнет!

– Не выпрыгнет. Если к нему пойдёшь, точно не выпрыгнет. У меня вчера не выпрыгнуло. Думал, умру в толчее, а вышел из храма – как новый.

– Да ну, – засомневался Архип, – как новый... чудеса это всё...

– Не чудеса, – взял его за руку Фёдор, – а вера и помощь Божия. Так ты идёшь? Или у тебя другие поручители есть?

Снег, между тем, пошёл хлопьями, и Архип почему-то с тоской вспомнил про свою верную лопату. Самое время бы...

– Как же я к нему пойду?! – вскричал Архип, показывая Фёдору на свои ноги, закутанные в тряпье.

– Так же, как я вчера, – напомнил Фёдор. – Только я совсем босым шёл...

* * *

Людей вокруг батюшки теснилось великое множество. И он, стоя на крыльце, раздавал кому милостыню, кому благословение, кому что-то успевал шепнуть. Нищие стояли в честную очередь с левой стороны, а справа успевали те, кто под благословение или просто дотронуться до священника, приложиться к руке. Фёдор тут же встал в очередь, где стояли нищие, Архип же отошёл в сторону и прислонился от слабости к стене. Так и стоял чуть в стороне, ни на что не надеясь. Фёдор ещё какое-то время махал ему рукой, мол, иди сюда, но тот безнадежно качал головой, и, в конце концов, Фёдора затерла толпа. Людей вокруг было много, а Архип вдруг почувствовал такое пронзительное одиночество, такую богооставленность, что к его физическим страданиям добавились ещё и душевные. Он уже собирался развернуться и пойти, куда глаза глядят, как вдруг услышал громкое батюшкино:

– Пропустите его. Да, вон его...

И сразу стало тихо. Архип поднял глаза и увидел, что все повернулись и смотрят на него, а между людьми образовался коридор, который открывал ему путь к священнику.

– Подойди, – позвал батюшка.

Позвал не приказом, не грубо, но так, что нельзя было отказаться. И Архип подошёл. И чем ближе подходил, тем труднее было сдерживать слёзы. Захотелось вдруг рассказать, как недавно похоронил жену, как сыновья уехали в Питер на заработки и забыли об отце, как легко и быстро сходишься с голью босаяцкой, а потом уже и не помнишь, кем был. О том, что иной раз и пошёл бы на службу в храм, да надо двор мести, улицу, снег ведь не спрашивает. А лёд не сколешь – попадают люди. Так и живёшь без причастия Христова...

– Знаю, знаю, всё знаю, – словно услышал его мысли батюшка и возложил ему на голову ладонь. – Господь никого не оставляет. Ни единого, кто просит о помощи.

Ладонь батюшки сначала была тёплой, а потом стала горячей, и тепло от неё разлилось по всему телу. Сначала из головы упало прямо в сердце, и жарко стало в груди, а потом разлилось волной, и даже ногам стало тепло, хотя Архип уже перестал их чувствовать. Дворника бросило в пот. Да так, словно он стоял не в ноябрьской метели, а в парилке. Так, что застило потом и слезами глаза. Но вместе с тем приходило облегчение. Похмелье отступало, а на место ему шла необычайная лёгкость. Такая, что хотелось дышать и жить. Он стоял и не смел поднять глаза, как вчера стоял перед отцом Иоанном Фёдор. Но потом всё же решился.

И когда встретился взором с глазами отца Иоанна, то просто утонул в них. Чего там было больше: чистого неба? Отеческого укора? Добра разлитанного? Архип вдруг понял, что взгляд этот пастырский не каждому

дано увидеть – да не каждый и поймёт его. Не всякому дано. Гордый и самолюбивый, закрученный миром сим и не увидит. А он – горький пьяница – сподобился.

– Лиза! – позвал, не отводя глаз, отец Иоанн. – Подай-ка, матушка, вчерашние сапоги. Да-да... Те самые, – словно на немой вопрос отвечал.

И сапоги сами собой оказались в руках Архипа. Новенькие, юфтевые. И уже начала оттирать толпа Архипа от батюшки, а тот сунул ему в голенище сапога какую-то бумажку. Архип думал – денежку. С тем и отошёл в сторону. Следом из толпы винтом выкрутился Фёдор. Подошел.

– Переоденься, Архип. Замёрзнешь совсем.

– Да мне жарко, – признался Архип.

– Что тебе батюшка в сапог-то положил? – полюбопытствовал Фёдор.

– Деньги, наверное. – Архип сунул руку в голенище, но это оказался другой сапог, и на дне его он нащупал несколько монеток. А во втором был свёрнутый четверо листок бумаги, на котором рукой то ли батюшки, то ли помощника его было выведено: «За подателя сего ручаюсь, протоиерей Иоанн Сергиев». Подпись и сегодняшняя дата.

– Не, это не вчерашние сапоги, – со знающим видом сообщил Фёдор.

– Ну так у нас же размеры с тобой разные, – додумал Архип.

– Ага, а у отца Иоанна со всеми одинаковые!

– Получается так...

Они шли по обновляемой снегом улице, и получалось, что осень всё же становилась светлее.

– Я вот вспомнил сёдни, что Дмитрий Васильевич говорил: мол, скоро дворников машинами заменят.

– Да не заменят! Ещё сто лет не заменят. Где машине тебя заменить? Она что, на крышу ползет снег скидывать? – Фёдор посмотрел вверх, на припорошенные первым снегом крыши. – Не будет тебя, Архип, кто будет работать?

– Бектемирка, – улыбнулся Архип. – Очень на моё место хотел. – Остановился, подумал: – А вообще, он трудящий. Я ему в соседнем дворе место подкажу.

– Подскажи...

Они шли по Андреевской улице. Утро вдруг вспороло стылую сталь неба солнечным лучом. Снег прекратился и тут же начал таять. И город-крепость, закованный в гранит, словно стал теплее. Маковка на Морском Андреевском соборе полыхнула привет солнцу и погасла. Где-то далеко на горизонте маячил XX век.

– Не жмут?

– Не, как влитые.

Дворник Архип и разнорабочий Фёдор не видели, что за этим вековым горизонтом храма на площади уже нет. А за следующим нет уже и памятника Владимиру Ульянову, который стоял на этом месте какое-то время. Они это не видели. Зато, в отличие от нас, грешных, они видели отца Иоанна – Всероссийского батюшку из Кронштадта.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ

Владимир МОСКОВКИН

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

1

Огромное уставшее солнце садилось, занимая четверть неба. Золотистые блики шли по реке, притягивая к себе чем-то таинственным и вечным. Видимо, тогда стоявший на мосту Алексей Перевалов, преподаватель одного из тюменских учебных заведений, принял окончательное решение.

Это был сорокапятилетний худощавый мужчина среднего роста с обычными чертами скуластого сибирского лица. В этот вечер он пришел на день рождения замужней дочери. Гости – близкие родственники – говорили о жизни, старшие настаивали на том, что раньше жилось лучше. Сестра зятя, вернувшаяся из путешествия по европейским столицам, не соглашалась. Алексей, не следивший за разговором, сказал невпопад, что хорошо бы провести отпуск в путешествии на лодках. По Туре, Тоболу и Иртышу можно из Тюмени доплыть до Тобольска – древней столицы Сибири.

– С чего это тебе в голову пришло? – спросила сватья.

– Мы в детстве мечтали об этом с друзьями, – пояснил Алексей, – в седьмом классе купили старую деревянную лодку, оставили на берегу Туры, а местные парни ночью разбили ее, и плавание не состоялось. Оно и не могло тогда состояться, а теперь – может.

– Расстояние до Тобольска по автотрассе 250 километров, по реке – полтысячи, – заметил сват, дорожный инженер-строитель. – Плыть недели две.

– С компанией и за три не доплывешь, – вставил зять.

– А где ночевать? В лесу? Я не поплыву, – сказала жена Алексея.

– Придется тебе плыть одному, – заметил сват, и все рассмеялись.

– Федор Конюхов плывет один по океану, а нам для начала хотя бы вдвоем по реке, – ответил Алексей, – а ночевать в деревнях, оттуда всегда можно вернуться.

На этом разговор о путешествии закончился.

После дня рождения Алексей все чаще возвращался к мысли о плавании. Для начала купил надувную одноместную лодку «Фрегат» из ПВХ и стал предлагать друзьям совершить сплав. Сергей, заядлый рыбак, сказал, что его лодка стара и не выдержит длительного плавания. Вадим заявил, что по Пышме он бы поплыл, но Тура – судоходная река, это опасно. Владимир сослался на то, что надо строить баню на даче.

Тогда Алексей решил один доплыть до ближайшего села Яр, а по возможности еще дальше – до села Антипино, или даже до Каскары, что в тридцати километрах от города по автотрассе. Приобрел палатку, спальный мешок, камуфляжный костюм, аптечку, фонарик, карту и спортивную сумку. Хозяйственную сумку приготовил для продуктов и воды с расчетом на несколько дней. Никогда не плававший по реке, он не представлял, какие опасности его подстерегают.

Июль выдался прохладным и дождливым, но во второй половине месяца погода стала улучшаться. Утром 19 июля вещи были наготове. Сын отвез Алексея к реке, они накачали и спустили лодку на воду, и путешественник, закрепив весла на уключинах, отплыл. Он не сразу справился со своим суденышком, но через полчаса, добравшись до совмещенного моста, почувствовал, что лодка наконец стала управляемой. Послушный «Фрегат» легко пошел вниз по течению.

Вскоре мост остался далеко позади. Сидевшие по берегам рыбаки интересовались:

– Рыба есть?

– Есть, – отвечал Алексей, считая, что никому не надо говорить, куда он держит путь.

Доплыв до разведенной понтонной переправы в конце города, Алексей увидел стоявших на берегу водителей грузовиков. Один из них крикнул:

– Куда плывешь?

– В Тобольск, – ответил Алексей.

Шофера замолчали.

– Шучу, – улыбнулся Алексей. – Не подскажите, где Яр?

– Плыви прямо, увидишь.

И действительно, вскоре слева показалось село, далее река расширялась, образуя огромный затон, за которым темнел лес. Алексей решил плыть, но в каком направлении? Причалил к левому берегу рядом с песчаной косой, занятой перелетными птицами, и наблюдал, как пересекла затон в северо-восточном направлении и скрылась за лесом рыбацкая лодка. Сел за весла, прошел затон и снова попал в привычное русло реки. Погода стояла прекрасная, с безоблачного неба светило яркое солнце. Ивы и сосны на берегах были пронизаны светом и теплом, над головой летали белые чайки. Алексей снял камуфляжный костюм, кеды и остался в рубашке и трико с кепкой на голове; чтобы защитить спину от ветра, подпоясался штанами от костюма.

Река несла мутно-желтые воды среди безлюдного молчаливого леса, но это только подогревало любопытство Алексея. Он ждал, когда налетят комары, но на реке их не было, и это стало его первым приятным открытием. Как восторженный романтик, он любовался речными пейзажами и, с удовольствием работая веслами, управлял послушной лодкой. Неожиданно справа открылся длинный речной залив, в котором виднелись суда и портовые краны, это было Антипино. Не успел он подумать об остановке, как лодка пронеслась мимо.

Вскоре проплыл под железнодорожным мостом, преодолел крутую излучину и увидел деревенские избы. «Видимо, село Мальково», – подумал он. Вслед за ним показалась незнакомая деревня. Они стояли на огромных глинистых обрывах, подняться на которые было невозможно.

Солнце пекло, нагревая песчаные берега, стояла душная тишина. Время от времени он открывал бутылку с водой и делал глоток. На одном из поворотов подплыл к берегу, выпрыгнул из лодки, втащил за кольцо на песок и достал сумку с продуктами. Съел несколько бутербродов и запил водой. На этом обед закончился, чай пить некогда, надо плыть.

Работал то двумя веслами одновременно, то поочередно. При этом старался плыть по фарватеру и следить за буйками. Красные справа, белые слева. Иногда, на стремнине, когда Алексей забывал оглянуться, рядом

проносился железный буюк, он вздрагивал от неожиданности и начинал тревожно всматриваться в набегавшую гладь.

На мели встречались торчавшие из воды коряги, но особенно много у подмываемого берега. Часто обрыв и прибрежные воды были завалены сплетенными между собой деревьями, а наверху стояли наклонившиеся сосны и березы. Алексей следил за тем, чтобы лодка не напоролась на затонувшие деревья, но на одном из поворотов внезапно ощутил сильный толчок по днищу лодки. Повернул от берега и стал вглядываться в воду, но никакой коряги не обнаружил. Осмотрел лодку, она была цела. «Видимо, большая рыба ударила спиной по днищу», – посчитал он.

На крутом повороте, где справа неприступной стеной нависал берег, на лодку обрушились сильный ветер и волны. Ее качало, подбрасывало, сдувало назад. Казалось, река текла в обратную сторону. Алексей приложил максимум усилий, чтобы пройти тяжелый участок. Через некоторое время ситуация повторилась, когда река снова повернула на север, откуда прорывались встречные ветра. Весь день он плыл под палящим солнцем среди буйно заросших кустами и деревьями берегов. Постепенно жара стала спадать. Наступил вечер, темно-красный диск повис над верхушками деревьев, ветер стих, река плавно текла между теряющих четкие очертания берегов. Пришла пора подумать о ночлеге, но он продолжал спокойно плыть, как будто что-то предчувствовал.

Неожиданно на повороте услышал детские голоса. Обернулся и увидел мальчишек, купавшихся возле невысокого левого берега. Подплыл к ним и спросил:

– Ребята, какое здесь село?

– Каскара, – ответили они, вопросительно глядя на незнакомца.

Алексей не ответил на их немой вопрос, его поразило, что он доплыл до Каскары, предела своих самых смелых планов. Он пересек реку и остановился на песчаном берегу у темного леса. Мгновенно налетели тучи комаров, но он поставил палатку, забросил в нее сумки, сдутую лодку, нырнул внутрь и застегнул молнию. Расстелил спальный мешок, поужинал, позвонил сыну, сказал, что устроился напротив Каскары, и отключил мобильник. Масса впечатлений и непрерывная работа дали о себе знать, только он положил голову на руку – сразу уснул.

3

Проснулся Алексей поздно, солнце пронизывало палатку яркими лучами. Теперь ясно: непреодолимых препятствий нет, можно плыть дальше. Развернул карту, на которой был изображен каждый изгиб реки. Вниз по реке ближайшее село Борки, где живет бывший одноклассник Толя Груздев. В приподнятом настроении взялся за весла.

Лодка шла вдоль высокого Каскаринского яра. Алексей рассматривал глинистые обрывы и песчаные отмели. При этом не испытывал чувства одиночества, а с наслаждением вдыхал лесной воздух и ждал от будущего только хорошего. Узкое русло сменялось широкими перекатами, на глубоких участках течение помогало увеличивать скорость. Он сильно накачал лодку, под горячими лучами солнца она опасно вздулась. Стравить воздух на реке не рискнул. В полдень повернул к берегу, и когда лодка уткнулась носом в песок, нажал на клапан, затем отпустил, но воздух продолжал с шумом вырываться наружу. Растерявшийся путешественник поспешно выкинул вещи на берег. Сдутая, жалкая лодка

лежала перед ним в воде, он втащил ее на песок, заново накачал, а к клапану больше не прикасался.

После обеда поднялся ветер, пригнавший темные тучи. Река все время поворачивала, ветер стихал, а набегавшие тучи проплывали мимо, это забавляло Алексея. Он обнаружил, что ноги, скрещенные под сиденьем, до крови натер о песок на дне лодки, достал аптечку и обработал их спиртом. Алексей боялся, что откажет спина или будет перегрев на солнце, но ничего подобного не происходило, организм в экстремальной ситуации как будто мобилизовал все силы.

Еще до наступления вечера увидел множество деревянных домов на огромном левом берегу. «Борки! Доплыл! Невероятно!» – он был вне себя от радости. Однако эмоции прошли, и Алексея начал одолевать вопрос: остановиться на ночлег или плыть до следующего села Созоново? Но к ночи до Созонова не доплыть, придется остановиться в лесу. Только Алексей проплыл Борки и оказался около проходившей над рекой линии электропередачи, заморосил прохладный дождь. Позвонил однокласснику и поплыл в обратную сторону. С высокого берега Толя махал рукой, он спустил с обрыва длинную деревянную лестницу. Добраться до нее по грязному берегу, а затем взобраться на крутой обрыв с лодкой и вещами было сложно. Дождь тем временем прекратился. Алексей отказался от подъема и спросил, не может ли Толя помочь хлебом. Тот принес полбулки и сбросил с обрыва. Алексей поблагодарил его и отплыл.

– Куда поплывешь? – крикнул Анатолий вдогонку.

– В Созоново.

– Ты потерял два часа, греби без остановки.

Не успел Алексей вернуться к линии электропередачи, как хлынул дождь. На обрывистом левом берегу он увидел белую «Газель» и направил лодку в ее сторону. Причалив, взобрался наверх по скользкому берегу и на небольшой площадке у сосны стал ставить палатку. Дождь не прекращался, кроме того, мешали корни и высокая трава. Наконец, палатка поставлена, вещи спрятаны, а несдутая лодка осталась лежать в кустах.

Алексей снял мокрую одежду, переделся и лег спать, но никак не мог согреться, спальный мешок и сменная одежда были сырыми. Только стал немного согреваться, как со стороны реки раздался сильный грохот. Алексей высунул голову из палатки и сквозь траву увидел буксир, тянувший баржу. Впервые за два дня он увидел работу речников. Снова залез в спальный мешок и попытался согреться. Ночью спал чутко, казалось, его лихорадит, он лежит в мокрой постели и кругом вода. «Теперь точно заболелю, – подумал он, – завтра же вернусь домой».

4

Утром дождь прекратился. Алексей поеживался от холода и сырости, но болезненного состояния не было. Стряхнул и упаковал палатку, разложил на лодке мокрую одежду и отчалил. Под утренними лучами солнца быстро согрелся.

Чем дальше он продвигался, тем безлюднее становилась местность. На больших отмелях встречались крупные скопления перелетных птиц, с шумом поднимавшихся в воздух при приближении лодки. Он с удовольствием наблюдал, как впереди, мелькая темными спинками, плыли рыбы, будто прокладывая путь лодке. Над ними, расправив белые крылья и наклонив голову с длинным клювом, парили чайки. Когда рыба поднималась близко

к поверхности, они молниеносно пикировали вниз, выхватывали ее из воды и улетали. Чем выше и неприступнее возвышались над рекой глинистые кручи, тем гуще они были усеяны птичьими гнездами. Чайки кружили над головой Алексея, тревожно крича, когда он проплывал мимо их берегов. Одна из них так долго кружила и сильно кричала, что он не выдержал и ответил: «Лети к своим птенцам, не трону я их, не за этим сюда приплыл!». Она как будто поняла, что ей сказали, и перестала преследовать лодку.

В этот день он обедал долго, спина затекла, пришлось полежать на берегу, сделать зарядку и пробежаться по пустынному пляжу. Сколько таких прекрасных пляжей на реке, на любой вкус! Сразу после обеда работать веслами было тяжело. Алексей плыл размеренно, не торопясь, в какой-то момент силы пришли сами, руки окрепли, вот тогда он налег на весла. Казалось невероятным, что он плывет уже третий день и ему хорошо, и ничего не надо, а только продолжать плыть и наслаждаться зелеными берегами и спокойной рекой. И Алексей под мерные взмахи весел стал петь. Неожиданно для себя он вспомнил слова песни, которую никогда не пел.

*Постой, паровоз, не стучите, колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза.*

К вечеру, когда Алексей устал, и силы были на исходе, запел другую песню:

*Наверх вы, товарищи, все по местам.
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

И сразу откуда-то появились силы, и он налег на весла с удвоенной энергией.

Солнце клонилось к закату, освещая теплыми лучами берега, заросшие смешанным лесом. Никаких признаков приближения к обжитым районам не было. За долгий жаркий день Алексей выпил много воды, надо было срочно причалить к берегу. Он высадился на небольшой песчаный бережок и только шагнул к лесу, как вдруг услышал чьи-то голоса, стал озираться по сторонам, но никого рядом не было. Повернулся и увидел на противоположном берегу сидевших на террасе молодых влюбленных. Как они здесь оказались? Снова сел в лодку и вскоре за поворотом увидел на левом берегу радиотрансляционную вышку, отличавшую село Созоново. Здесь же возвышались другие вышки, столбы, тянулись многочисленные провода.

Он проплыл мимо села и стал искать место для стоянки, но сразу не нашел. Лишь через несколько километров обнаружил удобный берег. Уже наступила ночь, с обеих сторон стоял густой темный лес, но он думал только об отдыхе. За песчаной косой обнаружил яму с водой, положил туда лодку, а рядом в кустах поставил палатку. Достал карту, подсветил мобильником. Дальше надо плыть, минуя слияние Туры и Пышмы, до села Дубровное. Этот отрезок длиннее и сложнее, чем предыдущий; река сильно петляет, уходя на юг в сторону непроходимых болот. Но о возвращении домой Алексей уже не помышлял. Он поужинал, из продуктов остались только хлеб и немного сала. Позвонил сыну, попросил привезти в Дубровное теплую одежду, продукты и как можно больше воды.

5

Ночь прошла спокойно. Утреннее небо было безоблачным, вода у берега не волновалась, лишь ближе к середине блестела едва заметная зыбь. Путешественник взялся за весла и быстро вошел в привычный ритм работы.

Вскоре с правой стороны он увидел слияние рек. Без шума и волн не широкая, но полноводная Пышма впадала в Туру. Берега в ее устье заросли густым кустарником, который, видимо, основательно заливало в половодье, отчего вид был глухим и диким.

Два молодых парня на резиновой лодке плыли к Пышме на рыбалку. Обогнав их, Алексей попал в многочисленные повороты реки – только заканчивался один, начинался другой. Там, где она поворачивала влево, обрывистый берег был справа, а слева невысокий, с белым от солнца песком. И все наоборот, если река поворачивала вправо. По высоте берегов он уже заранее определял, куда повернет река. Петляя, она, то уходила на север, к автотрассе, то опускалась на юг, в отдаленные заболоченные места, где молчаливые леса напоминали о себе лишь качающимися на ветру верхушками сосен и иногда резким потрескиванием деревьев, будто их кто-то расщепляет. Пустынные берега, заваленные прошлогодней листвой, хотелось быстрее преодолеть и начать новый подъем на север.

Солнце палило изо всех сил, чтобы спастись от жары, он зачерпывал ладонью воду из реки и плескал на лицо, это помогало ненадолго. Нижняя часть лица, не защищенная козырьком, сгорела, так же, как шея и кисти рук.

В полдень Алексей причалил к пустынному берегу. Он был так голоден, что не стал делать зарядку, а достал продукты, разложил их на сиденье, присел рядом на корточки и принялся жадно поглощать последние запасы. Затем прошелся по пляжу, нагибая и разгибая спину, и тут обратил внимание на необычные следы на песке. На него ступала чья-то огромная лапа с пальцами без когтей, расстояние между следами – больше метра. Рядом, на расстоянии в полтора метра, шли точно такие же следы. Здесь прошли два крупных зверя, или один прошел дважды. «Это чья-то шутка», – подумал Алексей, но других следов на берегу не было. Никаких животных, кроме медведей, которые могли бы оставить подобные следы, он не знал, в снежного человека не верил. Пошел по следам. Они были свежими, хорошо пропечатались в сыром песке, тянулись вдоль всего пляжа и сворачивали в густой лес. Зверь прошел недавно и может находиться где-то недалеко. Алексей остановился у самого леса, и тут ему стало не по себе. Показалось, что кто-то смотрит на него из-за деревьев. Холодок пробежал по спине. Он повернулся и быстро пошел к лодке, столкнул ее в воду, доплыл до середины реки, но чувство тревоги не проходило. И лишь проплыв несколько поворотов, Алексей успокоился и на некоторое время забыл о необычных следах.

Дремучие леса остались позади, постепенно продвигаясь на север, лодка приближалась к обжитым районам. Преодолевая очередной поворот, Алексей увидел на поднимающемся зеленом берегу табун лошадей. Одни щипали траву, другие пили воду. Это были красивые темно-коричневые, с черными гривами животные, невысокие, но крепко сбитые. Табунщика рядом не было. Значит, где-то по близости есть деревня. Проплыв дальше, встретил переправлявшегося через реку местного жителя.

– Сергей Иванович? – спросил он Алексея и, услышав отрицательный ответ, продолжил: – Он здесь раньше часто бывал, хороший человек.

– Вы рыбак? – поинтересовался Алексей.

– Нет, развожу коней, на жизнь хватает.

– Я видел табун.

– Где?

– За поворотом.

Они попрощались и поплыли в разные стороны. Эта случайная встреча вселила в Алексея уверенность, что люди здесь живут открытые, доброжелательные.

Сделав последнюю петлю, река пошла прямо к автотрассе, и вскоре на левом берегу показались дома. Отдыхавшие на пляже жители сказали, что это село Дубровное. На противоположной стороне реки за прибрежными кустами Алексей поставил палатку. Вскоре на «Жигулях» приехал сын с другом и стал махать рукой с высокого берега. Саша привез продукты, а также куртку, теплые носки и вязаную шапочку. Первым делом Алексей вдоволь напился воды. Пока они разговаривали о домашних проблемах, стемнело, и друг стал сигналить. Сын пошел к машине, а Алексей вернулся на правый берег.

6

На следующий день Алексей отплыл в сторону села Покровское – родины Григория Распутина. Расстояние небольшое, можно доплыть за несколько часов. Утро предвещало яркий день. Жара становилась все сильнее, но только река пошла на север, налетел сильный ветер. Пришлось хорошо поработать, преодолевая встречные волны. Повернув на восток, Алексей почувствовал, как ветер стих, и перед ним на высоком берегу показалось вытянувшееся вдоль реки село. Черные избы близко подходили к берегу, а одна нежилая сильно нависла над обрывом, готовая опрокинуться. Сидевшие у воды рыбаки интересовались, откуда он плывет, заросшего, сгоревшего под солнцем, его за рыбака уже не принимали.

Алексей достал карту. Впереди на досягаемом расстоянии находилась деревня Карбаны. Она располагалась в нескольких километрах от реки, и можно было надеяться, что от деревни к берегу есть дорога, о чем свидетельствовали две параллельные полосы на карте, пересекавшие реку, и изображенный рядом якорь. Возможно, здесь будут стоять какие-нибудь катера или паром. У деревни Тура впадает в Тобол, и это не терпелось увидеть. После недолгих раздумий решил плыть. Вот только плыть придется до позднего вечера, а может, и ночью. Пошарил рукой в сумке, налобный фонарик на месте. План был сомнительным, как никогда, но терять время нельзя, и лодка двинулась в путь.

Вскоре высадился на твердый песочный пляж, пообедал и впервые искупался и помылся в реке, которая в городе казалась грязной, а здесь была чистой и свежей. До вечера работал без устали, несмотря на то, что мешали назойливые слепни, внезапно налетевшие из леса. Они долетали до середины реки, садились на ноги, так что приходилось отмахиваться, бросая весла. Постепенно жара спала, солнце стало садиться, а лодка все еще преодолевала один поворот за другим. Наконец Тура, разлившись широко, потекла, не сворачивая, прямо на север. Казалось, вот-вот придет момент встречи с Тоболом.

Наступил тихий вечер. Над низким левым берегом багровое солнце стояло над самыми кронами деревьев. С другой стороны шел бесконечный гигантский берег. Алексей бросил на него случайный взгляд и невольно вздрогнул: огромная черная тень скользила по глинистому обрыву, методично поднимая и опускающая весла.

Берег становился все круче и круче и, наконец, завершился могучей вершиной, господствующей над местностью, а за ней открылось большое водное пространство – это Тура впадала в Тобол. Их воды соединялись спокойно и величественно. Теперь река стала в два раза шире. Картина

эта перехватила дух у путешественника, и он плыл, как замороженный, не смея отвести глаз от внезапно открывшейся мощи и красоты природы.

Тем временем становилось темнее, солнце скрылось за горизонтом, последние его лучи погасли в ночном небе. Лишь тусклый свет луны освещал речной путь. Алексей по инерции, бесшумно опуская весла, плыл по блестящему серебром Тоболу среди темнеющих берегов, не представляя, где остановится на ночлег. И вдруг тишину взорвали громкие звуки музыки. Алексей обернулся и увидел справа, на высоком берегу, туристическую палатку, стоявшего рядом мужчину и бегающих ребятишек. Не успел он прийти в себя от удивления, как загрела музыка с левого берега, там тоже стояла палатка. Это был подарок судьбы.

На высоком берегу виднелся спуск к реке, однако Алексей не стал беспокоить отдыхающих и поплыл дальше, надеясь обнаружить дорогу и место переправы, но не нашел ни того, ни другого. Он попытался найти место для ночевки на низком левом берегу. Когда ступил на дно, провалился выше колен в жидкую грязь, из которой еле выбрался. Сел в лодку, вымыл за бортом ноги и стал грести в противоположную сторону. Долго плыл вдоль высокой кручи, наконец, нашел твердый пологий берег и втащил лодку. В двадцати метрах обнаружил потухший костер. Отсюда открывался прекрасный вид на реку, по которой в это время проходил буксир, сверкая многочисленными огнями. Алексей перенес вещи и лодку поближе к кострищу, рядом со спуском к воде. На небольшой полянке около высокой сосны с трудом поставил палатку и, устав от тяжелого дня, заснул мертвецким сном.

Ночью проснулся от сильного шума. Кто-то шел к палатке со стороны леса, так, что трещали и разлетались мелкой дробью сухие ветки, слышалось чье-то необыкновенно глубокое дыхание. Даже самый сильный человек так дышать не мог. «Медведь!» – Алексей молниеносно освободился от спального мешка, вынул нож из сумки, раскрыл, но затем отложил в сторону, сопротивление было бесполезно. Он сидел и ждал, что будет дальше. Зверь быстро приближался, он подошел вплотную к палатке, и над головой Алексея раздалось громкое «И-го-го». Это был конь и не один, а целый табун. «Сейчас растопчут палатку и не заметят», – подумал он. Но кони прошли мимо, спустились к реке. Было слышно, как они плещутся в воде, затем двинулись назад, и, пройдя рядом с палаткой, ушли в чащу. Алексей залез в спальный мешок и заснул. Перед рассветом табун снова пришел на водопой и так же быстро ушел.

7

Утренняя прохлада развеяла ночные кошмары. Путь лежал в село Ярково – районный центр, находящийся посередине между Тюменью и Тобольском. Алексей плыл по просторному Тоболу с залитыми солнцем зелеными берегами, тишину нарушала лишь поскрипывавшая правая уключина. Плыть стало легче, слепни не долетали до середины реки, буйки исчезли, повороты стали плавными и широкими.

В полдень увидел длинный песчаный берег, уходящий за поворот. Подплыв ближе, обнаружил, что пляж занят, несколько мужиков, стоявших возле моторной лодки, внимательно разглядывали его. Общение с ними было ни к чему, и Алексей поплыл дальше. В конце пляжа причалил, испугался и приготовил бутерброды. Под жарким солнцем у него основательно опух подбородок, нижняя губа покрылась ранками. Пока обедал, моторная лодка ушла вниз. Он остался один, снял весло, продул и протер уключину

и отплыл. Река, петляя, текла на север. Алексей ожидал увидеть деревню Маранку, но не нашел ее, после чего перестал следить за поворотами.

Ближе к вечеру заметил на берегу парня с девушкой на мотоцикле. Причалив, привязал лодку к упавшему дереву и взобрался на кручу. Увидев странного человека, они хотели уехать, но он их окликнул, подошел и, поздоровавшись, спросил, из какого они села.

– Ярково, – ответил парень, на всякий случай держа руку на сцеплении. Девушка тоже смотрела недоверчиво.

– Оно стоит на берегу?

– Да, немного проплывете и увидите паром. – Парень газанул, и мотоцикл исчез среди высокой травы.

Усталость как рукой сняло, Алексей с новыми силами взялся за весла и вскоре за поворотом увидел пляж и множество отдыхающих. Появление лодки вызвало оживление. Стоявшая по грудь в воде молодая парочка, видимо, муж с женой, вступила с ним в разговор. Жена повторяла одни и те же вопросы: «Вы турист?», «Вы из Тюмени?» Алексей не мог обманывать симпатичных женщин.

– И турист, и рыбак, плыву из деревни Карбаны.

Муж объяснил, что паром находится за ближайшим поворотом, и Алексей отправился дальше. Скоро показался паром, он представлял собой катер с прикрепленной к борту баржей. На нее въезжали легковые и грузовые автомобили, и катер доставлял их на другую сторону реки. Алексей втащил лодку на берег, подошел к паромщикам. Одного из них звали Сергеем, другого Николаем. Это были общительные парни лет сорока среднего роста и крепкого телосложения. На вопрос, какие села могут встретиться ему на пути в дальнейшем, они предложили переговорить с капитаном стоявшего рядом с паромом катера. Алексей поднялся по деревянному трапу на борт судна и познакомился с капитаном, высоким, худощавым, одетым в обычный гражданский костюм. Он рассказал, что некоторые деревни, обозначенные на карте, уже не существуют. У деревни Маранки путь спрямлен, и теперь она осталась в стороне от реки.

– Почему ваш катер называется «Московка», а не «Москва»? – спросил Алексей.

– Потому что имена катерам давали по названиям птиц.

Капитан сошел на берег, а Алексей отправился к парому. Попытался поставить палатку недалеко от берега, но паромщики предложили место в балке. От комфортных условий он отказаться не мог.

Поздним вечером работа на переправе закончилась, можно приступать к ужину. Хозяева угостили гостя горячим мясным супом. Алексей рассказал, что плывет в село Гилево, куда к нему на машине приедет сын, и поинтересовался: есть ли в лесу медведи?

– На той стороне есть, – ответил Сергей, – но их еще надо найти. В прошлом году егеря охотились, организовали подкормку, потом убитого медведя перевозили на пароме, вот Николай помнит.

Николай подтвердил.

Вечерняя беседа продолжалась, начались разговоры о женщинах.

– Как только соберутся мужики, – заметил Алексей, – так начинают говорить о женщинах.

– Не о работе же говорить, – резонно ответил Сергей, и Николай его поддержал.

Спать Алексей лег поздно, не раздеваясь, на жесткие нары, но они оказались ему самой мягкой кроватью на свете.

Паромщики встали рано, проснулся и Алексей, набрал в дорогу воды, попрощался и отплыл в направлении Гилево. На левом берегу по дороге из села к парому ехали машины, справа над прибрежными ивами поднимался густой дым, кто-то готовил завтрак.

Лодка шла по тихой воде, речная свежесть радовала, но оставалась усталость из-за короткой ночи. Стало припекать, Алексей отпустил весла, напился воды, развернул карту. Река шла на север, если ее распрямить, то расстояние до Гилево оказывалось очень большим. На середине пути реку пересекала автотрасса, значит, есть мост. Он положил карту в карманчик спортивной сумки. После небольшого отдыха грести стало тяжелее, но он нажал на весла. Через пару часов увидел стоявшие у берега катера. Подплыв ближе, пришел в изумление: «Это же копия паромной переправы в Ярково, и точно такой же балок на берегу». Алексей подплыл еще ближе и вдруг понял, что вернулся на старое место. Пораженный, он сошел на берег, подошел к парому, на котором работала другая смена, и спросил:

– Делает ли река крутой поворот, по которому можно вернуться назад?

– Нет, – ответили паромщики, – река течет прямо, в одном направлении.

Все стало ясно: когда он рассматривал карту, лодку развернуло течением, и, перепутав берега, он поплыл в обратную сторону. Алексей ходил по берегу и лихорадочно соображал, как быть: «Потеряно полдня, теперь до Гилево не доплыть. Надо остаться на переправе еще на сутки или вернуться домой. А может, плыть сейчас? Но где ночевать? Можно, конечно, у моста, там есть люди, хотя бы охрана». Он успокоился, сел в лодку, нехотя отчалил и поплыл вниз путем, который один раз уже проделал. Постепенно втянулся в работу, но теперь особенно пристально следил за чередующимися по высоте берегами.

После обеда долго плыл вдоль высокого, как стена, яра, тянувшегося с правой стороны, и заплыл в мрачное место. Здесь не видно было ни зверей, ни птиц, лишь густая тайга с одной стороны и темный обрыв с другой сужали реку. Гигантский мыс, выступавший в русло реки, угрюмо нависал над местностью, закрывая солнце, прижимное течение тянуло к нему лодку. Цвет реки стал черным, ее поверхность состояла из множества водоворотов, которые, казалось, затягивают на дно все, что по ней плывет. Алексей осторожно прошел беспокойный участок реки, держась пологого берега. Обогнул мыс и за поворотом попал под слепящие лучи солнца, ярко освещавшего широко раскинувшиеся зеленые луга. Если бы он знал, что место у мыса на навигационных картах обозначено как одно из самых опасных на реке, ему психологически было бы тяжелее преодолеть этот участок. Но он этого не знал, а преодолев его, только выдохнул: «Ну, Господи, и местечко!»

К вечеру, когда стало темнеть, он услышал шум машин. Затем звуки стихли, река, сделав петлю, ушла далеко от дороги. Алексей не смотрел на карту и удивился, куда исчезли машины, ведь уже должен был показаться мост. Он плавно опускал весла в воду, но гула машин уловить не мог. Река стала широкой, как будто разлилась в половодье, по низким топким берегам росли невысокие кустарники. «Как можно в таком месте построить мост? – думал он. – Или его здесь совсем нет?».

На правом берегу увидел парня с девушкой и крикнул:

– Ребята, далеко до моста?

Сделав паузу, парень ответил:

– Вам плыть минут 15-20.

– Спасибо, – воспрянул путешественник.

Минут через двадцать река повернула, и показался мост; высокий и узкий, средний пролет его пересекал почти всю не широкую в этом месте реку. По нему, светя фарами, шли машины. Правый берег у моста был низким и топким. С левой стороны высилась крутая насыпь, укрепленная плитами и камнями, набросанными, как попало, и казалась непреступной крепостью. На камнях стояли два молодых парня, собиравшихся купаться. Из разговора с ними Алексей узнал, что они работают в мостоотряде, ремонтируют мост, живут в балке, но он сегодня занят, на единственной свободной кровати будет ночевать водитель-дальнобойщик. Есть еще балок, там живет охрана, а вверх по течению на левом берегу должно находиться селение, во всяком случае, один из парней видел какие-то строения, там можно устроиться на ночлег.

Алексей развернул лодку и поплыл назад. Попытка высадиться на грязном берегу, заваленном деревьями, не удалась. Пришлось плыть до поворота, где правый берег был пологим и твердым. Здесь сразу за прибрежным кустарником проходила дорога, проторенная мостостроителями. На площадке между редкими кустами Алексей поставил палатку, позвонил сыну и попросил привезти продукты в Гилево. Сын сказал, что он не сможет приехать, продукты привезет зять Захар.

9

Утром, проплыв под мостом, Алексей увидел вчерашних знакомых, стоявших на среднем пролете, они махали ему руками. Он тоже помахал им на прощание. Шел восьмой день плавания. До Гилево расстояние небольшое, и он не сомневался, что скоро доплывет.

Во время обеда принимал пищу с трудом, есть потрескавшимися губами было больно. После обеда встречный ветер поднял высокие волны, позволявшие продвигаться только с большими усилиями. Ни на середине, ни у берега не было спасения от разбушевавшейся стихии. Он боролся, как мог, но сил становилось все меньше, на одном из перекатов слез с лодки и потащил ее на бечевке вдоль берега по колено в воде, пока не дошел до поворота, после которого ветер стих, и река успокоилась. Однако через некоторое время ситуация повторилась, ветер налетел с еще большей силой, поднимая огромные волны. Алексей снова взялся за бечевку, продолжая медленно продвигаться. Нагруженная вещами лодка оказывала сопротивление, уходя носом в сторону, время от времени садясь на мель. Он шел по неровному дну, запинаясь и проваливаясь в глубокие песчаные складки, и, наконец, упал, нырнув с головой. Вынырнул взбодренный, сел в лодку, прошел поворот и снова поплыл в привычном темпе.

Слева показались деревенские избы. Алексей подплыл к берегу, чтобы узнать, что за деревня. Рыбачивший недалеко невысокий худощавый старик оставил удочку и быстро подошел к лодке. Он рассказал, что это Березов Яр, что приехал сюда на поминки по родственнику, а пока стол накрывают, побежал порыбачить, и стал спрашивать об улове, но узнав, что Алексей не рыбак, потерял интерес и ушел. Еще через пару часов Алексей подплывал к Гилево. Село, как и Березов Яр, располагалось на высоком берегу и было видно издали. Оно растянулось на большое расстояние, а в самом конце виднелась старая

церковь. На пляже загорали и купались дети. Алексей расспросил их о селе, оставил лодку и сходил в продуктовый магазин. Купил воды и пару бананов, которые тут же съел. Вернувшись, поставил палатку на высоком открытом месте, с которого хорошо просматривалась река, изогнувшаяся гигантской подковой.

Солнце постепенно садилось, пляж опустел. Алексей бродил по берегу, ожидая гостей. Наконец позвонил Захар и сказал, что едет на джипе с другом Денисом, через час они подъехали к пляжу. Увидев Алексея, друзья поразились: он оброс, лицо и шея обгорели, подбородок и нижняя губа опухли, с худых плеч свисала грязная, мятая одежда. Удивила их и его небольшая лодка, лежавшая недалеко от палатки. Они стали просить его поехать домой.

– Нет! – ответил Алексей. – Осталось меньше половины пути.

– Плыть без спасательного жилета, там, где нет деревень, – это безумие, – говорил Денис.

– Я знаю эти места, здесь промышляют одни браконьеры, хватит испытывать судьбу, – поддержал его Захар.

– Выгружайте продукты, уже темнеет, – стоял на своем Алексей.

– Давай свяжем его, – сказал Денис.

– Нет! – отвернулся Захар и пошел к машине.

«Ну, что я сопротивляюсь, – думал Алексей, – они переживают за меня, отправились в такую даль, потратили столько времени. Нехорошо. План свой я перевыполнил, на следующее лето пройду оставшийся путь, а теперь можно и вернуться. Через несколько часов буду дома пить горячий чай и спать в чистой постели».

– Ладно, поехали.

– Грузимся, пока не передумал, – закричал Денис.

Работа закипела, разобрали палатку, сдули лодку, забросили вещи в багажник, и машина, управляемая опытным водителем, уверенно пошла по грунтовой дороге. При помощи навигатора нашли кратчайший путь, но Алексею казалось, что время идет медленно, хотелось поскорее вернуться домой. В одном месте дорога проходила по высокому берегу Туры. Перед ним неожиданно открылась великолепная панорама реки. «Еще недавно я здесь проплывал», – только и успел подумать он.

10

Два дня Алексей находился в прекрасном настроении, тревоги исчезли, усталость прошла, организм быстро восстанавливался. Родные и друзья обсуждали его путешествие. Брат назвал его авантюристом, жена заявила, что гордится им. Мать сообщила сестре, что его «чуть не съела лошадь». Сват проронил: «Я бы тоже поплыл...» На третий день Алексея стал мучить вопрос, почему он не доплыл до Тобольска? Оставалось меньше половины пути. Почему согласился на уговоры вернуться? Жена, видя его настроение, спросила:

– У тебя осталось чувство неудовлетворенности?

– Да.

Стало ясно, если не продолжить плавание сейчас, то его не будет уже никогда, и он стал собирать вещи. К вечеру сумки были упакованы. На следующий день пошел в охотничий магазин, купил спасательный жилет, плащ, несколько больших черных пакетов, чтобы укрывать вещи от дождя, и стал просить сына отвезти его в Гилево. Сын согласился, но был

сильно занят, и поездка каждый день откладывалась. В начале августа температура стала снижаться, и Алексей прибавил к вещам старый легкий полушубок.

Прошло десять дней, как он был дома, привык к комфорту, и иногда его одолевали сомнения. Теперь был опыт, но надо все начинать заново, плыть в незнакомые, более отдаленные места. Тобол – широкая и глубокая река, а впереди Иртыш. Первый раз плавание закончилось удачно, но где гарантия, что и во второй раз будет так же? Алексей отбрасывал подобные мысли. Если сын не отвезет его в ближайшие дни, надо брать такси. Он тщательно изучил карту. При благоприятных условиях до Тобольска можно доплыть за четыре дня.

11

Седьмого августа до восхода солнца Алексей с сыном выехали в Гилево. В ранний час машин на дороге мало, Алексею хотелось спать, и он подремывал на переднем сиденье. Когда приехали на знакомый берег, у него мелькнула мысль: еще есть возможность вернуться. Но сын торопился, вещи выгрузили, и машина ушла. Оставшись один, Алексей накачал лодку, погрузил сумки и оттолкнулся от берега, а выплыв на середину реки, почувствовал себя в родной стихии. Река текла на север, удаляясь от автотрассы, их разделяли непроходимые леса и болота. Впереди нет ни сел, ни деревень, вплоть до впадения в Тобол реки Тавды. После их слияния первый населенный пункт – село Бочалино. К ночи Алексей планировал доплыть хотя бы до слияния рек.

«Фрегат» шел, уверенно преодолевая один километр за другим. Алексей проплывал мимо мелей, островов, небольших речек, впадавших в Тобол, не обращая на них внимания. Жары не было, теплое солнце то и дело пряталось за облаками. Вскоре на правом берегу увидел железную лодку, лестницу, ведущую на высокий обрыв, и несколько деревянных строений. Значит, здешние места не безлюдные. Это обрадовало, но ненадолго, больше населенные пункты не встречались. Чайки не летали над рекой. Впервые он увидел, как рыбы выпрыгивали из воды и, блеснув серебряной чешуей, вновь исчезали в глубине.

После обеда попытался плыть в спасательном жилете, но он стеснял движения рук – пришлось снять. Повороты не считал. Казалось странным, что раньше он преодолевал сильный ветер и волны при помощи бечевки, теперь же делал это быстро и легко.

Еще засветло, пройдя очередной поворот, увидел перед собой большую массу воды спереди и справа. «Это же слияния рек», – от неожиданности он опустил весла. На мгновение растерялся – куда плыть, на север или на восток? Но вспомнил, что на карте реки идут навстречу друг другу, сталкиваются лоб в лоб и единым потоком поворачивают на восток. Сливаясь, вода не волновалась, а спокойно продолжала плавное течение среди низких берегов. Повернув, Алексей увидел справа, среди высоких сосен, множество палаток и стоявших рыбаков в камуфляжных костюмах. Подплыв к ним, спросил:

- Мужики, далеко ли Бочалино?
- За поворотом, – ответили они.

На душе окончательно отлегло – доплыл. Лодка шла по течению прямо на чью-то леску, проплыл под ней и направился к середине Тобола, который стал еще шире. Плыл вдохновенно, как будто выросли крылья. Впереди

вечер, и можно, минуя Бочалино, доплыть до деревни Липовки, от нее легче преодолеть следующий этап.

Однако погода портилась, небо окончательно затянуло облаками, пошел мелкий дождь. Алексей завернул сумку с теплыми вещами в полиэтиленовый пакет, надел плащ и продолжал грести. Справа показалось село, но не успел Алексей доплыть, как дождь усилился, и вдруг ударил ливень. Из всех сил он стал грести в сторону покатога берега, где лежали две железные лодки. По колено в грязи, перетащил сумки в ближайшую моторку, спрятал в носовой части под навес, сел и поднял над собой надувную лодку.

Дождь, не прекращаясь ни на минуту, лил, как из ведра. Алексей устал держать лодку, подставил под кормовую часть весло и придерживал его руками, а носовую часть – головой. В такой неудобной позе просидел два часа, промок и продрог так, что стал бояться простуды. Постепенно дождь ослаб и прекратился, хотя по грязному склону еще стекали бурные ручьи. Дрожа от холода, спустил лодку на воду и отплыл, усиленно работая веслами, чтобы согреться.

Бочалино располагалось на крутом берегу. Проплыв мимо него, Алексей стал искать место, где можно причалить, но огромный берег, казалось, был бесконечным, а противоположный – топким, как болото. Он внимательно разглядывал оба берега, но напрасно. Лишь через несколько километров правый берег стал постепенно понижаться. Уже наступила ночь, когда он увидел при свете луны брошенные в грязь срубленные березки. По скользким стволам поднялся на твердый берег. За кустарником обнаружил сколоченную скамейку, заваленную рыбьей чешуей, а рядом множество банок и бутылок, вокруг которых летали комары и тучи противных белых мошек. Но это не важно, главное – найдено место, где часто бывали люди, звери сюда вряд ли сунутся. Перенес лодку и сумки на лужайку около скамьи, поставил палатку выходом к реке и закрылся. Переоделся во все сухое, надел полушубок, согрелся и, уже засыпая, услышал отдаленный лай собаки. Значит, Липовка недалеко.

12

После ночи, проведенной в тепле, Алексей встал бодрим и здоровым, никаких признаков простуды не было. Мокрые вещи и палатку повесил сушить на деревья. Потом набросал на топкий берег еще несколько березовых веток, перетащил к реке собранные сумки и лодку и отплыл в сторону деревни Хмелевой. Вскоре проплыл мимо Липовки, так и не разглядев ее за высокими деревьями.

С утра погода наладилась, небо было чистым и солнечным, но затем одна за другой поплыли темные тучи. Алексей с опаской поглядывал в небо, уж очень не хотелось попасть под дождь, не доплыв до деревни. На одном из участков река близко подошла к железной дороге, и Алексей, опустив весла, попытался уловить знакомые, доносившиеся из-за леса приглушенные звуки проходившего состава. Может быть, это был пассажирский поезд. С каким удовольствием он постоял бы сейчас у железнодорожной насыпи, помахал незнакомым людям!

Река перестала петлять, стала необыкновенно широкой и прямой. Несколько часов Алексей преодолевал огромное водное пространство, сливавшееся на горизонте с необъятным небом. Выбраться отсюда можно только по реке, на много километров вокруг нет никаких селений и дорог. Погода улучшалась, солнце светило приветливо, вода плавно вздымалась и расхо-

дилась за кормой небольшими волнами. Над рекой и невысокими берегами, заросшими ивами, слышался лишь мерный плеск весел. Долгая пустынная дорога настроила путешественника на лирический лад, и он запел:

*Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
В той степи глухой
Замерзал ямщик.*

Путь большой, времени много, и он пел русские народные песни одну за другой, все, что помнил.

На одном из поворотов услышал нараставший гул, затем увидел густой дым, черную трубу и, наконец, из-за поворота показался катер. Он шел медленно и сильно дымил. После того как он прошел, едкий дым, заполонивший все русло реки, еще долго держался над водой. Алексей чертыхался и пытался не дышать, но это не помогало, и он стал энергичнее нажимать на весла.

После полудня лодка продолжала быстро продвигаться к намеченной цели. Еще не наступил вечер, а Алексей уже подплывал к Хмелевой. Большая деревня стояла на левом берегу, достаточно высоком, чтобы не подвергаться наводнениям. Был здесь и свой паром: небольшой катерок с баржей. Миновав его, Алексей причалил к берегу, где местный житель что-то сколачивал из деревянных шестов, положенных на землю, от него узнал, что это деревня Тахтаир.

– А где Хмелева?

– Здесь же, – ответил он, а затем рассказал, что места тут хорошие, жить можно. – На пароме перебираемся на тот берег, а там дорога на Тобольск.

– Что за строение на том берегу?

– Автобусная остановка. Автобус приходит два раза в неделю, – добавил он.

– Есть ли здесь медведи?

– Есть, с этой стороны подходят к деревне.

– Не бойтесь?

– Чего бояться, на людей они обычно не нападают, а вот скотину задирают.

Алексей переплыл на другую сторону реки, и на песчаном берегу между кустарниками поставил палатку. Дорога проходила рядом, машины могли подъезжать к берегу, поэтому положил перед палаткой валявшийся неподалеку остов дерева и лег спать. В деревне лаяли собаки, парни ездили на мотоциклах. Время от времени к реке подъезжала легковая машина, и паром перевозил ее. Между тем стемнело, паром прекратил работу, все звуки смолкли. И тогда Алексей ощутил чувство одиночества. Люди были как будто рядом и в то же время далеко, за широкой рекой.

Ночью громко закричала птица и, пролетая над самой палаткой, хлопала крыльями. Алексей проснулся, и в сердце неприятно закололо. Он постарался успокоиться и отбросить тревожные мысли. Начался дождь, капли все чаще стучали по палатке, стекая с нее кривыми ручейками, но в укрытии они были не страшны.

13

Когда утром Алексей выбрался из палатки, перед ним открылась освещенная солнцем великолепная панорама широкой реки и пробуждающейся деревни. Он стянул мокрую палатку, собрал вещи и отплыл в сторону

деревни Худяковой, располагавшейся в большой излучине Тобола, где река окончательно поворачивала на север и близко подходила к автодороге. Расстояние до Худяковой можно преодолеть за полдня, а к вечеру доплыть до деревни Блинниковой, после которой оставался последний этап – до Тобольска.

Река текла среди пустынных мест. Алексей размеренно плыл посередине, впереди его ждал плавный поворот. Слева в низине стоял угрюмый таежный лес, справа – заваленный упавшими деревьями обрывистый берег. Он уже начал поворачивать, подгребая веслом, как вдруг слева в лесной чаще раздался громкий звук выстрела из ружья. Стреляли совсем близко. Мгновенно взметнулись и загалдели птицы, а затем наступила тишина. Кто и куда стрелял, было непонятно, второго выстрела не последовало, но Алексею стало не по себе. Он направил лодку в сторону от пологого берега и налег на весла, чтобы поскорее преодолеть опасный поворот.

Русло Тобола сделало зигзаг в сторону деревни Новая Бишура. С обеих сторон тянулись нескончаемые низкие кустарники. Однако среди однообразных берегов встречались уголки необыкновенной красоты. Возле деревни путешественник увидел узкий речной залив, уходивший на юг. Он занимал долину, окруженную высокими раскидистыми деревьями. У залива неподвижно сидели рыбаки, сосредоточенно следившие за поплавками. Тихий живописный уголок, утопавший в зелени, напомнил Алексею картины Айвазовского. Через некоторое время он увидел еще один необычный берег. Земля на нем поднималась волнами. На одной из них березы росли странным образом: на вершине холма вверх, а по склонам – в разные стороны. Так образовался необыкновенный гигантский веер.

Вдали показалась деревня Худякова. Она располагалась в самом центре излучины, на огромном закругленном берегу. Алексей попытался причалить к нему, но он оказался топким и неудобным, тогда Алексей доплыл до противоположного берега, но и тот был не лучше. Поняв, что теряет время, он с сожалением проплыл мимо деревни, нашел хороший пляж вдали от нее и остановился на обед. Прогулявшись по берегу, глянул на карту и еще раз убедился, что к полудню преодолел большую часть пути. Впереди была деревня Качипова, через которую проходила автодорога, а затем – Блинникова.

Проплыв значительное расстояние, Алексей стал прислушиваться, в надежде обнаружить автодорогу, но никаких, даже отдаленных, звуков не было. Попытка найти деревню Качипову не удалась, она находилась далеко от реки. «Главное теперь не проплыть мимо Блинниковой», – беспокоился Алексей. Погода стояла тихая, безветренная, лодка шла полным ходом. Очередной поворот, и через некоторое время на высоком правом берегу он увидел деревянную лестницу, а над ней большой, сколоченный из досок щит с надписью «Картофель». Причалил к берегу, поднялся по ступенькам и оказался во дворе деревенского дома. Вышедшую хозяйку спросил:

– Картофель продаете?

– Поговорите с хозяином, – ответила она.

Вышедший вслед за ней хозяин лет шестидесяти оказался человеком обстоятельным и общительным. Его звали Борисом. Он расспросил Алексея, кто он и откуда. Сказал, что это деревня Блинникова. Здесь он живет с женой и сыном, занимается рыбной ловлей, коптит рыбу, кроме того, продает картофель и грибы.

Алексей и Борис стояли на высоком берегу, а перед ними за рекой растилась бескрайняя тайга.

– Места здесь привольные, – говорил Борис, – деревень мало, все, кто плавает по реке, мне знакомы.

– А что там? – спросил Алексей, кивнув в сторону тайги.

– Там есть все, и грибы и ягоды, можно встретить и медведя, но кабан страшнее. В старые времена в этих местах обитали мамонты, бывает, как обвалится берег, обнажаются огромные кости, где-то в сарае лежит зуб мамонта, сын принес.

Вскоре с рыбалки на моторной лодке приплыли сын Бориса Иван с другом Виктором, они поймали нескольких язей и лещей. Иван помог поднять вещи и надувную лодку по лестнице на крутой берег, где Алексей поставил палатку. На ужин он доел последнюю рыбную консерву, а банку отдал хозяйской собаке Любке, которая с удовольствием ее облизала.

14

Проснулся Алексей с первыми лучами солнца, ему предстояло преодолеть последний этап. Если не удастся засветло доплыть до Тобольска, придется заночевать около деревни Медянки-Татарские в устье Тобола. Он собрал палатку, спустил лодку к реке и стал завтракать. Оставшееся сало никак не прожевывалось, он разрезал его на мелкие дольки и съел. Подошел хозяин с двумя копчеными язями и тарелкой вареной картошки, Алексей отказывался брать, но Борис всучил ему продукты, сказав, что в дороге пригодятся.

Попрощавшись с гостеприимным хозяином, Алексей привычно оттолкнул лодку от берега. Вскоре Блинникова исчезла за поворотом. И тут он почувствовал какой-то дискомфорт, стало тяжело взмахивать веслами, движения рук замедлились, в глазах потемнело, река, лес стали терять четкие очертания, сердце забилось неровно, с перерывами. Алексей попытался нажать на весла, не получилось, стало только хуже. Лег на спину, положив голову на нос лодки, вытянул ноги и так лежал некоторое время. Он мог потерять сознание и упасть в воду. Осторожно привстал, отыскал в рюкзаке спасательный жилет и кое-как надел.

В небе светило ясное солнце, нигде, даже на горизонте, не было ни облачка. Рядом ни души, лишь по сторонам чернели молчаливые берега, заросшие кустарником. Лодку, потерявшую управление, развернуло и медленно сносило вниз. Алексей лежал, не шевелясь, ему было обидно, что до Тобольска он так и не доплыл.

Сколько времени прошло, трудно сказать, но сердце понемногу стало отпускать. Алексей привстал, сел на скамейку, снял жилет и потихоньку начал грести, в полную силу не получалось, как ни старался. На первом повороте причалил к берегу, прилег на плотный песок, затем прогулялся по пляжу до леса и снова лег. Через полчаса почувствовал улучшение, туман в глазах прошел, мышцы наполнялись силой. Встал, столкнул лодку и поплыл. Работал веслами не спеша, боясь неосторожным движением навредить восстановлению сил. Постепенно становилось легче дышать, сердце работало ровно, руки окрепли, весла ритмично опускались в воду, лодка стремительно пошла вперед.

Преодолев большой изгиб реки, и лишь затем, проголодавшись, Алексей остановился на обед. С жадностью поглощал копченую рыбу с картофелем и добрым словом вспоминал Бориса. Запив водой, сел за весла и с удвоенной энергией продолжал грести. После одного из поворотов река как будто поднялась над местностью, и перед ним до самого горизонта открылось

бескрайнее море зеленых лесов, а в середине стояло высокое, как свеча, белое здание с нечеткими очертаниями. «Что это? – удивился Алексей. – Жилое здание? Элеватор? Неужели кремль? Да нет, не может быть, еще рано, да и рядом ничего нет – ни собора, ни башен, ни крепостной стены». Река сделала поворот, затем другой, неторопливо текла она среди высоких хвойных лесов. Мираж исчез, как ни поворачивался, ни всматривался Алексей вдаль, чтобы увидеть его еще раз.

Река становилась полноводнее и шире. Стали встречаться катера и баржи, стоявшие на приколе. Вверх проплыл пустой речной трамвайчик. На высоком правом берегу показалась цепочка деревянных домов, это были Медянки-Татарские. Чтобы не мешать движению судов, Алексей направил лодку ближе к крутому берегу, который постепенно пошел на убыль, а затем показался пляж, где взрослые и дети грелись под теплым солнцем.

Берег завершился узким мысом, и Алексей увидел встречу великих рек. Здесь же с ними сливалась еще какая-то большая река, не обозначенная на карте. Он не сразу догадался, что Иртыш разделен большим островом на два рукава, которые, обогнув его, сливаются друг с другом и одновременно с Тоболом. Лодка шла в самый центр слияния трех мощных потоков воды, мимо огромного красного буйка. Сильный ветер поднимал волны, подбрасывавшие лодку, как щепку. Опасаясь встречи с другими судами, Алексей, приложив максимум усилий, преодолел трудный участок и поплыл на север по Иртышу, придерживаясь правого берега. Течение здесь было медленнее, встречный ветер сильный, но плыть посередине разбушевавшейся реки было еще сложнее.

На Иртыше у причалов стояло множество барж, счавившихся бортами, ряд судов стоял на приколе в узком, длинном затоне, внезапно открывшемся с правой стороны. Затем Алексею встретились гигантские плавучие краны, и сновавшие между ними небольшие катера. Чтобы обогнуть их, пришлось выплыть на середину реки. Он проплыл рядом с большой баржей так ловко, что работавшие на ней грузчики на секунду оторвались от дел и недоуменными взглядами проводили маленькую лодочку, скользившую по высоким волнам. Какой-то спортсмен с молодой женщиной на скутере, поднимая миллионы брызг, промчался мимо, приветственно махнув рукой. Алексей, не рискнув бросить весло, кивнул головой в ответ. Русло реки плавно повернуло на северо-восток, ветер дул теперь сбоку, плыть стало легче.

Длительное время Алексей плыл по Иртышу, а города все не было, лишь густой лес и топкие берега тянулись с обеих сторон. «Туда ли я плыву? Не остался ли город в стороне?» – терзаемый сомнениями, он подплыл к одиноко сидевшему на берегу рыбаку:

– Добрый день! Не подскажете, где паромная переправа?

– Плывете правильно, – ответил рыбак, – увидите корабли, там и переправа.

Окрыленный путешественник налег на весла и вскоре за плавным поворотом увидел множество барж и кораблей, стоявших у причалов, самый крупный из них был похож на океанский лайнер. Обогнув его, увидел необычное, как ему показалось, праздничное оживление на воде и на берегу. По реке сновали катера и лодки, по берегу ходили люди, подъезжали легковые и грузовые автомобили и автобусы. Впереди, с правой стороны, возвышался гигантский берег, на котором стоял белокаменный кремль, а в центре его красовалась высокая белая колокольня, которую несколько

часов назад он принял за мираж. Просторной лентой река уходила далеко на север, полноводная, широко раздвинувшая могучие светлые берега, в лучах яркого солнца она приобрела голубоватый оттенок и походила на широкое море.

Алексей проплыл мимо одной из переправ и подплыл к другой. К берегу в это время подошел паром, навстречу двинулись машины, а за ними люди, равнодушно проходившие мимо причалившей лодки. Никто Алексея не встречал и не поздравлял с окончанием плавания. Но душа его была наполнена радостью. Он выгрузил сумки на разбросанную по берегу щебенку, помыл лодку, перенес их поочередно к стоявшей невдалеке автобусной остановке. Лодка на ветру быстро высохла, была сдута и упакована. На такси Алексей добрался до городского автовокзала и успел купить билет на последний рейс. Поздним вечером он уже был в Тюмени, где его встретил сын.

Так благополучно завершилось плавание Алексея Перевалова по сибирским рекам. На следующий день после возвращения Алексей разбирал, стирал и складывал походные вещи. Как хорошо, что ни одна из них за все время плавания не подвела его. Он не сделал никаких географических открытий, но чувствовал себя первооткрывателем. Несколько дней Алексей находился в приподнятом состоянии. Он был счастлив, что исполнил свою мечту, и теперь смотрел на мир другими глазами. Что он хотел понять и почувствовать, отправляясь в рискованное плавание? Что хотел изменить в своей жизни? Время шло, а он не спешил отвечать на эти вопросы.

Мы, друзья Алексея, не жалеем, что не приняли участие в этом плавании, ведь иначе этот рассказ был бы другим.

Любовь АНОХИНА

* * *

Белокурые барашки	Из сухих душистых трав.
В летнем небе вдалеке.	Наше лето разогрето
День в лазоревой рубашке,	От вселенского костра.
Вечер в розовом платке.	Для весёлого портрета
Поле в ситцевом кафтане	Мне позирует с утра.
Загорает у реки.	Я тебя рисую, лето,
Луг в цветочном сарафане	Чтобы в зябком феврале
Моем в росах башмаки.	Не забыть, какого цвета
На июль – макушку лета	Земляника на столе.
(Озорной у лета нрав!) –	
Набекрень копна надета	

25.07.2011 г.

Апрель

Чистят птахи свой скворечник,
Речка тронется вот-вот.
Взгляд твой нежный, как подснежник.
Так! А не наоборот!

Смело шествует по пашне
Важный грач-чернобород.
В сердце тает снег вчерашний.
Так! А не наоборот!

Ветер тёплый, лёгкий, влажный.
Водят чувства хоровод.
Для меня ты самый важный!
Так! А не наоборот!

Вдоль оврага между сосен
Верба-скромница цветёт.
Мне опять семнадцать вёсен.
Так! А не наоборот!

15.04.2011 г.

* * *

Осень белые подушки	Скирды всюду по полям.
Вытрясает в октябре.	Редкий путник грустно машет
Ледяные завитушки	На прощанье журавлям.
Стёклам дарит на заре.	Воздух стылый и прозрачный,
Уж в преддверии мороза	Лес дождался тишины.
Лодки ставятся на мель.	Наш сезон закрылся дачный –
Будут голыми берёзы	Уезжаем до весны...
С октября и по апрель.	
Ворон кормится на пашне,	

20.10.2010 г.

Предчувствие осени

Уже не лето, но ещё не осень.
Но месяцев промчалось ровно восемь.
И яблоки стучат на даче оземь.
И небо в тучах, реденькая просинь.

И лес листом запахнет скоро прелым,
Маляр-сентябрь своим привычным делом
Займётся вновь в проекте скороспелом
Туашью, тушью, акварелью, мелом...

Чтоб смыть дождём свои наброски смело,
Всё, что краснело, золотилось, пело,
Всё, что за лето в сердце накопело,
И первым снегом разродиться белым.

14.09.2010 г.

Деревенский погост

Деревенский погост. Серой осени небо.
Низкий в инее холмик – последний приют.
То, что было вчера – словно грустная небыль.
Унесённые ветром отсыплются тут.

Оттрубили войну, отмечтали, отпели,
Наработались всласть, налюбились взахлёб,
Отбаюкали чад в расписной колыбели.
Заслужили одно – свежеструганный гроб.

Одинаковы все на суде перед Богом:
И герой, и кому не подал бы руки.
Богачу и бомжу выйдет грешное боком.
Здесь различье одно – в сантиметрах доски.

Синий выцветший крест – нашей совести муки.
Без ограды стоит. Незавидный покой.
Тёплый хлеб, свежий мёд, помню бабкины руки...
«Милый внучек ты мой, до чего ж ты баской...».

Нескончаемость дел, подгоняемых сроком.
Что до вечности нам! До вселенской тоски!
Одинаковы все на суде перед Богом:
И герой, и кому не подал бы руки...

03.11.2010 г.

На родину!

На родину! На родину! Бежит дорога белая.
Кусты в хрустальном инее, берёзы в серебре,
Головки камышовые, совсем заиндевелые,
Украшенные стразами на утренней заре.

Чулым во льды закованный, как узник нрава буйного,
Несёт потоки тёмные, сплошное волшебство,
Из черного и белого Июса тихоструйного.
Но я-то знаю, он течет из сердца моего.

На родину! На родину! Где юность в платьях ситцевых,
Отрочество беспечное и первая любовь.
Пора велосипедная! В простых колёсах спицевых
Всё счастье! Уж поверь ты мне! И здесь не прекословь.

На родину! Где матушка, где братья и племянники,
Где только холмик низенький остался от отца,
Варенье земляничное и маковые пряники,
И детство деревенское со вкусом леденца.

На родину! На родину...

21.11.2011 г.

Завтра начнётся весна

Календарь сообщил мне, что завтра начнётся весна.
Неужели опять половодье? Капель неужели?
Как соскучились мы по трезвону весенней капли,
Мы спешим наши чувства скорей накалить докрасна.

Мы торопимся все разбудить в нашем сердце апрель.
Только год карусельной лошадкой промчится по кругу.
Мы, как Солнце с Землёю, то ближе, то дальше друг к другу.
Но весна – по закону природы – любви колыбель.

Что же делать тому, у кого пятьдесят позади?
Неужели поступят советы, как прежде, влюбляться?
Но в одном я не стану и впредь никогда сомневаться –
Снова семечко в тёплую землю весной посадить.

Но берёзы отплачут, и снова сады отцветут.
И приблизится август, как прежде дождём угрожая.
Только нет сентября без награды и без урожая,
Как без звёзд октября, что в ночной океан упадут.

Кто ещё сомневается? Завтра начнётся весна...

29.02.2011 г.

Еду к маме

Кровь в висках, как на тамтаме
Африканец дробит бьёт.
С болью в сердце еду к маме.
И когда та боль пройдёт?
Плачем, любим, сберегаем,
Ощущаем твердь пока.
А потом, как воды в мае,
Улетаем в облака.
В облака белёсой лепки
Превратятся быт, уют.
Как в распутицу. И щепки
По просторам поплывут.
И взамен земной опоры,

Где есть крыша и порог,
Лишь текущие просторы
Без тропинок и дорог.
Поезд. Ночь летит вдогонку.
Перестук стальных колёс.
Сердце раненым ребёнком
Покатилось под откос.
Больно стукнулось о камень...
Слёзы. Горькая вода.
Еду к маме, к милой маме.
Прощаться навсегда.

22.12.2012 г.

* * *

Вчера так шумно буйствовала осень,
Ночной концерт играя в проводах,
Протяжным воем навевая страх
На всё живое. Ведь порой несносен
Осенний нрав. А нынче в небесах,
Как белой ватой выстлано. И ветер
Утих. Вокруг такая тишина!
Как будто в сон земля погружена.
И этот сон спокоен, тих и светел
Под белой пеной. Снежная волна
Накрыла город. В пышном оперенье
Стоят деревья, строгости полны,
Как часовые этой тишины.
Или как слуги, полные смиренья.
Боюсь коснуться тоненькой струны,
Чтоб не разрушить хрупкого мгновенья
Ухода осени...

22.01.2012 г.

* * *

Можно грешить и бояться расплаты,
Смерти, потопа, кометы, войны.
Не от зарплаты живу до зарплаты,
А от весны и до новой весны.

Ждать перемен и сморозом не спорить.
Знать, что февральские дни
сочтены.

Я не от моря живу и до моря,
А от весны и до новой весны.

Выпить вина безо всякой причины,
Нежно коснуться гитарной струны.

Не от мужчины живу до мужчины,
А от весны и до новой весны.

Можно, боясь, набирать обороты,
Громко ругаться, прося тишины.
Не от субботы живу до субботы,
А от весны и до новой весны.

Можно судить все грехи человечьи
В духе вселенской своей кривизны.
Я не от встречи живу и до встречи,
А от весны и до новой весны.

18.02.2012 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Сергей КАМЫШНИКОВ

Пташка

*«...Зря я однажды проснулась
Птицей без оперенья».*

Юля Снеганова

Я проснулась птицей
Неприлично голой.
Кажется синицей.
Думала – бесполой.

Удивились птицы:
Что это такое?
Всё самцы-синицы...
Нет от них покоя.

За меня до драки
Бьются, мама мия!

Воробьи-собаки!
Наглые такие.

Снегири, жуланы...
Без прелюдий, сразу...
Эти хулиганы
Те ещё заразы.

Я поправлюсь бражкой.
Поклюю варенья.
Ах, негоже пташкам
Жить без оперенья.

Приметы

«День трудным был, зеваю, значит, сонная».

Ирина Блажевич

Когда смеюсь, то, значит, я весёлая.
Когда зеваю, значит, спать хочу.
Но иногда я пьяная и квёлая
Балдею неприлично и торчу.

А иногда накатит грусть сезонная,
В какой-нибудь ну очень трудный день.
И я такая вся капризно-сонная,
Что даже над строкой работать лень.

Преобразился

*«Ты вновь души своей банкротство
Запрятал в маски бересту».*

Оля Спасская

Ну, что это за скотство,
Хоть свет в глазах туши!
Я не люблю банкротство.
Прощай мой друг, пиши...

Хотя постой-ка. Нужен.
Коль стал ты берестой,

Ты пригодишься в стужу.
Не убегай, постой.

Ты стал берёзой, чуркой.
Я бересту люблю.
Сложу тебя в печурку
И жарко истоплю.

Коротенькие пародии без названия

*«Какая, однако, скука
Тебя добивать словами».*

Юля Снеганова

Мне скучно бить тебя словами.
Ведь я же весело люблю...
В порыве страсти я ногами
Тебя, желанного, добыю.

«В поцелуи завернул, как в шаль»

Оля Спасская

Он меня согрел губами,
Завернув, как в шаль.
Всю, с руками и с ногами.
Съест, ему не жаль.

Вдохновение

«Искала. Звала. Ошибалась.

Ревела. Смеялась. Ждала.

Спала. Просыпалась.

Влюблялась...

Раскаюсь ... Сначала начну...»

Светлана Шинкина

Любила глагольную волю.
Искала. Ревела. Ждала.
В ромашковом сказочном поле
Смеялась. Влюбилась. Дала.

Автограф всего лишь, и снова
Глаголить, влюбляться, идти,
Чтоб чудное, сладкое слово
В ромашковом поле найти.

* * *

«Ты нарисуй меня»

Елена Плотникова

Вот стою, Вас, девушка, рисую
В долгий час раздумья, а не все.
На стекле в закатном свете алом
Тонко-тонко чёрным минералом.
А потом я ...Ох, супруга злится.
– В сей портрет недолго и влюбиться!
...Линию бедра, как Вы хотели...
Чу, на кухне чашки полетели...
Декольте и ямочка, и шейка...
Что там у жены в руке?

Линейка.

– Казанова, годики на склоне!
Хорошо, что тятка на балконе.

Напоэтилась

*«...Я пала в объятия Шекспира...
Я пила с Пастернаком...
Я кинулась в ад вместе с Данте...»
Дарья Днепровская*

Сидели, пили с Пастернаком.
Совсем немного – четверть с гаком.
Пришел Шекспир – упала в койку.
Потом, не помню с кем, – на Мойку...
У Данте в ад сигать училась.
Вот это зря – погорячилась.

Не угодил

*«Я за ночь разлюбила поэта»
Юлия Ковальчук*

«Я за ночь разлюбила поэта».
Бестолковый такой кавалер.
Всё стихи да стихи до рассвета.
Издатель, мужлан, изувер...

Расплата

*«Я Вас любила, и любовь, быть может
Сползает вниз по телу вместе с кожей...»
Даша Вольная*

Да, Пушкина любить – себе дороже.
Он гений, он ни в чём не виноват.
С меня стекла любовь, а с ней и кожа.
Расплата за грехи и плагиат.

Ну, как теперь любить и выйти в люди?
Без кожи видно мясо, жилы, кровь.
Скользнули книзу вместе с кожей груди,
А без груди какая же любовь?

* * *

*«...Следить незаметно при этом
за тем симпатичным брюнетом»
Раиса Романова*

Как хорошо, что не брюнет.
Не симпатия, точно – нет.
А то бы Вы за мной следили
И словом нежным застрелили.

Сердцем видящая

*«Поэт всё сердцем видит,
И крик его разносится в тиши.
Народ не понимает и не слышит,
Как кровоточит боль его души».*

Кристина Гиль

Народ, меня послушай.
Слова мои тихи.
Как все, хочу я кушать,
Вот и пишу стихи.

Ведь я же сердцем вижу
Не хуже, чем рентген.
Найду, хотите, грыжу
И выпишу пурген.

Нет, губ не закушу я,
Не закричу в тиши.
Услышь, народ, прошу я
Всю боль моей души.

Услышат, не услышат,
Поймут, иль не поймут.
Пародию напишет
Какой-то баламут.

* * *

*«...И с другим идя по переулку
Ты с другой меня увидишь вдруг.
И ничуть не торопя прогулку,
Ты мне скажешь: «Добрый вечер, друг».*

Ярослав Балакин

Каждый хочет стать большим поэтом.
Тропкою есенинской ходить.
Только имя честное при этом
Как-то бы своё не погубить.

Ярослав, вааще... Ты осторожней
Словесами продолжай сучить.
За такие вещи, знаешь, можно
По зубам, дружнице, получить.

Мазохисты

*«...Отхлещи меня словами,
Будто плёткой по лицу.
Я кричать и выть не стану.
Разучилась, не хочу».*

Людмила Владимирская

Хлещи меня словами.
Разбей лицо мне в кровь.
Какая между нами
Серьезная любовь!

А если вдруг завою,
Так снова разучусь.

Я счастлива тобою.
Калечь, я залечусь.

С меня ведь не убудет.
Я ласки не хочу.
А если больно будет,
Так я захохочу.

* * *

«Кому ещё продать пустую душу?»

Елена Барина

Сама собой идея хороша:
Пустую душу продавать вторично.
Но пустота не стоит ни гроша,
К тому же лохотронить неприлично.

Переборщила

«...Я искусила белый свет...»

Людмила Даничкина

Я искусила белый свет,
И вот мне некуда деваться –
От мужиков отбоя нет.
Теперь придётся отдуваться.

* * *

«Идёт в атаку земляника смело».

С. Воронов.

Ну, до чего природа дика!	А следом клюква и морошка.
Бродил в лесу на склоне дня	Не отделенье – целый взвод!
И вдруг увидел – земляника	И залпом бьёт в моё лукошко,
Идёт в атаку на меня.	И как шрапнелью хлещет в рот.

Глагольнулась

«Что наша жизнь? Глагол!»

Оксана Владимирова

Пришёл. Встречала. Обнимала.
Пекла. Кормила. Наливала.
Лилось. Шампанилось. Шипело.
Смеялась. Говорила. Пела.
Умолкла. Сморщилась. Устала.
Угомонилась. Обломала.

* * *

«Жениха хотела – вот и залетела...»

Строчка из песни

Всего один разочек спела.	Со сцены часто я кричу
И вот, поди ж ты, – залетела,	О том, что жениха хочу,
Стремясь взлететь на пьедестал.	Когда пою я для народа.
А кто из звёзд не залетал?	А что поделаешь? Природа.

Рифмованный диван

*«... А у поэта гости... раз, два, три...
Диван скрипел и плакал тоненько,
И рифмовались лишь тела,
А рядом Муза, но в агонии
Побилась чуть и уползла...»*

Анна Фарумда

Хотя скрипел диванчик внятно И мог полдома разбудить, Поэтам было непонятно, Что нужно тихо уходить.	Она, конечно, извинилась И незаметно уползла. Всю ночь поэтились диванно И рифмовались до зари, А утром это... надо в ванну, Но рядом дядьки: раз, два, три.
---	---

Гений

«Звучит чуть слышно нота мрр...»

Марина Гербер

Октаву изучив до дыр,
Открыла всё же ноту мрр.
Восьмая, да, но как звучит!
Пожалуй, «нобеля» вручит.

Воробьи

Они живут на ветках кроны,
На листьях червяков клюют.
И ни Кремля, ни Вашингтона
Они в упор не признают.

У них чиновник сытый, гладкий,
Горластый и вертлявый шкет.
Куда он складывает взятки,
Ведь у него карманов нет?

Они не строят пароходы,
Не нужен им «Газпром» и ГРЭС.
И гадят сверху, мимоходом
На человеческий прогресс.

Юрий ПЕРЕПЛЁТКИН

*«Сколько клюквы войдет в туесок,
Сколько духов в легендах живет,
Сколько хвои в морщинах дорог,
Столько песен сложил мой народ...
...Песнь родится брусники спелей,
И заката не будет у ней».*

А. Тарханов

Лыковые строки

Сколько морошки войдет в туесок,
Сколько хвоинок в лесу вдоль дорог,
Сколько чешуек у ста муксунов,
Столько Тарханов напишет стихов.

Видит: луны подозрительный свет,
Слышит: из леса несется «ку-ку».
Споро решает задачу поэт –
Всякое лыко пристроить в строку!

Это же надо – суметь и успеть
Каждую кочку в болоте воспеть...

...Творческих мук нескончаем угар.
Только платили бы в срок гонорар!

Гастрономическое вдохновение

*«Поэт Анатолий Марласов часто,
сидя за ресторанным столиком,
строчит стихи
прямо на бумажных салфетках...»*

Из разговоров

В еде и рифмах истинный гурман,
Издателям и поварам на счастье,
Неважно, трезв он или очень пьян,
Но ест и пишет – настоящий
Мастер.

Пусть под рукой салфетки и меню –
Перо летает по бумажной кромке:
Не дать угаснуть творчества огню!
Успеть создать нетленку
для потомков!

Источник вдохновенья прихотлив:
Волнуют фарш, жульен, вид
полной миски,
Метафор вызывают вдруг прилив
Люля-кебаб и скромные сосиски.

...И он наступит, этот день и час,
Когда, в стихах решителен и меток,
Марласов подготовит и издаст
Весомый том промасленных
салфеток!

В мире поэтических макроформ

*«Смолкло море
И принесло
Чье-то сломанное весло».*

А. Васильев

Ручка упала под стол.
Сложен сигнал провиденья.
Море.
Весло.
Альманаха река...
Мысль глубока.

Успокоительное

*«Люблю неторопливые слова.
Неторопливо падает листва.
Неторопливы дни в лесу осеннем.
Дымы неторопливы над селеньем.
И журавлей в заоблачный разлив
Нетороплив полет. Нетороплив».*

А. Васильев

Куда спешить?!
Мне по душе покой,
Не надо суетиться понапрасну.
В согласии живу с самим собой,
И этот мир мне кажется прекрасным.

И мысль во мне шевелится едва –
Ведь чехарда поэта недостойна.
Дымят дымы, и падает листва –
Взираю я на это все спокойно.

Не торопясь, за вором мент бежит,
И «скорая» не скоро прибывает,
И не спеша, любуясь, как горит,
Пожарные брандспойты проверяют.

Плывут в высоком небе облака,
Стучат порою времени куранты,
Проходят мерно годы и века,
Я создаю меж делом фолианты.

Скрипя, впускают авторов «Врата...» –
Здесь просто неуместна суета.

И я, вина ни капли не пролив,
Дремлю с фужером –
тих,
нетороплив...

КУЛЬТУРА И ДУХОВНОСТЬ

Всеволод БЕССАРАБ, Леонид ЖАРОВ

Тюмень и Джанго Рейнхардт:

«Ищем женщину!»

Что связывает Тюмень и большой профессиональный джаз? Казалось бы, у нас пока нет знаменитых на весь мир джазменов. Но есть любящие джаз люди, а значит, есть и большой джаз.

В 80-х годах двадцатого века тюменские краеведы нашли архивный документ, из которого следует, что один из ведущих композиторов США Ирвинг Берлин предположительно родился в Тюмени в 1888 году.

А в 2014 году произошло событие, открывающее, быть может, новую страницу в джазовой песне на русском языке. И теперь, возможно, Тюмень станет причастной не только к Ирвингу Берлину, но и к гитаристу и композитору мирового уровня Джанго Рейнхардту.

Об этом – разговор двух тюменцев.

Всеволод БЕССАРАБ (далее – **В.Б.**): Леонид, я был совершенно потрясён тем, что ты написал текст на самую знаменитую композицию мануш-джаза «Минорный свинг» (Minor Swing). Меня поразило, что ты написал слова на импровизации сначала Джанго Рейнхардта, а потом Стефана Граппелли. Позже я расскажу об этих музыкантах и какое у меня от них впечатление, но прежде всего я потрясён тем, что мой друг, которого я знаю очень давно, с 91-го года, взял и исполнил такую сложнейшую вещь. Лёня, расскажи, как это тебе пришло в голову, почему именно «Минорный свинг»?

Леонид ЖАРОВ (далее – **Л.Ж.**): Пришло очень просто. Такие вещи не делаются на заказ, просто слушаешь музыку, и откуда-то сверху спускается желание.

Эту зиму мы с женой провели на крайнем севере Мексики, в городе Тихуана, на границе с США. Мы жили в доме наших друзей Мануэля Кампоса и его жены Ады Гарсиа. Утро наше начиналось с зарядки, часа полтора-два. И я, чтобы было веселее, нашел в Интернете ресурс, где хорошо представлен Джанго Рейнхардт.

Там открывается список произведений, и семь раз подряд идет Minor Swing. Я подумал: «Мать честная! Почему же семь раз подряд?!».

Ну, а потом, когда начал слушать, я понял, почему семь раз. Потому что это такая композиция – когда заканчивается (три минуты с небольшим она идет), то хочется послушать еще. А потом еще. И еще. И так ровно семь раз! После седьмого раза уже не хочется, но семь раз хочется!

Я много раз проверял – и на себе, и на своей жене (а она довольно далека от изысков музыкальных). Когда Света вышла из своей комнаты и услышала в первый раз, она воскликнула:

– Какая хорошая музыка! Что это?

Потом то же самое, только по-испански, воскликнул пробежавший мимо Мануэль. Ну, Мануэль понятно, он в молодости жил в Мехико-сити, и там был марьячи... Но когда и Ада восхитилась, стало ясно, насколько гениальны и эта музыка, и это исполнение.

В.Б.: Что такое марьячи?

Л.Ж.: Это душа Мексики, музыкальное движение, похожее по популярности с нашей бардовской песней. Марьячи – это оркестр, который играет или в зале, или на улице, но там обязательно есть певцы или певицы. И несколько раз в году в больших городах устраиваются шествия марьячи, и всегда зрители на улицах поют вместе с музыкантами и танцуют вокруг них.

Так вот, мысль написать слова к «Минорному свингу» пришла не сразу, как-то незаметно, потихонечку. Здесь-то, дома, я, конечно, не написал бы, а когда четыре месяца нет обычных бытовых хлопот, оказывается, можно.

Я не думал вначале, что смогу написать слова на все восемь куплетов, не представлял, что это удастся сделать. Но спустилось предчувствие, не хватало только первого толчка. И этот толчок дала Светочка.

По утрам в Тихуане было довольно холодно, и вот сижу я за своим нетбуком, а Свете захотелось поправить мою прическу. Она подошла, а руки ее были недавно в холодной воде, и она чего-то поправила, а капли мне за шиворот поползли. Ну, и она весело спрашивает:

– Наверное, холодно?

Я говорю:

– Да, немножко зябковато.

– Сегодня у меня к тебе холодная любовь, – сказала она. И добавила: – Она у меня, любовь, бывает разная.

И вот эта фраза толкнула.

В.Б.: Чтобы написать восемь куплетов, или, как говорят джазовые музыканты, восемь хорусов, сколько раз тебе пришлось прослушать эту мелодию, чтобы написать слова в таком темпе, в такой необычной, быстрой динамике?

Л.Ж.: Когда я начинал, мне было понятно, что нужна математическая основа. У меня своя теория стиха. Я начал считать – сколько слогов в каждом куплете.

Оказалось, что когда играет Джанго Рейнхардт на гитаре (первые четыре хоруса), у него в каждом хорусе 68 ударов по струнам; ну, плюс-минус один удар туда-сюда.

В.Б.: По идее, должно быть 64, но это неважно.

Л.Ж.: Ну, значит, он опережал теорию.

В.Б.: 64 такта! А ударов может быть и побольше, и поменьше.

Л.Ж.: Я насчитал от 67 до 69 слогов в каждом хорусе. У меня так получилось, я беспристрастно считал. Я считал, что каждый удар равен одному слогу. Но что меня поразило прежде всего! Казалось бы, мелодия одна и та же.

В.Б.: Да!

Л.Ж.: Но в каждом этом твоём хорусе...

В.Б.: Да!!

Л.Ж.: ... мелодия другая! Вот я от этого обалдел! Причем занимает такое же количество времени! Джанго Рейнхардт играет 17-18 секунд каждый куплет. Замечу, что Стефан Граппелли играет 18-20 секунд каждый куплет. Но! У одного и другого хронометраж оказался одинаковым! По одной минуте и четырнадцать-пятнадцать секунд каждый играет свои четыре куплета.

То есть промежуток между куплетами одну-две секунды держит Джанго Рейнхардт, а Граппелли шпарит свои четыре куплета вообще без всяких перерывов! Как взял первую ноту, так и пошел! И не останавливается!

Так вот, 68 слогов один и 93 слога другой в каждом хорусе. Это мне очень сильно помогло. Оказывается, когда ты структурируешь текст, тебе гораздо легче становится.

Чтобы уловить эту закономерность, мне пришлось на каждой тренировке... утренние два часа... это было гигантское количество прослушиваний. Я свой несчастный нетбук буквально истерзал. Казалось бы, простая мелодия, но как ее уловить, ведь каждый раз она немножко разная!

В.Б.: Конечно! Конечно!

Л.Ж.: Но мне это показалось интересным. Думаю, я прослушал больше тысячи раз.

В.Б.: Вот тут я хотел бы пояснить. Во-первых, о каких музыкантах идет речь. Во-вторых, о стиле исполнения, и в-третьих, как музыканты спонтанно импровизируют, потому что наверняка это была спонтанная, то есть заранее не подготовленная импровизация.

Так вот, кто такой Джанго Рейнхардт? Это выдающийся музыкант европейского джаза, цыган из племени мануш, и джаз, который он играет на гитаре, получил название мануш-джаза. Сам он родился в Бельгии, в таборе, в 1910 году, 23 января, я запомнил это число, потому что в этот день родилась и моя жена, и когда мы отмечаем её день рождения, у меня двойной праздник, я отмечаю и день рождения Джанго Рейнхардта. Его настоящее имя Жан Батист, Джанго – это прозвище, в переводе с цыганского означает «Я проснулся».

С детства он играл на моем любимом банджо, причем играл виртуозно. Историографы даже называют цифру – 17 мелодий, незнакомых, которые ему играли на аккордеоне, он тут же мог воспроизвести на банджо. Это просто гений!

Затем он пробовал на скрипке, дальше влюбился в гитару и стал замечательно играть. Но случилась трагедия – пожар в таборе, и у 18-летнего юноши перестали действовать три пальца на левой руке. Полтора года он пролежал в постели. Младший брат принес ему в больницу гитару, и Джанго выработал уникальную манеру игры – обратите внимание! – двумя пальцами (средним и указательным). История гитарного искусства другого такого человека не знает!

В 1934 году он познакомился с другим выдающимся музыкантом, скрипачом Стефаном Граппелли. Это гениальный скрипач, с консерваторским образованием, который бросил всё, чтобы играть джаз.

И они с Джанго Рейнхардтом создали квинтет «Хот-клуб де Франс», в переводе «Горячий квинтет французского джаз-клуба». Забыл сказать, что тогда Джанго уже жил в Париже. Отец Стефана итальянец, а Стефан родился во Франции.

Так вот, этот квинтет, где, помимо солирующих, было две гитары плюс контрабас (не было барабана, чтобы особый шум не создавать), – покорила всю Европу, весь мир, это был пример совершенно исключительного, горячего джаза.

Во время войны они разошлись, потом снова вместе играли, затем их сотрудничество закончилось. Но их музыка осталась.

В мире проводят фестивали мануш-джаза, огромное количество музыкантов играют эту музыку, и вот, когда отмечалось столетие Джанго Рейнхардта, 23 января 2010 года был совершенно гениальный концерт в Париже. Интересно, что когда проводятся джем-сейшны, всегда играют две композиции – Minor Swing и «Очи черные».

В общем, композиция Minor Swing я бы сказал – забойная, основополагающая.

Л.Ж.: Хочу добавить. Первый раз я услышал Джанго Рейнхардта совершенно случайно. Купил в Москве кассету из серии «Джаз и классика», и там

гитарист по фамилии Файс исполнил такую зажигательную мелодию, что я чуть со стула не упал. Посмотрел, как она называется, оказалось – Джанго Рейнхардт, «Swingtime in Springtime» («Время свинга весной»). Музыка настолько выдающаяся, я сразу понял – абсолютно гениальный композитор!

Недавно я узнал: когда летом 1944 года войска де Голля вошли в Париж, на улицах города звучала музыка Джанго Рейнхардта. Напомню: нацисты в фашистской Германии не считали джаз музыкой, полагая, что арийцам джаз вреден. Хотя, разумеется, были немцы, которые понимали и любили джаз, и именно они во время войны оказывали посильную помощь Джанго, который, не будем забывать, был к тому же и цыганом, а гитлеровцы преследовали цыган так же, как евреев. И вот в праздничном Париже джаз оказался символом свободы.

Minor Swing Рейнхардт записал с Граппелли и со своим ансамблем в 1938 году, когда Джанго было 28 лет, а Стефану 30.

В начале пятидесятых годов дела у Джанго пошли совсем плохо, и он вынужден был закрыть свой клуб. В какой-то степени Рейнхардт разочаровался в джазе, предпочитая заниматься чем-либо другим.

В.Б.: Даже живописью...

Л.Ж.: Кстати, есть ещё известный фильм Вуди Аллена об этом музыканте.

В.Б.: Совершенно верно! Он называется «Сладкий и гадкий», главный герой которого, американский джазовый гитарист, настолько потрясен музыкой Джанго Рейнхардта, что не может слушать ее без слёз! А когда он воочию встретился с Рейнхардтом, то упал в обморок! Таким образом, духовным героем фильма, если так можно выразиться, был именно цыган из рода «мануш».

Л.Ж.: Он умер в 1953 году, прожив всего лишь 43 года.

В.Б.: И буквально через два-три года после смерти к Джанго Рейнхардту пришла мировая слава. Одно из его культовых произведений – баллада Nuages («Облака») входило в репертуар ансамбля, который аккомпанировал Иву Монтану, и всегда звучало на концертах этого великого французского актера и певца. Совсем немного не дожил Джанго до своей славы, но, увы, это уже стало трафаретом жизни многих гениев.

А вот у Стефана Граппелли совсем другая судьба. Он становится мировым лидером джазовой скрипки, оставаясь таковым до самой своей смерти в конце 90-х годов. Он играл и с Джорджем Харрисоном, и с Эриком Клэптоном, и с другими корифеями мировой музыки (не только джазовой). Все музыканты считали за честь выступать со Стефаном Граппелли.

Всё это так, Лёня. Но, наверное, у тебя была и другая мотивация, духовная, что ли, которая подвигла тебя на написание слов. Расскажи, как это произошло.

Л.Ж.: У меня всегда есть идея, которая предваряет написание стиха. Я стихи иногда пишу, есть некоторый опыт. В основу этого стихотворения положен небольшой семейный скандалчик.

Обычно песню может исполнять, как женщина, так и мужчина, но здесь должно быть чисто женское исполнение. С моей точки зрения, музыка Джанго рассчитана в большей степени на женщин, хотя женщины редко любят джаз. Его музыка настолько жизнеутверждающая и солнечная, что у меня она всегда ассоциируется с женщинами. С красивыми женщинами, мать честная! И вот от имени женщины всё это так потихонечку и сложилось.

В.Б.: Надо сказать, что история написания текстов на джазовую музыку, даже на такую, «скороиграющую», существует, но россиян, которые исполнили бы это у нас, я не встречал.

Лидером этого направления является американский музыкант Джон Хендрикс (не путать с Джимми Хендриксом), которому в 2011 году исполнилось 90(!) лет. В 1957 году он вместе с Дейвом Ламбертом и Анни Росс организовал трио, которое так и называлось «Ламберт, Хендрикс, Росс», просуществовавшее до 1962 года. Трио сделало настоящий переворот в вокальной джазовой музыке! Оно стремилось, во-первых, передать динамику больших оркестров джаза вокальными средствами, и, во-вторых, Джон Хендрикс сочинял тексты именно на импровизационные хорусы музыкантов!

Сразу после войны Хендрикс познакомился с главным новатором джаза того времени саксофонистом Чарли Паркером, музыка которого в стиле «боп» увлекла юношу, как, впрочем, и его коллегу Дейва. И вот тут Хендрикс начал экспериментировать в сочинении слов на импровизации джазовых музыкантов, включая и Чарли Паркера.

Мне трудно судить, насколько это Джону удалось, но то, что он был в этом первооткрывателем, несомненно. В целом, ставшее к тому времени знаменитым трио «Ламберт, Хендрикс, Росс» необычайно раздвинуло горизонты вокала, покорив тем самым весь джазовый бомонд.

А вот в России первым таким человеком оказался, несомненно, Леонид Жаров, с которым я и веду беседу.

Л.Ж.: Сева, сейчас я узнал о себе много нового. Не ожидал, что буду каким-то первооткрывателем или что-то в этом роде, и отношусь к этому с юмором.

Но вернемся к Джанго. Когда достигаешь определённого возраста, то мелодия, которая вошла в тебя, вызывает массу ассоциаций. А иногда и вопросов. Когда я написал стих и увидел, что в куплете примерно 90 слогов, то возник вопрос: какая же должна быть певица, чтобы всё это спеть за 20 секунд?! Понятно, что должна быть высококлассной!

Здесь уместно еще раз сослаться на ресурс в Интернете, где исполняется эта музыка: <http://zashushaem.ru/a8114-django-reinhardt.html>

Потому что если будет другое исполнение, ничего не получится. Это рассчитано только на импровизации Рейнхардта и Граппелли.

Я думаю, Россия настолько уникальная страна, что обязательно найдётся певица, которая сможет это исполнить.

Тут идет простое вступление, речитативом, без всякого надрыва, а потом сразу же надо «хватать за горло», потому что Джанго дает такую музыкальную струю!

Когда найдётся классная вокалистка, думаю, будет неплохая вещь. И, возможно, появятся и другие люди, которые захотят написать тексты на джазовые импровизации Джанго Рейнхардта.

Между прочим, я думаю, в России есть авторы, которые уже сделали это, но мы с тобой их пока не знаем.

В.Б.: У меня другое мнение. Текст, который ты написал, настолько необычен и труден, что вряд ли найдется певица, которая сможет всё это исполнить. Здесь, кроме певческого мастерства и джазового исполнения, необходим еще и талант Джона Хендрикса. Я, во всяком случае, таких певиц не знаю. Полагаю, то, что ты сделал, будет долго ждать свою исполнительницу.

Л.Ж.: Нет, дело в том, что мы их не знаем. Возможно, даже в Тюмени есть такая девушка, которая может это спеть.

В.Б.: Сомневаюсь...

Л.Ж.: Ну, почему же? Если трудно, например, с дыханием, то несколько слогов из 90 можно и пропустить...

В.Б.: А как же в этом случае быть со словами?

Л.Ж.: Ничего страшного. Текст так выстроен, что если пропустить пару коротких слов, то смысл не меняется, лишь бы рифма сохранялась.

В.Б.: Понимаю, что существуют способные дети, называемые «индиго», но для спонтанной импровизации нужны определенные знания. Такие же, как, к примеру, когда плывешь по реке. Надо уметь плавать, знать фарватер реки, «берег левый, берег правый» и т.д. Но в нашем случае добавляется еще и умение пропевать слоги. Труднейшее дело! Это всё очень сложно, Лёня! Ты задал задачу невозможной трудности! Примерно, как теорема Ферма!

Л.Ж.: Но ведь ее всё-таки доказали!

В.Б.: Вот-вот! Это же ожидает и твое произведение!

Л.Ж.: Будем надеяться. Итак, вот текст песни. Графически выглядит непривычно, но так получается, если накладывать слова на импровизации каждого куплета.

Одна и новая любовь (minor swing)

Джанго Рейнхардт – Леонид Жаров

Вступление (две строфы) – Восемь куплетов – Финал (две строфы)

Вступление:

Первая строфа – без слов, только музыка.

Вторая строфа вступления:

Столько лет мы женаты
и всегда небогаты.
Но давно
огорчает одно.

1-й куплет: Ну почему же ты не можешь понять?

Ну почему ты обижаешься опять?

Глаза свои отводишь...

А я всего лишь

утром сказала

и чуть-чуть теперь

напомнила вновь:

сегодня у меня к тебе, мой друг,

слегка

холодная любовь.

2-й куплет: Да! Да!

Да, ну и что?..

А ты?.. А ты?..

Скажи, ты разве раньше не знал?

Любовь

как разные цветы –

ты сам давненько так сказал.

И ты немножко опусти

свою приподнятую бровь...

Сегодня от меня к тебе идёт,

мой друг,

холодная любовь.

3-й куплет: Говоришь опять, конечно, сразу нам

свою мечту без разума.

Мотив мужских речей:
мы любим, чтобы нам
погорячей!
Знаю, знаю эту песню
всех мужчин про все горячие года.

Ты хочешь,
чтоб
горячая любовь была всегда.

4-й куплет: Но оглянись по сторонам!
Видишь, сколько там дrrrrrrrrrrrrрам?!
Кто с двух сторон зажѐг свечу,
Сказав: «Надолго так хочу!» –
не знает он,
что счастливых пар
не оставляет той
любви пожар.
И ты печаль готовь...

5-й куплет: Сгорает быстро
та горячая любовь.
А ты... А ты по-прежнему молчишь,
а ты глазами говоришь:
«Всегда хочу тепло!».
Ну, сколько можно повторять,
ты пропускаешь всё опять,
как будто я трепло!
А-а-а-а-а-а-а
ты
приказы раздаѐшь,
как будто в армии живѐшь –
беспрекословно!
Словно

6-й куплет: всегда,
всегда-а-а-а,
всегда бывает в жизни всё тепло.
Но для любви нужна загадка-а,
а не теплица и не кадка!
Загадка тела и ума,
а не тепличная тюрьма,
где скукота растѐт,
и правит где расчѐт.
Кому-то –
где теплее,
а мне –
где веселее!
Всегда и всюду скуке прекословь!
И хоть тепло ласкает,
но в скуке засыхает
моя любовь,
твоя любовь!

7-й куплет: Я ви-ижу, вижу:
ты бли-иже, ближе
к моей мечте
 о нашей красоте.
Ты с каждым годом новый,
искала я такого.
 Нашла!
 На гору взошла!
А ты упрям и честен,
и этим интересен;
ты как железный штык,
в общем, ты мужик;
но не открытый весь,
не дашь себя прочесть...
И есть
 че-е-е-е-е-е-е-е-е-есть!

8-й куплет: Мы с тобою забрались
 ввысь!
Там и холод, и тепло,
 но
неужели трудно так понять?
Я хочу, чтоб ты хотел обнять!
И как вчера,
 и как тогда,
и сегодня, и всегда,
 да!
Знать давно пора тебе,
 муж:
моя любовь –
 контрастный душ!
И это не простой каприз,
а ежедневный мой сюрприз,
ведь надо,
чтоб не потерять –
 удивлять!

Финал: У нас любовь,
как джаз и танго;
там импровиз,
там джем и Джанго.
Ну, наконец, ты улыбнулся вновь.

Тридцать лет
мы женаты,
и всегда
богаче всех богатых –
у нас одна,
всегда одна
и вечно новая любовь!

ДЕСЯТАЯ МУЗА

Наталья СЕЗЁВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Соколов, Николай Иванович. 1831, Псков – после 1911. График, живописец, Рисовальщик, карикатурист, книжный иллюстратор. Автор жанрово-тематических композиций, пейзажей, портретов, карандашных путевых набросков. Активный сотрудник столичного журнала «Всемирная иллюстрация» (1869–1882), где опубликовал более 150 рисунков. Педагог. Общественный деятель. Награжден многими орденами и медалями. В 1849 окончил Псковское уездное училище. С 1849–1863 – вольноприходящий ученик Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. Получил звание свободного художника живописи исторической и портретной в 1863. Один из организаторов «Общества взаимного вспомоществования русских художников» в Санкт-Петербурге (1871). Преподавал рисование и черчение во многих учебных заведениях: 7-й Санкт-Петербургской гимназии; Псковском реальном училище (1873–1879); Тюменском Александровском реальном училище (1879–1886); Омском кадетском корпусе (1886–1911). С 1888 жил и работал в Омске. Один из организаторов Рисовальных вечеров. В 1911 уволился из Кадетского корпуса по «домашним обстоятельствам». В 1911 «за выслугу лет» получил звание действительного статского советника, что давало потомственное дворянство. Произведения художника хранятся в Государственном Русском музее, частных собраниях.

О КОЛЛЕКЦИИ

Статья впервые знакомит с коллекцией произведений русского художника второй половины 19 – нач. 20 вв. Николая Ивановича Соколова (1831 – после 1911) из собрания сибирского историка-краеведа, известного коллекционера-фалериста, члена Новосибирского общества коллекционеров В.Б. Кравцова. Эта монографическая комплексная архивно-документальная и изобразительная коллекция представляет большую историко-художественную ценность. Надо подчеркнуть её уникальный характер (сохранилась в целостности через 100 лет!): она открывает новую яркую страницу в изобразительном искусстве России, а также Сибири второй половины 19 века.

Имя Николая Ивановича Соколова (1831 – после 1911) – талантливого графика, живописца, книжного иллюстратора, педагога, оказалось незаслуженно забыто на целое столетие. Вновь выявленное творческое наследие художника представляет интерес с нескольких точек зрения. Во-первых – как часть художественной культуры Сибири, изучение которой еще далеко не закончено. Также оно имеет значение и для более полного понимания сложного процесса становления и развития русского изобразительного искусства середины и второй половины 19 века.

Основа коллекции – альбом с рисунками, эскизами, набросками Н.И. Соколова. Формат альбом – 35х54 см. Хронологические рамки: 1858 – 1911 гг.

Альбом состоит из отдельных рисунков – от самых простых до более сложных. Все они наклеены с двух сторон на листы, отдельно вложенные

в альбом. Хронологическая, жанрово-сюжетная последовательность в подборе материала отсутствует.

Общее количество графических произведений – 185 шт. Это карандашные зарисовки с жанровыми и бытовыми сценками, пейзажные, портретные, анималистические наброски, карикатуры, исполненные художником в разные периоды творчества: в окрестностях Петербурга и Пскова, во время путешествий по Волге, а также в период его жизни в Омске и Тюмени. Среди них особо следует отметить изображения народных обрядов и сцен из крестьянского быта, рабочие эскизы композиций. При сравнительном анализе и сопоставлении альбомных рисунков с графическими работами, опубликованными художником в столичных журналах 1870-хх гг., можно смело утверждать, что большинство из них являются рабочими материалами, которые были использованы мастером почти без изменения. Альбомные рисунки дают уникальную возможность увидеть творческую лабораторию художника, проследить процесс создания работы: от наброска – к эскизу, от эскиза – к графической композиции.

Манера исполнения рисунков различна. Мы видим здесь рисунки и набросочные, и завершенные с предельной тщательностью, и одним штрихом (широким и сочным) исполненные, и, в дополнение к штриху, слегка тонированные, с использованием акварели; наконец, рисунки, напоминающие перовые.

Несмотря на различия отдельных этапов творчества, вполне возможен разговор о методе художника вообще, в целом – о самом существенном в методе, что может объединить разные этапы.

Наблюдение, фиксация реальности, отбор, типизация, преобразование реальности – все это определенные этапы творческого процесса у Соколова и важные стороны его метода. Наблюдал он непрерывно, зарисовывая в свои путевые альбомы и целые сцены и, казалось бы, ничего не значащие детали. Зарисовки были для художника своеобразным художественным дневником, из которого можно было черпать материал во время сочинения композиций. Отметим, что уже в зарисовках Соколов учился компоновать сцены не только расстановкой фигур и вещей, но и мимикой, жестами, сложными движениями, которые в композиции раскрывали смысл, одушевляли действие, делали убедительной и жизненной всю сцену.

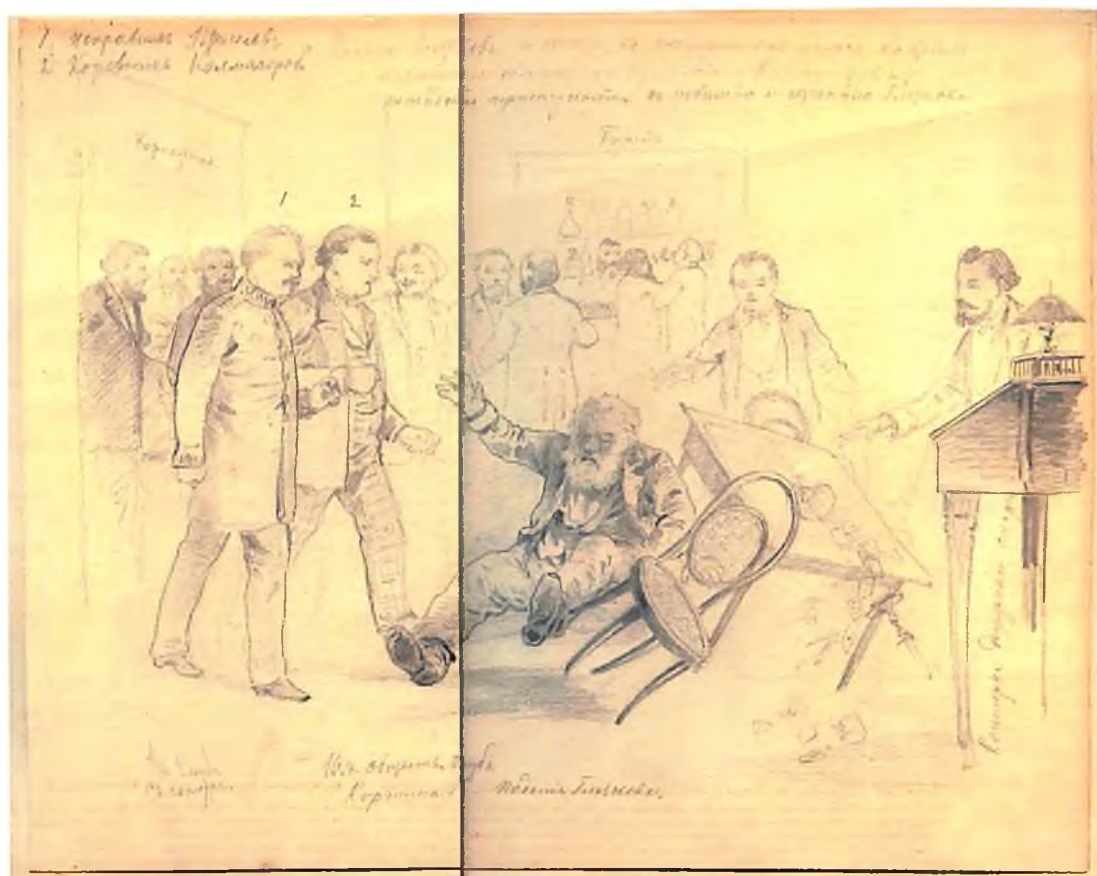
Н.И. Соколов – типичный «шестидесятник». Тематика и содержание его работ, представленных в альбоме, полностью находится в русле основных исканий русского демократического искусства середины и второй половины 19 века.

Дополняют альбомную коллекцию несколько живописных произведений художника, а также богатый архивно-документальный материал о его жизни и творчестве: личные и семейные фотографии, в том числе с дарственной надписью уникальная фотография И.И. Шишкина – выдающегося русского живописца и графика второй половины 19 века, а также редкие документы. Среди них – подлинный аттестат об окончании Н.И. Соколовым Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств в 1863 году.

Проведенное всестороннее комплексное исследование коллекции: архивно-документальное (работа в архивах, библиотеках, музейных фондах Санкт-Петербурга, Тюмени, Тобольска, Омска), атрибуционно-иконографическое, художественно-стилистическое, – позволило воссоздать личную и творческую биографию художника, а также «открыть» новое имя в изобразительном искусстве Сибири, шире – России второй половины 19 века.

Художник
Николай Иванович Соколов

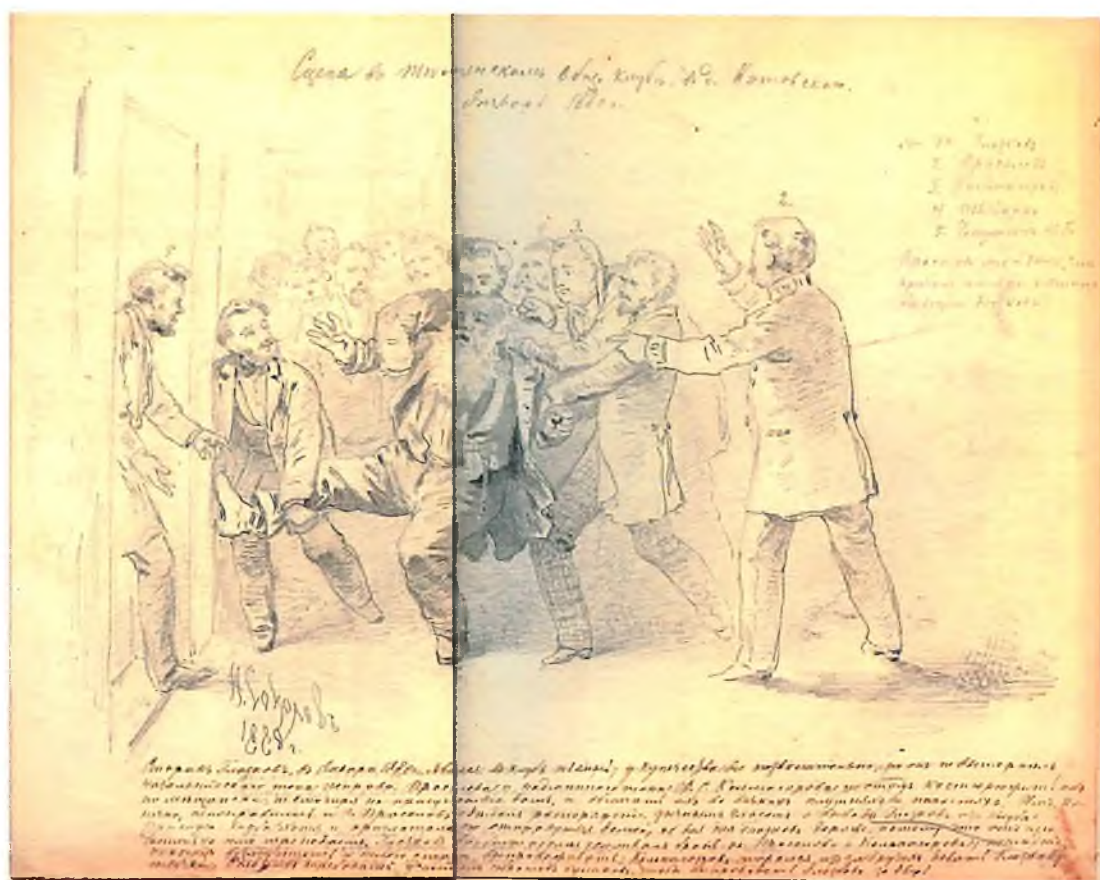
*Сцена в Тюменском общественном клубе. Падение Глазкова. Картина 1-я. 1880.
Бумага, карандаш, 28,3х35,8.*

Слева внизу: В клубе с натуры; *посередине:* Изъ обществ. клуба; *ниже:* Картина 1-я. Падение Глазкова. *Посередине сверху:* Падение Глазкова и стола, на который онъ оперся во время изрыгания обличений на Прасолова и Колмогорова. Последние приступаютъ къ побитию и изгнанию Глазкова. *Слева сверху:* 1. Исправникъ Прасоловъ; 2. Кожевникъ Колмогоровъ.

Глазков Алексей Григорьевич (1820(?) – 1886) – тюменский 1-й гильдии купец, городской голова, золотопромышленник, член попечительского совета Тюменского Александровского реального училища. Меценат и благотворитель, «жертвовал большие средства» на пользу общественных и учебных заведений городов Тюмени, Омска, Тобольска. «Герой» многих карикатур художника И.А. Калганова (Тюмень).

Колмогоров Филимон Стефанович (1824 – 1893) – потомственный почетный гражданин, тюменский 1-й гильдии купец, неоднократно избирался городским головою, владелец крупнейшего в Сибири кожевенного завода, председатель и попечитель многих учебных и общественных учреждений города. Меценат. За благотворительную деятельность и усердную службу был награжден многими наградами и знаками отличия. «Герой» многих карикатур художника И.А. Калганова (Тюмень).

Прасолов – тюменский исправник.

Сцена в Тюменском общественном клубе. Вывод Глазкова из клуба. Картина 2-я. 1880.
Бумага, карандаш, 28,9х36.

Слева внизу: Н. Соколовъ. 1880 г. Посерединеверху: Сцена въ Тюменскомъ общ. клубе, въ д. Котовского. Январь 1880 г. Внизу под изображением: Старикъ Глазковъ въ январе 1880 г. явился в клубъ пьяный, у купечества всё позволительно, но онъ не вытерпелъ начальническаго тона исправн. Прасолова и надменнаго тона Ф.С. Колмогорова и сталъ костюжить ихъ по-мещански, несмотря на присутствие дамъ, и обличать ихъ во всякихъ плутняхъ и напастяхъ. Имъ, конечно, не понравилось, и г. Прасоловъ сделалъ распоряжение зычнымъ голосомъ о выводе Глазкова изъ клуба. Прислуга клуба хоть и приглашала его отправиться домой, но для неѣ Глазковъ дороже, потому что отъ него частенько имъ перепадаетъ. Глазковъ все более и более усиливалъ брань на Прасолова и Колмогорова; последние наконецъ возмутились и силою стали выпроваживать; Колмогоровъ старался из-за другихъ давать Глазкову тычки. Большихъ требовалось усилий отъ собратьевъ кулаковъ, чтобы выпроводить Глазкова за дверь. Справаверху: 1. Глазковъ; 2. Прасоловъ; 3. Колмогоровъ; 4. Швейцаръ; 5. Чмутинъ Н. Г. Прасоловъ то и дело, что кричалъ только о помощи вывести Глазкова.

Чмутин Николай Григорьевич – тюменский купец 2-й гильдии, гласный городской думы, торговец на базарах Тюмени.

*После горячих прений по составлению проекта устава А. Н. Братства.
Карикатура. 1881. Бумага, карандаш, 28,9х36.*

Слева внизу: 18 января 1881-го г. Под изображением внизу: А.С. Табанаковъ после горячих прений по составлению проекта устава А.Н. Братства и доброй-предоброй выпивки скрылся. Когда хватились его, то пошли поиски члена Братства, подписавшего уже сто руб. Оказалось, что он забрался в ватеръ клозетъ и тамъ заснулъ. Никакие стуки пробудить его не могли; пришлось сломать дверь. Первымъ вошёлъ въ ватеръ клозетъ Словцовъ. На этомъ первомъ собрании всехъ насъ было пять человекъ: хозяинъ Ив. Ив. Игнатовъ, Словцовъ, Введенский, Соколовъ и Табанаковъ. 19 января 1881 г. Г. Тюмень.

Табанаков Алексей Степанович – управляющий и содержатель вольной аптеки в Тюмени, провизор.

Игнатов Иван Иванович (? – 1934) – потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии, коммерции советник, «король сибирских рек», судовладелец, строитель и знаток речных пароходов. Член попечительского совета Тюменского Александровского реального училища (1879 – 1889). Меценат. Оказывал помощь в финансировании научных экспедиций, издании книг. Сотрудничал с членами кружка К.Н. Высоцкого, а также преподавателями Тюменского Александровского реального училища. Любитель-коллекционер. Известно, что в его коллекции находились произведения сибирских художников И.А. Калганова, М.С. Знаменского, В.Г. Федорова.

ТЮМЕНЬ ДНЕВНИК МОЕЙ ЖИЗНИ 1879 – 1886

«Тюменские нравы дикие, грубые, жить здесь не очень-то привлекательно, но, сознавая это, в то же время чувствуешь, что эта самая арена твоей деятельности и есть, тут ты должен работать, хотя и беспрестанно ссорясь с окружающими и проклиная их».

Н.М. Ядринцев

В 1879 году Соколов вместе с семьей оказался в Тюмени – одном из самых крупных и богатых купеческих городов Сибири. Приказом генерал-губернатора Западной Сибири он был назначен учителем рисования и чистописания, а также исполняющим дела помощника классных наставников во вновь открытое Александровское реальное училище.

Соколову 48 лет, он полон сил, творческих планов. За плечами – Академия художеств, большой опыт практической работы в области педагогической и общественной деятельности. Кроме того, он уже сложившийся мастер, известный художник-иллюстратор, постоянный сотрудник столичного журнала «Всемирная иллюстрация». Деятельный, энергичный, он активно включается в работу: в первый же год ему удалось через Академию художеств «составить необходимые коллекции античных гипсов для рисования и перспективного черчения». Но уже через год между художником и директором училища Иваном Яковлевичем Словцовым (1844 – 1907), известным ученым и общественным деятелем, возник серьезный конфликт, который растянулся на многие годы. Венцом этих отношений стало разбирательство «Дела Мошарова» – ученика 2-го класса ТАРУ, который «за не нравственное поведение» был под угрозой исключения. В письме от 17 октября 1880 года, адресованном Главному инспектору училищ Западной Сибири, Соколов с горечью пишет: «Усматривая не только в распоряжениях г. директора об отставке и выговоре, но из многих других действий его неприязненное отношение – направление, подавляющее всякую самостоятельность и явное желание оттенить меня в формуляре недобросовестным в деле воспитания; против этого я должен, наконец, восстать всеми моими силами и честью». И далее: «Я служил 11 лет при двух директорах, от которых, кроме личной благодарности, получал награды за свою деятельность, а здесь я должен ожидать того, что мой формуляр запачкают! Нет, пока во главе высших правлений стоят истинно просвещенные и благородные люди, я надеюсь не заслужить подобного унижения за честную свою деятельность и преданность как делу воспитания, так и обучения детей по своей специальности».¹

Словцова и Соколова сближает принадлежность к одному поколению – поколению «шестидесятников». Их с полным правом можно отнести к типичным представителям демократической интеллигенции II-й половины XIX века. Начало и взлет их деятельности: научной, художественной, педагогической, общественной, приходится на 60 – 70-е годы XIX века. Что же стало причиной столь яростного противостояния, столкновения столь сильных, ярких, незаурядных индивидуальностей? Может быть, независимый, свобододолюбивый нрав одного и властный, деспотичный, тре-

¹ Дело хранится в фондах ГАТО (Государственный архив Томской области): Ф. 125. Оп. 2. Д. 743. С. 438 – 468 // Антология тобольской журналистики кон. XIX – нач. XX вв. Кн. 2. Тюмень. 2004. С. 438 – 468

бующий строгой дисциплины характер другого, или ревность, амбиции, дух соперничества? Ответ на эти предположения лишь косвенно можно обнаружить в письмах И.Я. Словцова тех лет, а также в новых архивно-документальных материалах, недавно обнаруженных в фондах государственного архива Томской области. Эти сведения позволили «открыть» многие ранее неизвестные факты из личной и творческой биографии художника в период его пребывания в Тюмени, а также «расшифровать» историю создания многих его карикатур.

Эти обстоятельства личной и служебной жизни, несомненно, способствовали формированию особых черт характера художника, склада его ума: склонность к иронии и сарказму, болезненное самолюбие, замкнутость, независимость, вспыльчивость и раздражительность.

Наряду с преподавательской деятельностью, которая отнимала почти все свободное время, Соколов продолжает творчески работать. Широкий простор для фантазии, выдумки, сатирических обобщений художнику давала культурная и общественная жизнь города тех лет. В «Записных книжках сибиряка» известный ученый, путешественник, писатель Г.Н. Потанин дал крайне выразительную характеристику Тюмени второй половины XIX века: «Тюмень – это чистейшей воды Тит Титыч. Жизнь в Тюмени – это театр Островского, импровизированный самой жизнью». Подтверждение этих мыслей мы находим в статье известного историка, краеведа, исследователя Сибири П.М. Головачева (1862 – 1913). «...Сибирская действительность представляла и представляет слишком много отрицательных явлений, которые не могут не бросаться в глаза всем и каждому. Карикатура – единственный вид искусства, который мог бы процветать в Сибири».

Отметим, что в жанре сатирической графики, карикатуры успешно в эти же годы работают талантливые сибирские художники: И. Калганов в Тюмени и М. Знаменский в Тобольске. Несмотря на сходство сюжетно-тематического репертуара, Соколову удалось сохранить свою творческую индивидуальность, создать свой особый неповторимый стиль.

Если в ранних путевых зарисовках, набросках, исполненных Соколовым в 1850 – нач. 1870-х гг., нередко присутствует мягкий юмор, острая и шутивная склонность подмечать и резко выявлять странности в поведении людей, их нравах, обычаях и обрядах, то в Тюмени художник открыл для себя сатиру, именно здесь наиболее ярко проявился его талант карикатуриста. Жизнь провинциального купеческого города, его нравы и обычаи становятся для Соколова источником сюжетов его графических произведений.

В серии гротесковых карикатур 1880 – 1881 гг. художником воссоздана галерея колоритных, выразительных типов тюменского общества: удивительно точные, остросатирические «портреты» именитых и «степенных» тюменских купцов, участвующих в управлении городом – «кожевенного короля» Колмогорова, любителей «бахуса» Глазкова и Табанакова, карточного игрока, золотопромышленника, городского головы П.И. Подаруева, а также представителей местного чиновничества – известного «крысиного короля», адвоката и нотариуса И.И. Клерикова, экстатично-болезненного врача Черемшанского, директрисы женской прогимназии... Образы, ситуации и место действия всегда узнаваемы, «списаны с натуры». Художник является или свидетелем, или активным участником изображенной им сцены или ситуации.

Соколов высмеивает изнанку нравов тюменского общества, в котором процветают самодурство, корыстолюбивая жадность, невежество, дикое

своеволие, глупость, страсть к вину, картам, разгульной жизни, сплетням, любовным интригам.

Несколько рисунков в альбоме представляют особый интерес. Они автобиографичны, очень исповедальны. Это своего рода «дневник жизни» художника. Тематически все они посвящены хронике событий и деятельности Тюменского Александровского реального училища за период с 1880 по 1881 гг. Они, как правило, имеют точную дату создания, а также подробный авторский комментарий. Участниками и главными героями этих остросатирических карикатур неизменно являются директор училища И.Я. Словцов, его штатные преподаватели – члены педагогического совета, меценаты-благотворители, попечители. Они заседают, ссорятся, пьют, развлекаются в узком «интимном кружке».

Хотелось бы обратить внимание на особенности творческого метода Соколова: обращение к неожиданным сравнениям, смелой игре образов, к языку вымысла, аллегии, метафоре, иносказанию.

В этой серии карикатур художник гротескно изображает действующих главных героев с головами и туловищами животных и птиц (в виде полулюдей, полуживотных, полуптиц), придав им комический облик осла, собаки, лиса, ежа, зебры, верблюда, или зловещий – летучей мыши и крысы, сатирически выявляя сокровенную «животную» суть каждого характера. Соколов-карикатурист выступает критиком нравов, не упускающим возможность заострить смешное, комическое, неожиданное, отталкивающее или, напротив, с симпатией выявить привлекательное в облике своих героев. Он зло высмеивает отрицательные качества персонажей: глупость, лень, болтливость, жадность, жестокость, свирепость, трусливость... Огромнейший запас жизненных наблюдений, опыт работы в столичном журнале «Образование и школа» очень пригодились художнику в процессе работы над их созданием.

Мне кажется, самое наглядное представление о Соколове, обличителе нравов, сатирике, может дать карикатура, которая изображает заседание членов педагогического совета ТАРУ. Соколову удалось создать удивительно точные, меткие, остросатирические «портреты» своих коллег – преподавателей в облике лиса (хитрости), зайца (трусости), ежа (колючести, сердитости), осла (упрямства), собаки (свирепости), тюленя (лени), зебры (пугливости), верблюда (тупости). В этой портретной галерее сам художник фигурирует в образе «бирюка» – по определению Даля, «человека-нелюдима», мрачного, одинокого, ни с кем не знакомого». Можно не сомневаться, что рисунок отличает меткость наблюдений и удивительная схожесть с оригиналами.

Серия карикатур Соколова создана под влиянием творчества Гранвиля (1803 – 1847) – знаменитого французского художника-иллюстратора, карикатуриста первой половины XIX века. В 1860 – 1870-е годы его классические рисунки к «Робинзону Крузо» Даниеля Дефо и к «Путешествиям Гулливера» Джонатана Свифта были очень популярны в России. Но Соколова привлекают не иллюстрации художника, а его карикатуры из серии: «Кабинет естественной истории», «Живые животные», «Карикатурный альбом животных», «Сцены из частной и общественной жизни животных».

В заключение хотелось бы отметить некоторые особенности стиля Соколова-рисовальщика: пристрастие к четкому графическому рисунку и тщательной отделке деталей. Все карикатуры отличаются артистичностью исполнения. Манера тонкого рисунка карандашом, как бы вытачива-

ния формы, очень увлекла художника. Карандаш приобретает в руках художника исключительную гибкость: то нажимая им, то едва касаясь бумаги, он достигает тонких переходов в нюансах и богатстве фактуры. Тщательное вырисовывание деталей сменяется обобщением, умением передать деталь несколькими штрихами карандаша. Художник мог выполнить на одну тему несколько композиций, если тема, как ему казалось, подсказывала неоднозначные толкования.

Все 13 альбомных рисунков, исполненных Соколовым в тюменский период, представляют огромный историко-художественный и иконографический интерес. Они по праву являются художественным документом эпохи.

12 июля 1886 г. приказом Западно-Сибирского учебного округа Соколов был перемещен в Омскую гимназию. Закончилась восьмилетняя, совсем не простая жизненная и творческая «одиссея» художника в Тюмени.

Литература:

1. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды, СПб. 1908. С. 252.
2. П. Головачев. «Сибирская жизнь как почва для искусства», «Сибирь», 1893, № 6.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мария СИНЮКОВА

Константин Лагунов: на путях к философскому роману

К 90-летию со дня рождения

Осенью 2014 года исполнилось 90 лет со дня рождения тюменского писателя Константина Яковлевича Лагунова.

К литературной деятельности он пришел не сразу. Первым местом его работы стал Голышмановский детский дом, где он чуть больше года был сначала воспитателем, а потом директором, после этого четырнадцать лет работал в комсомоле: был первым секретарем Голышмановского райкома ВЛКСМ, ответственным организатором ЦК ВЛКСМ, первым секретарем Вильнюсского уездного комитета ЛКСМ Литвы, вторым секретарем ЦК комсомола Таджикистана. Именно в Средней Азии Константин Яковлевич начал серьезно заниматься литературным творчеством – с 1956 года был редактором нескольких печатных изданий, в Таджикистане же выпустил первые прозаические произведения: повесть «Своей тропой» и роман «Утро золотой долины».

В 1961 году Константин Лагунов возвращается в Сибирь. Здесь художник пробует себя в разных жанрах. Становится известным благодаря острым публицистическим текстам, которые создает параллельно с повестями и романами. Из-под его пера выходят также литературно-критические работы, сценарии, драматические произведения, стихи и сказки для детей.

В течение двух лет он работал главным редактором Тюменского областного книжного издательства, а в 1963 году во многом его усилиями и инициативой была создана областная писательская организация, которую К.Я. Лагунов возглавлял двадцать лет.

Одновременно Константин Яковлевич много времени посвящает реализации образовательных, социальных и культурных проектов: закладывает основы кафедры журналистики в Тюменском государственном университете, которой сам же и руководит в течение пяти лет, помогает в издании книг прозаикам малочисленных народов Севера. Благодаря ему в Тюменской области проходили Недели поэзии и Всесоюзные дни литературы. К.Я. Лагунов был членом правлений Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, заместителем председателя областного комитета защиты мира, академиком Губернской академии, входил в редколлегии журналов «Урал» и «Сибирские огни». Он заслуженный работник культуры России, почетный гражданин Тюмени, лауреат ряда литературных премий. Награжден орденами Дружбы народов, «Знак Почета» (дважды), несколькими медалями.

По романам Константина Лагунова сняты художественные фильмы «На таежных ветрах» (1979) и «Чрезвычайные обстоятельства» (1980), по повести-сказке «Ромка Рамазан» создан популярный мультфильм «Ромка, Фомка и Артос», по романам «Так было», «Красные петухи» и «Одержимые» поставлены спектакли в Тюменском драматическом театре.

В творческой биографии К.Я. Лагунова традиционно выделяют три этапа. Первый условно называют таджикским периодом, акцентируют в нем установку на «литературное самообразование писателя».

Второй период творчества связан с возвращением в Сибирь, датируют его началом 1960-х–1982 годами.

Известный тюменский культуролог В.А. Рогачев отмечал, что первой попыткой в региональной литературе увидеть обратную сторону медали трудовых побед тюменских геологов, нефтяников, газовиков, энергетиков и строителей в условиях эйфории того времени стал роман «Ордалия» (1970). Хотя К. Лагунов не переставал показывать трудовой героизм сибиряков, он уже не мог молчать о нефтепромыслах и целых городах, устроенных в спешке, хищническом отношении к природе и родовым угожьям коренных народов Севера, о потребительском цинизме правителей. Появление романа вызвало нападки – писатель был вынужден переработать материал и создать более мажорный по звучанию роман «Одержимые» (1974).

Вслед за этими произведениями появился роман «Больно берег крут» (1978), удостоенный премии Союза писателей СССР в 1980 году. Главный герой Гурий Бакутин – умелый организатор и трудоголик – оказывается загнанным «в типичные обстоятельства», К. Лагунов в книге «Портреты без ретуши», обозначил сюжет, как довольно успешные попытки начальника нефтяного главка Румарчука сломить Бакутина, одержимого идеей модернизации газодобычи. Такая схема была универсальной для писателей тех лет, и К. Лагунов органически вписался в их ряд.

В 1960-е годы романист начинает осваивать историческую тему. По мнению доктора филологических наук Н.Н. Горбачевой, основополагающим в этой теме на протяжении трех десятилетий оставался очерк «Двадцать первый» (1962–1968): «С ним генетически связаны роман «Красные петухи» (1964–1978), а также повесть «И сильно падает снег...» (1992)». Исследователь называет их «сибирскими текстами», т.е. частью «...не один век создававшегося совокупного, цельного текстового корпуса, где тема сибирского житья, образ сибирского края, место действия и художественное пространство, тип героя и другие содержательные и поэтические компоненты, будучи типологически схожими, одновременно каждый раз обнаруживают необщее выражение творческого лица своего создателя».

Темой романа «Красные петухи» стало восстание в Сибири 1921 года, имевшее официальное название «Западносибирский кулацко-эсеровский антисоветский мятеж». В «Портретах без ретуши» автор свидетельствует, что то был «слепой и жуткий мужичий бунт – вовсе не кулацко-эсеровский мятеж, а нарочито спрятанная от мира сибирская пугачевщина, народное, крестьянское восстание – закономерная, справедливая реакция сибирских крестьян на беззаконие, самоуправство, дикое насилие и издевательство над ними новой власти». В.А. Рогачев считает, что писатель был вынужден сгладить многие острые углы, вывести партию за скобки событий, памятью о советской цензуре. Иной точки зрения придерживается исследователь Ю.А. Мешков, комментируя нежелание романиста отвечать на письмо А. Солженицына, который просил передать ему материалы по восстанию: «К.Я. Лагунов оставался идеологически предан идее Коммунистической партии... и ему совсем не хотелось, чтобы собранные им материалы были использованы в антисоветском духе». При этом в романе автор с сочувствием говорит о сторонниках новой власти и осуждает мятежников. Как отмечает Н.Н. Горбачева, в тексте заметно единение христовой и чекистской правды: «обе толкуют не о том, кому и чему верить как последней инстанции истины,

а о том, как верить, – только горячо, всем существом, будучи готовым не благостно увещевать, а яростно спорить, не только грозить божьей карой, но и отыскивать земные варианты ее воплощения».

Н.Н. Горбачёва справедливо обращает внимание на образ мужицкого попа Флегонта, считая, что он преисполнен в романе особенного смысла. «Флегонт не только мужицкий поп, но и поп-мужик. Именно с ним вводится в роман мотив мужицкого рая... Рая на своей земле, сбывшегося Беловодья... Сознание Флегонта просвечено мудростью сразу Нового и Ветхого заветов. Евангелие помогает не потерять себя в горячке сегодняшнего дня: Флегонт решительно не за красных или белых, а за человек», – делает вывод Н.Н. Горбачева. Само появление такого героя в творческом сознании писателя, его статус в структуре романа являются несомненным шагом к перспективе трансформации производственного романа в роман философский.

Если говорить о композиции, то можно отметить не традиционное хроникальное разворачивание событий, а, как удачно именует его Н.Н. Горбачева, «калейдоскопическое»: повествование «неоднократно прерывается, нить рассказывания уходит в одну сторону, описывает круг и возвращается в точку останова. Таким образом, одно и то же событие удваивается, утраивается, поворачивается разными гранями в разных сознаниях и судьбах». Именно благодаря такому принципу «историческое полотно приобрело не только многоликость, но и психологическое измерение».

Третий этап в творчестве писателя – с начала 1980-х по конец 1990-х годов. В этот период писатель вскрывает противоречия в развитии нефтегазового комплекса, происходит осмысление эволюции настроений в переходное время.

Важными произведениями этого периода стали «Бронзовый дог», где ни с чем оказывается недавно счастливый и могучий Максим Бурлак, характер которого очень схож с бакутинским, и «Завтрак на траве» (1987) – текст о борьбе журналиста Мещерского с системой. А несомненно вершинным в творчестве писателя становится роман «Отрицание отрицания» (1996), где история края осмыслена в ретроспективе, на материале нескольких веков. Что касается общественного положения, то со сменой идеологии писатель, по мнению В.А. Рогачева, оказывается на обочине официальной жизни, в результате К. Лагунов «концентрирует свое внимание на нравственно-духовных процессах текущего бытия».

Стоит отметить последующие романы художника «Добыча дьявола» и «Абсурд» (1999) – это тексты о современности, нравах 90-х годов, полные размышлений об исторической ответственности перед будущим. Их пафос писатель выразил в публицистическом эссе «Через Голгофу на Олимп»: «Мы живем в жестокое, беспощадное, перекошенное время. История сдернула нас с накатанного, перспективного, разумного пути и швырнула в чудовищное зазеркалье, где все не так, как надо бы, все не по-людски, все вопреки законам и правилам цивилизованного общества... Что сильнее всего угнетает и тревожит меня ныне? Катастрофическое стремительное падение нравов. Духовное обнищание народа. Торжество звериных начал в человеке, в обществе, в стране. Заслонить, заступить откат к человекообразным может только воскресшая душа россиянина». Эти же суждения в равной степени могут быть отнесены к последнему роману Лагунова «Самоеды» (2003), выхода в свет которого он не дождался. В нем К. Лагунов концентрирует внимание на социальных бедах, среди которых искушения плоти, материальное сверхблагополучие и наркозависимость. Романист

прослеживает судьбу Павла – человека, который пытается освободиться от порока. Чудом это становится возможным: главному герою помогают любовь и церковь. Однако его жена уже не может стать другой, а Павел не в силах простить измену и уходит из жизни.

За тридцать лет творчество К.Я. Лагунова переживает серьезные изменения. Начиная как преимущественно бытописатель производства, он, не отходя от темы, открывает в ней новые стороны и перспективы. Идя от нормативной соцреалистической системы, писатель постепенно освобождается от ее догм. В его эволюции происходит сдвиг от традиционного производственного романа к философскому.

Наиболее очевидным подтверждением этой тенденции является роман «Отрицание отрицания». По свидетельствам мемуаристов, К.Я. Лагунов и в процессе создания текста, и после его опубликования в частных беседах именовал его романом философским. Сегодня обнародованы материалы того круга чтения, который был характерен для автора в годы работы над этим произведением. Речь идет о пометах К.Я. Лагунова на книге В.В. Розанова (издание 1991 года) – на страницах исследования «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». Комментируя данную публикацию, доктор филологических наук С.А. Комаров справедливо характеризует пометы как творческую лабораторию романа «Отрицание отрицания», как «мосты» к пониманию замысла данного текста.

Стержнем сюжета романа становится масштабная дискуссия о судьбе Пуровского месторождения, в которую втягиваются главные герои произведения. С одной стороны, это секретарь крайкома Серафим Бархударов, начальник нефтяного главка Виктор Вандышев и их сподвижники – те, кто дает указания по перевыполнению плана добычи нефти, живя по принципу «после нас хоть потоп». Вторую группу персонажей составляют борцы с системой, они, не обладая полномочиями первых, пытаются заявлять о пагубности подхода, который ведет к гибели месторождения, – это директор НИИ Николай Карнаузов, писатель Петр Жигулин. Через столкновение сторон завязывается «многослойный» философский конфликт, в котором участвует и молодое поколение. Вслед за характерной для эпохи проблемой взаимоотношения человека с природой поднимаются вопросы нравственности, ответственности за собственные поступки, проблема отношения к традициям и в итоге – вечные темы добра и зла, любви и ненависти, ведущие в результате к вопросу существования Бога.

Таким способом разворачивания сюжета писатель продолжает линию Леонида Леонова, в романе «Русский лес» которого «едва ли не впервые в советской (легальной) литературе ставится под сомнение правомочность и целесообразность собственно революционных принципов обновления жизни». Наблюдается и сходство в выстраивании системы персонажей. Если в романе Леонова носители противоположных идей, ученые Иван Матвейч Вихров и Александр Яковлевич Грацианский, через публичный спор о проблемах лесопользования решают глубинные задачи сохранения (Вихров) или разрушения (Грацианский) «чуда жизни», одновременно ведя скрытую борьбу за души молодежи, то в тексте Лагунова выразителями идей выступают группы персонажей, так или иначе задействованные в сфере нефтедобычи (то же природопользование, что и в романе Леонова).

Отметим, что в романе сибирского автора акцент на борьбе за умы молодых людей не ставится: новое поколение выступает скорее индикатором влияния действующих парадигм. Дети Бархударова (сын явно, а дочь – в

молчаливом согласии с братом) становятся на противоположные семье позиции, выступая за смену построенного на лицемерии строя (показное равноправие, лживость лозунгов). Выращенная в рабочей семье Карнауховых Эля, напротив, отрекается от любящих родственников, кончая жизнь самоубийством после предательства несостоявшегося мужа Гария Юрьевича Барбьека – внука легендарного геолога-первооткрывателя Галия Юльевича. Гарий же представляет собой «усовершенствованную» возрастом и воспитанием в роскоши его копию: обоим героям свойственны высокомерие, тщеславие, страсть к богатству, отсутствие нравственных принципов и т.п. Тем самым можно отметить использование прозаиком приемов для формирования проблемной зоны текста, знакомых читателю по философскому роману Л. Леонова «Русский лес», писателя, чье собрание сочинений было в личной библиотеке автора «Отрицания отрицания».

К. Лагунов вводит и другие приемы, способствующие философизации жанра. Например, идентичность образов двух Барбьеков, зафиксированная и выбором их имен. Современники улавливали, что Лагунов работал с реалиями, относящимися к эпохе, слегка видоизменяя имена всем известных персонажей, и «был в состоянии поднять руку, то бишь перо, на местных громовержцев».

В романе «Отрицание отрицания» писатель экспериментирует с поэтикой имени, через антропонимы читателю становятся понятными не только характеры героев, но и их социальное положение или политические взгляды. К. Лагунов открывает новый для себя прием: придание гротескного характера произведению посредством использования необычных для героев имен. В том числе это употребление составных имен, как, например, Чеболтанов. Одной из особенностей антропонимии романа является широкая ассоциативность имен и фамилий. Выбрав имя и этим определив характер героя, писатель выдерживает образ в заданных семантических рамках.

При озаглаивании романа К.Я. Лагунов обращается к культурному символу. Отрицание отрицания – один из главных законов диалектики, в гегелевской и марксистской философии он понимается как возвращение объекта в процессе его развития к старому качеству на высшей ступени. В романе это выражается через параллельность историй, которые разделяют три сотни лет. События жизни юродивого Геши Пелымского, принявшего смерть за правду, повторяются на новом витке истории, когда писатель-правдоборец Петр Жигулин погибает, руководствуясь принципом «делай, что должно».

Текст провоцирует еще одно прочтение заглавия. Описываются события перестройки, являющей собой, по версии автора, отрицание социалистического прошлого страны. Перед читателем предстают картины разложения нравов, торжества индивидуализма, хищничества, в том числе и в отношении сибирских природных ресурсов. Некоторые из героев пытаются этому препятствовать, тем самым отрицая такое положение вещей. Происходит двойное отрицание, которое вопреки закону логики не ведет к утверждению.

Эпиграф романа взят автором из обращения А.И. Герцена, одного из самых «философских писателей» России, к сыну, это фрагмент предисловия к сборнику статей «С того берега»: «Не ищи решений в этой книге, их нет в ней, их вообще нет у современного человека. То, что решено, то кончено, а грядущий переворот только что начинается». К.Я. Лагунов понимает, что «большое видится на расстоянии», поэтому, живя в разгар описываемых

событий, в условиях «открытой современности», лишь констатирует отрицание отрицания.

В романе писателя, в отличие от предыдущих его опытов, появляются названия у глав и книг (текст написан в двух книгах). Первая книга романа имеет заглавие «Триумф», вторая именуется «Крах». Читатель может отнести это к определению состояния такого героя, как Серафим Бархударов, имеющего значительное влияние при Брежневе, но ушедшего с появлением Горбачева. Роман начинается с размышлений этого персонажа и заканчивается ими же, только в последнем случае они приводят к его самоубийству. Бархударов являет собой образ системы, которая изжила себя. В завершающей главе («Последняя точка») Серафим Венедиктович осознает свое бессилие, понимает, что «двурушника Меченого» взрастила его система, что и он своим молчанием помог совершить переворот. Одновременно приходит осознание зря прожитой жизни, в результате – трагический исход.

Первая книга романа состоит из 26-ти глав, вторая – из 13-ти. Каждая заслуживает особого внимания. Отметим лишь стилистику заголовков: «Триумвират», «А Бог судил иначе», «Пуровские страдания», «На алтарь Отечества» и т.д. К.Я. Лагунов был убежден в том, что писатель – это трибун, и он не боялся открыто озвучить свое писательское мнение. Время пафоса борьбы, резких оценок, лозунгов и призывов – все это не могло не повлиять на стиль мастера слова.

В его тексте нет нерассуждающих героев. Каждое рассуждение занимает в среднем по 5–10 страниц книги – очевидно, что романист уделяет большое внимание этой композиционно-речевой форме. Писатель пытается ее разнообразить, используя новые для его творчества приемы (письма, разговоры с умершими до изображаемых событий персонажами и др.), появляется больше комментариев повествователя, близких зачастую к так называемым авторским отступлениям.

Помимо новых форм, возникают и новые темы рассуждений. В тексте, если сравнивать его с предшествующими романами («Больно берег крут», «Бронзовый дог» и др.), смещаются акценты: теперь на первом месте у рассуждающих героев не производство (хотя от этой проблематики писатель не отказывается), а те процессы в стране, свидетелями которых персонажи являются (время распада СССР). Следует отметить, что на страницах «Отрицания отрицания» появляются рассуждения совершенно разных героев о душе и Боге. Именно в данной сфере читателю предлагается автором искать выход – на это ориентированы размышления и последние действия Петра Жигулина. В этом плане характерны мистическая сцена встречи Жигулина с Гешей в присутствии Христа и описание души юродивого, вошедшей в тело писателя.

Поскольку целые страницы романа посвящены рассуждениям о смысле и правде жизни, мироздании и человеческой сущности, закономерно, что эти абстрактные лексемы становятся весьма частотными в произведении. Для иллюстрации универсальности современных процессов в романе появляется параллельная история юродивого Гешы Пелымского, случившаяся на этой же северной территории: «За два с половиной столетия лишь внешне мир неузнаваемо переменялся, многие пророчества автора Апокалипсиса Иоанна Богослова сбылись, но венец мироздания – ЧЕЛОВЕК – остался прежним, как двести, пятьсот, тысячу лет назад. Даже меж знакомыми людьми я нахожу характеры и судьбы, годные в действующие лица той давней трагедии с Гешей Пелымским в главной роли».

С Гешей романист сопоставляет писателя Петра Жигулина, который, как и юродивый, «взошел на Голгофу», узнав о мафии, бесчинствующей в маленьком северном городке, и решив во что бы то ни стало донести эту правду до народа. В рамках этой сюжетной линии используются абстрактные лексемы *путь, борьба, поиск, жизнь, смерть, вера, сомнение, необъяснимое, судьба, правда, закон, подлость, лицедейство, мироздание* и т.д., что создает эффект метафизичности повествования.

Для понимания основы романа принципиально важен концепт «будущее». Осмысление происходящего в политической (перестройка) и тесно связанной с ней производственной сферах с размышлениями о прошлом страны (времена самодержавия, годы правления Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева) и ее судьбе – в это вовлечены все главные персонажи произведения. Стержневые абстрактные лексемы, которые используются в данном контексте в рассуждениях героев: *террор, насилие, трусость, сила, смелость, воля, реальность, судьба, роковой курс, интересы, новое мышление, благополучие, перестройка, ломка, развал, дозвлет, внедрять, прививать, опыт* и другие.

Если, к примеру, в одном из знаковых в творческой судьбе писателя романов «Больно берег крут» в первую очередь рассуждения героев касаются производства, а важные слова о смысле бытия произносит буровик, то в «Отрицании отрицания», напротив, выразителем главной идеи выступает человек, далекий от производства, – писатель. Тематика рассуждений героев расширяется до критики курса, которым пошла страна, до места человека в государственной системе, до более осмысленного понимания основ человеческого бытия. При этом философских проблем касаются практически все персонажи романа.

Согласно М.М. Бахтину, роман представляет собой «многостильное, разноречивое, разноголосое явление», но где автор удерживает, сплавляет в целое это «разноязычие». К.Я. Лагунов, по свидетельству близких, видел себя прежде всего романистом, продолжателем традиций русского философско-идеологического романа. В этом смысле его творческий путь вполне соответствует внутренним устремлениям художника, оставшегося «с веком наравне» и честным «пред Богом и людьми».

Из частной переписки К.Я. Лагунова 1960-1980-х гг.

В.П. АСТАФЬЕВ – К.Я. ЛАГУНОВУ

Дорогой Константин!

Телеграмму твою мне привезли вчера в деревню, где я нахожусь третий день. Ответить отсюда телеграммой нет возможности, поэтому я пишу письмо.

Я чрезвычайно благодарен тебе за хлопоты, но, к великому сожалению, должен извиниться перед тобой за них и пока отказаться от переезда в Тюмень.

Дело в том, что жена оказала мне самое упорное противодействие, когда я рассказал ей о Тюмени. Мы восемнадцать лет прожили в чудовищной провинции, и она, естественно, боится её, да и я тоже. Ведь у всех нас, в том числе у меня, большой недобор культуры, так необходимой в жизни и работе писателя, и в этом случае тяжелый город Пермь куда интересней Тюмени. В общем, мне пришлось уступить жене, жена есть жена, да ещё к тому же не оправившаяся после тяжёлой болезни, и она вправе утверждать, что переезд уложит её в больницу. Мечту о переезде куда-либо я по-прежнему лелею, но пока не может она осуществиться.

По приезде из Тюмени получил добрую весть из «Нового мира», там вроде бы настроены печатать мою новую повесть, и если Твардовский вслед за редколлегией скажет «добро», значит, начнётся редактура.

А пока готовлюсь к поездке в Дубулты.

Ещё раз прошу извинить за то, что я обременил тебя хлопотами, но ты – человек семейный и меня поймёшь, надеюсь.

Привет всем Вашим хорошим парням, и твоей семье привет.

Жму руку.

В. Астафьев.

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН – К.Я. ЛАГУНОВУ

5.04.71

Многоуважаемый
Константин Яковлевич!

От Александра Трифоновича Твардовского я знаю, что Вы подавали в «Новый мир» чрезвычайно интересные материалы о крестьянском движении в Сибири в 1920–1921 гг., которые, однако, не могли быть напечатаны.

Сейчас А. Т. очень серьёзно болен, и я не имею возможности установить, не остались ли эти материалы в его собственном архиве (в журнале их нет). А вероятнее всего, Вы взяли их назад.

Моё имя (Солженицын), я думаю, Вам в какой-то степени тоже известно и о чём-то говорит. Меня заинтересовали Ваши мемуары потому, что я работаю над сходной темой – те же годы, то же крестьянство, только не в Сибири, – и я предполагаю, что много относится к моей губернии, должно быть схоже. Эта эпоха и эта тема у нас не получила освещения правильно, и наш общий долг перед историей – сохранить и осветить, что можно.

Я прошу Вас подумать: могли бы Вы эти материалы дать мне для прочтения и для использования в любой той мере, которую Вы мне назначите?

Я мог бы взять на себя перед Вами обязанность и такую: сохранить Ваши мемуары неопределённо долгое время с тем, чтобы обеспечить их публичность, как только появятся первые условия для того.

Буду очень Вам благодарен за коротенький письменный ответ по адресу: Москва, Г-435, ул. Большая Пироговская, 37/43, корпус Б, кв. 60 Аничковой Наталье Мильевне (у меня своей квартиры в Москве нет, а в Рязани я не живу).

В случае Вашего благополучного решения, думаю, не будем пересылать мемуары по почте, а подождём оказии: поездки ли какого-нибудь моего знакомого в Тюмень (есть и жительница Тюмени, которую я могу попросить при случае), либо Вашей или Вашего знакомого – в Москву, и тогда занести по этому же адресу.

Жму руку!

С самыми добрыми пожеланиями

(Подпись А.И. Солженицына)
г. Казань-15,
ул. Галактионова, д. За, кв. 12.

В.Я. ЛАКШИН – К.Я. ЛАГУНОВУ

Многоуважаемый
Константин Яковлевич!

Спасибо за книгу. Вспоминаю, как был увлечён А. Тр. полученным когда-то от Вас материалом о сибирском мятеже. Теперь, как я понял, этот давний интерес к теме трагической и почти непочатой привёл Вас к роману, который я прочёл с немалым интересом.

Каковы бы ни были художественные достоинства этой вещи (она неровна, на мой взгляд), размах событий, сила сибирских характеров и правдивая документальность в поворотах событий, которая ощущается и под романическим переплётom фабулы, делают её произведением значительным. О причинах мятежа говорить трудно – но Вы во всяком случае не свели их к какой-то одной тривиальной формуле, а фигура Флегонта, проходящая через всю книгу, оказалась многоговорящей для тех, кто умеет слушать.

Рад поблагодарить Вас и крепко, дружески пожать руку.

20 января 1979 г.
В. Лакшин.

Ф.А. АБРАМОВ – К.Я. ЛАГУНОВУ

Дорогой Константин Яковлевич!

С самым живейшим интересом прочёл Ваш очерк. Значение его трудно переоценить: ведь если не ошибаюсь, это первая работа, первое исследование о сибирском восстании 21-го года, о котором многие у нас и слыхом не слышали. И приходится только удивляться, как Вы один своротили такую глыбищу. Воистину богатырское деяние!

Но вот что меня смущает, К.Я.: не упрощаете ли Вы слегка историю? Во всём виноваты эсеры – то и дело твердите Вы. Так-то оно так, кто же будет защищать эсеров. Но разве эсеры довели крестьянство до трагической безысходности?

Нет, нет, нам ещё придётся, и не раз, вернуться к теме: судьба русского крестьянства в революции, если, конечно, мы хотим хоть что-то понять в многострадальной истории нашей.

Простите, что отвечаю с запозданием. В сентябре я перенёс тяжёлую операцию и только на днях вышел из больницы, а в августе меня вообще не было в Питере.

Нельзя ли Вашу работу оставить у себя? Ведь такие исследования, как Ваше, надо читать и читать.

Всего доброго!

18/X-1982 г.
Ф. Абрамов.

P.S. Не думаю, что Вам удастся в скором времени напечатать Ваш очерк. Спасибо за то, что сделали.

Ф.А.

Комментарии

I

Письмо относится к периоду второй половины 1960-х годов, когда оба прозаика мыслили себя авторами «Нового мира». К.Я. Лагунов воспринимался на тот момент в качестве автора известной новомирской публикации «Нефть и люди» (1966, № 7), то есть человека, получившего «добро» от самого А.Т. Твардовского – не случайно имя главного редактора журнала будет выступать в частной переписке литераторов военного поколения как своеобразный пароль.

Принадлежность к одному поколению и крестьянское происхождение, прорыв в «большую» литературу из сибирской провинции порождали в отношениях В.П. Астафьева и К.Я. Лагунова достаточную степень доверительности, их разговор в переписке на «ты».

Возглавив в 1963 году областную писательскую организацию, К.Я. Лагунов был искренне заинтересован в укреплении её авторитета именами, могущими иметь всесоюзную известность, а также связанными с сибирской почвой корнями и потому не рассматривающими Тюмень как исключительно временную площадку местопребывания. В.П. Астафьев, к тому же, мог стать цементирующей фигурой в поколенческой тюменской военной связке (И.М. Ермаков – К.Я. Лагунов).

Внутри местного писательского цеха сложился в 1970-1980-е годы достаточно устойчивый миф о соперничестве и принципиальной конфликтности отношений между И.М. Ермаковым и К.Я. Лагуновым. Он поддерживался и формировался преимущественно представителями следующего поколения литераторов в регионе, которые по разным субъективным причинам нуждались в знаковом неофициальном противовесе руководителю организации. Ермаков же, в отличие от более молодых коллег, пытался понять особенности творческого дара К.Я. Лагунова. Так, он считал, что в силу генетически слабого зрения у Лагунова страдает непосредственный зрительный образ, а потому текстовая ткань у него насыщается образами мыслимыми, создаваемыми «крупными мазками» и скрепляемыми жесткими композиционными решениями. Придерживаясь различного по характеру режима творческого общения с коллегами (Лагунов избегал писательских застолий и соответствующих им разговоров), в кризисных

ситуациях оба литератора апеллировали к поддержке и опыту друг друга. Так, в 1970-е неожиданно получив от заграничного «Посева» письменное приглашение к сотрудничеству, что в советских условиях не могло рассматриваться иначе как компрометирующий «советского литератора» знак, И. М. Ермаков, будучи как минимум в растерянности, обратился за советом и поддержкой именно к К. Я. Лагунову.

Характер публикуемого письма, упор его автора на духовно-семейные обстоятельства и вера в то, что адресат поймёт значимость этого лично-доверительного контекста, свидетельствует, во-первых, об инициативности приглашения К. Я. Лагуновым В. П. Астафьева в Тюмень и его действительных «хлопотах» относительно данного проекта, во-вторых, об отсутствии у него одномерного ревностного отношения к творческим успехам коллег, в-третьих, о его установке руководствоваться преимущественно деловыми соображениями при решении важных общественных вопросов.

II

Письмо А. И. Солженицыным написано в промежуток после снятия А. Т. Твардовского с должности главного редактора «Нового мира» (1970) и его уходом из жизни в 1971 году. Не будучи лично знакомым с К. Я. Лагуновым и понимая как сложность своего положения в стране, так и риски для адресата относительно прямых связей и передачи письменных материалов лицу, находящемуся «под опекой» силовых структур СССР, А. И. Солженицын проявляет, с одной стороны, исключительную деликатность в обращении и предложении вариантов для контактирования, с другой стороны, настойчивость и целеустремлённость в получении необходимых и ценных материалов. Незначительная возрастная разница между писателями (шесть лет), принадлежность обоих к кругу авторов «Нового мира», посвящённость А. Т. Твардовского в их документально-исторические проекты – всё это создало необходимое духовно-личностное поле для потенциального диалога.

К. Я. Лагунов достаточно подробно изложил «историю» своих отношений с А. Т. Твардовским в первой главке «Шило в мешке» документально-публицистической повести «И долго падает снег...». Напомним основные звенья этого рассказа:

«Я встретился с ним во второй половине декабря 1968 года. Слушая мой рассказ о событиях 1921 года, Александр Трифонович волновался всё сильнее и сильнее: непрестанно курил, нервно вышагивал по кабинету и то перебивал меня вопросом, то вставлял хлесткие, едкие реплики. Трагедия сибирских крестьян зацепила его за живое: он не скрывал своего гнева по поводу тех, кто толкнул мужика «к топору». Под занавес я вручил ему экземпляр рукописи.

С тем мы и расстались. А наутро Александр Трифонович позвонил мне в гостиницу и пригласил в редакцию. Оказалось, он за ночь прочёл рукопись в семь авторских листов, да не по-читательски, а по-редакторски прочёл. И снова мы долго и увлечённо разговаривали о восстании. На прощание Твардовский сказал: «Срочно доделайте. Уберите беллетристику. Больше документов, фактов, цифр, биографий. Доделаете – присылайте мне. Трудно, конечно, будет его напечатать, чем-то придётся поступиться, но я напечатать...».

Как бесценную реликвию храню я тот экземпляр рукописи с пометами и правками Александра Трифоновича. На последней странице он написал: «В целом – сильно.

Слабизны:

- 1) «беллетристика»,
- 2) «пустоутробие» – газетчина, фальшивая эмоциональность: «это он...» и т.д.,

3) больше мяса – историй, случаев, эпизодов, биографий, меньше «пропаганды»,

4) язык, стиль («кои», «ибо», «крававые», «подлые» и т.п.).

Прочтите для образца «Историю Пугачёва», «Письма из деревни» Энгельгардта, «О. Сахалин...». А.Т.».

Заместитель главного редактора «Нового мира» А.И. Кондратович в дневниковых записях конца декабря 1968 года свидетельствует о неоднократности возвращения А.Т. Твардовского в те дни к разговору о рукописи К.Я. Лагунова и его личности: «Удивительно, что всюду есть люди, которые что-то роют, ищут, находят, хотя никто их не заставляет этого делать. Наоборот. Ничего они сейчас за это не получают. Вот и Лагунов из таких. Он шесть лет копал и откопал что-то вроде Пугачевского бунта у нас в 1921 году»; «Посвятить не один год изучению безнадёжного с точки зрения публикации материала, – для этого надо иметь немалое мужество. Я бы, не сомневаясь и не раздумывая, дал ему за эту рукопись кандидатскую степень, а может, и докторскую». А вот что пишет К.Я. Лагунов о событиях после переработки им рукописи очерка «Двадцать первый» и возвращения её Твардовскому: «В телефонном разговоре со мной Александр Трифонович сообщил, что есть положительные рецензии учёных, и очерк будет опубликован сразу после юбилейного номера журнала, посвящённого столетию со дня рождения В.И. Ленина. (Иными словами, после апреля 1970 года – С. К.).

Но увы. Этому не суждено было сбыться. Александра Трифоновича оторвали от «Нового мира». (...)

Встретясь на съезде российских писателей в 1970 году, Александр Трифонович сказал мне: «Не отчаивайтесь. Не всё потеряно. Пусть рукопись останется у меня, я постараюсь её обнародовать. Как-никак, а всё-таки я – Твардовский...».

Вскоре он тяжело заболел».

В этот момент и пришло К.Я. Лагунову письмо А.И. Солженицына, которое осталось без ответа. Свои мотивы и тактику поведения К.Я. Лагунов в той же документально-публицистической повести «И долго падает снег...» представляет так: «Мне не хотелось отдавать выстраданную рукопись в чьи-нибудь руки, и я уговорил жену Твардовского взять рукопись из бумаг Александра Трифоновича с условием, что после доработки я её возвращу. Но вскоре оказалось, что возвращать-то некому...». К.Я. Лагунов продолжал пытаться легально продвинуть своё детище в печать, в различные «толстые» журналы страны, но это было безуспешно и в 1970-е, и 1980-е годы.

III

Исторический материал крестьянского восстания в Тобольской губернии в 1921 году лег в основу романа К.Я. Лагунова «Красные петухи», изданного Средне-Уральским книжным издательством в 1978 году пятидесятысячным тиражом. Даты работы над произведением автор обозначил в конце книги: 1964 – 1978 гг. В центре данного романа неожиданная для «советской литературы» тех лет фигура мужицкого попа Флегонта.

Именно эту книгу К.Я. Лагунов послал одному из ведущих сотрудников редколлегии «Нового мира» времён Твардовского – В.Я. Лакшину.

Письмо В.Я. Лакшина чрезвычайно деликатно по отношению к «художественным достоинствам этой вещи», но автор письма понимает и знает контекст создания книги, новизну исторического материала, вводимого К.Я. Лагуновым в широкий общественный оборот, жёсткость тех условий, в рамках которых роман только и мог пробиться к читателю, поэтому и оценивает книгу-поступок сибирского прозаика как «произведение значительное».

В.Я. Лакшин достаточно открыто обнаруживает наличие в культурной коммуникации тех лет особого языка между редакцией Твардовского и авторами «Нового мира», между писателями и читателями страны – это особая техника «многоговорения» «для тех, кто умеет слушать». Во всяком случае автор письма относит К.Я. Лагунова к прозаикам, способным говорить на этом языке, к людям данного круга и данной культуры мышления.

IV

Желание продвинуть очерк «Двадцать первый» всё более заставляло К.Я. Лагунова спрямлять и упрощать авторские оценки исторических событий. Но показательно, что он в поисках поддержки обращается к действительным знатокам «судьбы русского крестьянства» в XX веке, каким несомненно был Ф.А. Абрамов. Автор письма трезво оценивает перспективы публикации данного очеркового текста, поэтому и акцентирует внимание К.Я. Лагунова на необходимости более точного понимания сущности исторических событий и углубления их интерпретации, что будет востребовано, хотя и не сейчас. Он понимает усилия своего сибирского собрата по поколению как необходимые и верные для развития страны в её духовной перспективе и потому в постскриптуме выражает особую благодарность за эти личностные усилия.

* * *

В целом данная переписка К.Я. Лагунова обнаруживает духовную причастность литераторов из Сибири к тому слою русской духовной культуры, что поддерживал и выражал в 1960 – 1980-е годы заботу об органичности и преемственности исторического фундамента страны, который неотъемлем от судьбы крестьянской цивилизации в ней. Как известно, в 1968 году К.Я. Лагунову секретариатом Союза писателей СССР было предложено стать главным редактором журнала «Наш современник», однако сибирский прозаик отказался от этого заманчивого предложения. В результате журнал возглавил Сергей Викулов, хотя очевидно, что и в духовном сознании К.Я. Лагунова содержались «готовности» к выполнению данной миссии.

*Подготовка текста к публикации и комментарии С. А. Комарова,
доктора филологических наук.*

ЧЕЛОВЕК И ВЕРА

Николай ПАЧЕЖЕРЦЕВ

МОРМОНЫ В СИБИРИ

На юге Тюменской области функционирует официально зарегистрированных 184 религиозных объединения. Из них православных – 83 (РПЦ МП – 78, РПЦЗ – 4, РПСЦ – 1), мусульман – 52. Остальные – представители протестантизма и новых религиозных движений, в т.ч. такие структуры, как «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней» и «Свидетели Иеговы» по 1 организации в г. Тюмени, которые как протестантскими организациями, так и православием не признаются в качестве христианских направлений. По данным «Центра Апологетических исследований», самая массовая религия в России – православие (75% опрошенных считают себя её последователями), 8% составляют мусульмане. К какому-либо другому вероисповеданию себя относят не более 1-2% респондентов.

В 1968 г. американские социологи религии Р. Старк и Ч. Глок уточнили и детализировали пять «индикаторов» религиозности: 1) вера (принятие доктрин), 2) практика (ритуальная и молитвенная), 3) опыт (например, общение с Богом), 4) знание (прежде всего религиозной культуры) и 5) результат (образ жизни). Социологи считают, что значение религиозного фактора в секуляризованном обществе, в котором вера стала для многих лишь культурным символом, невелико. Поэтому «численность практикующих верующих по России составляет: православных – 3-15 млн; староверов – 50 – 80 тыс.; протестантов – более 1,5 млн; иудаистов – 30 тыс.; мусульман – не более 2,8 млн; буддистов – не более 500 тыс.; авторитарно-организованных НРД (новых религиозных движений) – не более 300 тыс. человек». Социологи полагают, что разрыв между громадной ролью религии и слабой религиозностью будет усиливаться и в будущем может привести к антирелигиозной реакции. На сегодняшний день россиянам присущ упрощённый тип религиозного мышления, и лишь незначительный процент жителей страны выбирает консервативный (дедуктивный) путь.

Отсюда понятно, что открывается поле для деятельности новых религиозных движений, в частности «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» (более известной как «мормоны»), а также «Свидетели Иеговы» утверждающие, что лишь они являются истинными христианами, а их религиозное мировоззрение правильное, что все остальные христианские деноминации неверны. В частности, необходимо отметить, что «термин «маргинальный протестантизм» используют многие религиоведы для обозначения религиозных течений, вышедших из протестантизма, но в своих верованиях достаточно далеко отошедших от основных догматических положений протестантизма и христианства в целом. Эти группы иногда называют также паракристианскими, квазихристианскими или псевдохристианскими. Отличительной чертой маргинальных протестантов является то, что они либо дополняют Библию иными источниками Божественного откровения, либо вообще заменяют её собственными писаниями. Вероу-

чения этих групп (или сект, как часто их называют) обычно включают в большей или меньшей мере христианские доктрины (веру в Иисуса Христа, его мученическую смерть на кресте, последующее воскресение и др.).

Но наряду с христианскими положениями у разных конфессий маргинального протестантизма имеются и догматы, совершенно не совместимые с христианством (неприятие Святой Троицы, отрицание Божественности Иисуса Христа, а иногда даже и многобожие). Очень часто основатели некоторых из конфессий маргинального протестантизма претендуют на то, что сами являлись свидетелями Божественного откровения, на основе которого якобы и создали свое вероучение... Численность маргинальных протестантов, по приблизительным оценкам, составляет около 100 млн человек; особенно распространен маргинальный протестантизм в США, но некоторые из групп весьма активно действуют на территории стран СНГ» [5, 143-144].

В г. Тюмени официально функционирует религиозная организация «Церкви Иисуса Христа Святых последних дней» (регистрация 03.12.1998 года). Помещения для богослужений и собраний указанной религиозной организации постоянно меняются, арендуя исходя из имеющихся материальных возможностей религиозного группирования. По уставу данная религиозная организация занимается следующими видами деятельности: проповедь Евангелия Иисуса Христа в соответствии с учением ЦИХСПД; совершение богослужений, религиозных обрядов и церемоний; распространение вероучения церкви, контроль за пребыванием в г. Тюмени иностранных граждан; благотворительность. Предпринимательской деятельностью организация мормонов не занимается, расчетного счёта не имеет.

После прохождения регистрации в органах юстиции в декабре 1996 года началась активная пропагандистская деятельность миссионеров и сторонников ЦИХСПД в регионе. С 1999 г. по 2003 г. численность мормонской общины ежегодно увеличивалась примерно на 20-30 человек. С 1999 г. члены организации мормонов г. Тюмени совместно с миссионерами совершают миссионерские поездки по региону, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

В настоящее время активность миссионеров снижена, привлечение в религиозную организацию новых адептов осуществляется крайне слабо. Так, в 2011 г. было крещено не более 5 человек. Актив церкви составляет 10-15 человек. Основная часть религиозной организации мормонов – это женщины в возрасте 30-50 лет. Большинство членов церкви по национальности русские, но есть также татары, азербайджанцы, украинцы. В тюменском приходе мормонов действуют следующие структуры, являющиеся составной частью группирования: «Общество милосердия» – женщины от 18 лет и старше; «Общество молодых женщин» – девушки от 12 до 18 лет; «Первоначальное общество» – дети прихожан от 0 до 12 лет; «Общество священства» – мужчины прихода в священстве Аароновом (как правило, мальчики и юноши 12-14 лет) и в священстве Мелхиседековом (мужчины от 18 лет и старше).

Источниками финансирования по Уставу являются добровольные взносы и пожертвования членов организации («десятина» является обязательной для всех адептов Церкви), а также денежные средства и иное имущество, полученное от Екатеринбургской миссии ЦИХСПД и Ассоциации Церквей ИХСПД (Москва). На практике члены организации регулярно платят «десятину», которая расходуется согласно уставу. Оплата аренды помещений для собраний членов организации осуществляется миссией

ЦИХСПД г. Екатеринбурга. В 2006-2011 гг. миссионеры из-за рубежа приезжали, в основном, по приглашению церкви Иисуса Христа Святых последних дней в количестве не более 10-15 человек в год. Отмечается, что руководством Екатеринбургской миссии решено приглашать в качестве миссионеров граждан России и СНГ [4].

На территории Тюменской области первые мормоны-миссионеры появились в декабре 1996 г. (с момента регистрации указанного религиозного объединения), которыми в г. Тюмени был основан пока единственный официально зарегистрированный приход Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (более известной среди населения, как «Церковь Мормонов», в дальнейшем – ЦИХСПД). На сегодняшний день списочный состав тюменской общины включает в себя более 130 членов Церкви, в число которых входят представители русского, украинского, азербайджанского, татарского и еврейского этносов.

Привлечение в религиозную организацию мормонов представителей различных этносов, проживающих на территории Тюменской области, связано не только с активной миссионерской деятельностью Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, но также и с установками мормонов в отношении решения т.н. национального вопроса, согласно которому все представители рода человеческого мужского пола имеют возможность «стать священником, независимо от расы или нации» [1, 115]. Член Кворума Двенадцати ЦИХСПД, старейшина Говард Хантер учил, что «все люди приглашены прийти к Нему и все люди созданы по Его образу и подобию. *Ни расовая принадлежность, ни цвет кожи, ни национальность не имеют никакого значения. Мы в буквальном смысле являемся братьями и сестрами. Мы все одной крови, и все буквально потомки нашего вечного Небесного Отца.* До того как мы пришли на эту Землю, мы принадлежали к Его вечной семье. Там мы общались и знали друг друга. Наши общие родители делают нас не только буквальными сыновьями и дочерьми Вечного Бога, *но также буквальными братьями и сестрами. Это одно из основополагающих учений ЦИХСПД*» [цитируется по: 2, 472]. Исходя из существующих установок ЦИХСПД, миссионерами проводятся мероприятия, направленные на привлечение в религиозную организацию новых людей. Чтобы понять механизм привлечения в организацию ЦИХСПД новых членов, необходимо разобраться с методикой подготовки миссионеров в религиозной структуре мормонов.

У религиозного группирования ЦИХСПД существует программа миссионерской работы, согласно которой в группу миссионеров входят только члены Церкви – юноши и девушки в возрасте от 19 до 26 лет разных стран и культур, осуществляющих миссионерскую работу безвозмездно в различных уголках земного шара. Общая продолжительность миссионерской деятельности рядового мормона-миссионера продолжается от полутора до двух лет. Участники миссионерского служения не выбирают место своего служения, а направляются непосредственно религиозной организацией. [более подробно см.: 4]. Миссионеры, прежде чем пойти на миссионерскую работу, проходят индивидуальную подготовку в Центре подготовки миссионеров, где ими изучаются основы языка, традиции и обычаи той страны, в которой предполагается служение юношей и девушек в качестве миссионеров церкви. Установка миссионеров на изучение обычаев и традиций, а также знание языка той местности, где им придется проходить служение, обуславливает, как правило, положительный результат их работы. В этом смысле мормоны считают, что «если раньше все, что требовалось от пер-

спективного миссионера, – это личное достоинство и праведность, то сейчас это всего лишь необходимый минимум... время до и после миссии – это его (т.е. миссионера – Н.П.) личное время, а время на миссии полностью принадлежит Богу» [2, 25]. Для квалифицированной подготовки миссионеров религиозной организацией ЦИХСПД подготовлено специальное пособие на русском языке под названием «Подготовка миссионеров. Пособие для учащихся», включающее в себя 14 глав, которые раскрывают не только вопросы теологического характера, но также обучают миссионеров по вопросам физической и эмоциональной подготовки, связанной со значительными психоэмоциональными и физическими нагрузками во время пребывания на миссии, особенно в России и странах СНГ.

Работа миссионеров ЦИХСПД на территории постсоветского пространства связана с проблемами, характерными только для этих стран. Очевидно, что руководством ЦИХСПД в России понимается, что миссионерская деятельность отличается от аналогичной в США, поэтому «в случае стран бывшего СССР очень важно не переносить американские стандарты на наши условия» [2, 222]. В частности, мормонским аналитиком Дерексом Руфусом отмечаются имеющиеся проблемы, с которыми приходится сталкиваться миссионерам в повседневной практике, в частности, «из более чем тридцати тысяч членов Церкви в странах бывшего СССР не просто десятки, а сотни людей присоединились к ЦИХСПД: 1) рассчитывая уехать за границу; 2) намереваясь получить гуманитарную помощь через Церковь; 3) оказывая «личную услугу» понравившимся миссионерам; 4) планируя получить хорошую зарплату за работу в Церкви; 5) становясь «экспертом» и в мормонизме, как в очередном занимательном учении; 6) побивая все рекорды по количеству крещений в разных церквях (вдруг какая-то из них истинна, так что лучше перестраховаться; 7) из-за влюбленности в какого-нибудь миссионера; 8) из-за того, что понравились люди или круг общения в каком-либо из приходов; 9) из-за желания реализовать себя и доминировать над слабейшими, так как личные комплексы не позволили раньше самореализоваться в жизни и достичь успеха, никого не притесняя; 10) для утоления личной жажды власти и т.д. и т.п. Это только некоторые из возможных мотивов, но покажите мне хотя бы один приход из 14-ти миссий Восточноевропейской территории, где не было бы хоть одной из вышеперечисленных проблем! Таких приходов там попросту нет, и более того, подобные причины для крещения существуют далеко не в единичном варианте чуть ли не в каждом из этих приходов!» [2, 31-32]. Руководством мормонских миссий, расположенных в России, проводится работа не только по активизации миссионерской деятельности миссионеров ЦИХСПД, но также и с членами религиозного группирования на местах, организуя на плановой основе встречи, общение между людьми, дополнительное их обучение, а также совместный с миссионерами отдых. [3]. На все мероприятия, проводимые приходами ЦИХСПД, приглашаются не только члены Церкви, но также заинтересовавшиеся данным учением прозелиты, поскольку, как считают мормоны, «количество и качество новообращенных зависит от эффективности совместных действий миссионеров полного дня и местных членов ЦИХСПД» [2, 38]. Деятельность ЦИХСПД на местах исходит не только из-за имеющихся у них программ по обучению прозелитов, по организации отдыха, по реализации программ по обучению, по благосостоянию и т.д., но прежде всего из-за того, что «ЦИХСПД – Божественная организация, исповедующая принцип порядка и иерархии. Мы поддерживаем наших руководителей и

действуем в рамках нашей зоны влияния» [2, 132-133]. Более продуманной работы, направленной на организацию миссионерской деятельности религиозного объединения в новых социальных условиях, не имеет ни одно из официально зарегистрированных религиозных группирований, в т.ч. как традиционных для региона (такие, как ислам, православие), так и для России в целом. Мормоны считают, что именно их религия является истинной, восстановленной первоначальной религией христианства, которую необходимо распространять по всем народам Земли. Поэтому мормонское учение миссионерами распространяется не только среди христиан и мусульман (по происхождению). В частности, на сегодняшний день руководство тюменского прихода ЦИХСПД полностью состоит из бывших мусульман, азербайджанцев по национальности. В ходе беседы с первым советником Президента прихода Ибрагимовым Исмаилом Сулейманом-оглы, последний сообщил, что миссионеры ЦИХСПД после бесед дают время для принятия окончательного решения о крещении бывших мусульман в ЦИХСПД. Ему, ранее традиционно исповедовавшему ислам, пришлось ждать крещения полгода после проведенных с ним бесед миссионерами Церкви. Со слов Ибрагимова И.С., тюменский приход ЦИХСПД посещается не только русскими и украинцами, но и татарами, азербайджанцами, и евреями. В ЦИХСПД приходят лица вне зависимости от национальности и расы, поскольку «она истинна».

По мнению мусульманина, занимающего ответственный пост в кабинете министров египетского правительства, которое он сообщил члену Кворума Двенадцати Говарду Хантеру, «что если между христианством и исламом когда-нибудь будет возведен мост, то он должен быть построен Мормонской Церковью» [цитировано по: 2, 473]. ЦИХСПД ставит перед собой задачу по организации миссионерской работы из числа лиц (вне зависимости от их мусульманского, православного либо иного вероисповедания, которое исповедовалось ранее), проживающих на территории миссионерского освоения, что в среднесрочной перспективе приведет к увеличению числа членов религиозной организации. В этой связи Апостол ЦИХСПД Бойд К. Пэкер считает, что «Церковь в Восточной Европе (прежде всего в России и Украине) станет стремительно расти и развиваться, когда здесь появится третье и четвертое поколение местных членов Церкви. Произойдет настоящий бум, и буквально тысячи людей будут приходить в Церковь и становиться ее членами» [2, 7].

С учетом того, что в ближайшее время активизация миссионерской деятельности представителей ЦИХСПД в регионе будет возрастать, это объективно приведет к численному увеличению лиц, ранее исповедующих ислам и православие. В результате чего возможно возникновение межконфессиональной напряженности между ЦИХСПД – с одной стороны и мусульманами и православными – с другой. В этой связи полагаем, что руководителям и активу традиционных вероисповеданий необходимо самим активизировать просветительскую работу среди адептов, а также усилить миссионерскую активность, используя алгоритм, разработанный... для миссионеров ЦИХСПД.

Считается, что мормоны – одна из самых богатых и наиболее уважаемых западных религиозных структур, осуществляющих легитимную деятельность на территории России. Название «мормоны» взято из внебиблейского откровения – «Книги Мормона». Мормоны утверждают, что лишь они являются истинными христианами, а их церковь – правильной, что все остальные христианские деноминации неверны.

До недавнего времени о мормонах было известно лишь по произведениям Артура Конан Дойла и Чарлза Диккенса. В библиотеке графа Льва Толстого была «Книга Мормона», с которой, очевидно писатель был знаком. Учением мормонов интересовались философ В.С. Соловьёв, писатель Ф.М. Достоевский, революционер-народник П.Л. Лавров.

По мнению многих религиоведов, религиозная структура мормонов является схожей по своему типу богослужения с традиционными формами протестантизма. Существенным обстоятельством является тот факт, что мормоны своими корнями уходят в американскую протестантскую культуру, вышли из её недр и, как говорилось выше, имеют традиционную форму протестантского богослужения, такую же, как у баптистов, адвентистов, пятидесятников. Конечно же, не стоит понимать буквально полное совпадение по форме богослужения мормонов с иными формами протестантского богослужения, различия всё же имеются. Но различия так незначительны, что по типу богослужения мормоны – протестанты. Мормоны с этим утверждением категорически не согласны. Многими религиоведами религиозная модель мормонов отнесена к т.н. «маргинальному» протестантизму. Отнесение мормонов к христианским маргиналам до сих пор остаётся открытым и вызывает споры среди профессионалов.

Протестанты не считают мормонское учение христианским, а мормоны своё учение протестантским. Мормоны же считают, что полнота Откровения присутствует *только* в их церкви; в иных же христианских деноминациях христианское учение искажено. Общая численность адептов, принадлежащих к религиозной организации мормонов в мире, составляет более 11 миллионов человек, в России насчитывается около 18 000 членов¹.

В ходе работы с населением и привлечением новых людей в свою Церковь мормоны учитывают возрастные и образовательные характеристики прозелитов, что позволяет им выстроить систему социального охвата всех групп лиц, посещающих их приход, а также осуществлять работу во всех слоях населения. Как правило, в Церкви мормонов проводятся мероприятия, в которых участвуют все её члены. Необходимо отметить, что церковные мероприятия характерны для всех приходов мормонов не только на территории Российской Федерации, но и по всему миру. Регулярные мероприятия, в которых участвуют практически все члены Церкви, следующие².

В целях уяснения особенностей мормонского учения необходимо остановиться на некоторых теологических построениях мормонов, характерных для их учения, а также тех выводах, к которым они приводят. Значительную критику мормонского учения вызывает учение о т.н. *заместительном крещении*. Суть учения состоит в следующем: каждый член церкви мормонов может открыть для своих умерших родных возможность избрать ЕВАНГЕЛИЕ в вечности, совершив за них заместительное крещение. В основе концепции заместительного крещения лежит христологическая концепция, согласно которой само Спасение основывается на заместительной искупительной жертве Христа. Подвиг Сына Божия – другого человека – имеет прямое и реальное значение для земной и загробной жизни каждого из нас. Поэтому после собственного крещения члены Церкви мормонов

¹ Конфессии и религиозные объединения в Тюменской области: Справочник/ Ярков А.П. (рук.), Ереско М.Н., Видт И.Е., Мальчевский А.В. и др. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005 г., с. 133-135.; М.Н. Ереско. Введение в диалоговое религиоведение: учебное пособие. – Тюмень: «Печатник», 2006 г., Жудинова Г.В. Религия мира. Протестантизм. – М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006 г.

² Информация о мероприятиях, в которых участвуют все члены церкви, взяты из статьи: Элбакян Е.С. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней: История и современность. – Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 2004 г. №3, с. 44-69.

крестятся в храмах, имеющих сакральное значение, ещё и в отдельности за каждого из умерших родственников, тем самым давая им шанс принять спасительную веру и приобщиться к Евангелию.

По мнению религиоведов, имеются основания полагать, что заместительное крещение мормонов присутствовало в истории христианской церкви. Ряд исследователей-религиоведов находят подтверждение этому в известных словах из 1 Послания к Коринфянам. В частности, Апостол Павел говорит: «Иначе, что делают крестящиеся для мёртвых? Если мёртвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мёртвых?» (1 Кор. 15:29). В современном библейском переводе данный пассаж звучит острее: «Зачем же тогда совершать крещение за мёртвых, если нет воскресения из мёртвых?». По прямому значению стиха напрашивается вывод, что «крещение для мёртвых» было для ранних христиан подтверждением их вероисповедания – веры в воскресение. Православная «Толковая Библия» (издание преемников А.П. Лопухина, Стокгольм, 1987 г., том 3, Новый завет, стр. 118) признаёт: «Это выражение толкуется весьма различно. Одни видят здесь отношение к обряду, существовавшему будто бы ещё в апостольское время, *когда в случае кончины кого-либо из верующих, не успевшего креститься, за него принимал крещение один из его родственников или друзей*».

Исходя из обоснованных ими постулатов, для совершения священнодействий необходимы имена реально живших людей, которые будут представлять их заместители. Именно поэтому мормоны всегда стремились узнать побольше о своих предках, проследить подалее в глубину веков линии родства – духовная щедрость мормонов побуждала их стремиться привести к спасению максимальное количество душ. Отсюда не удивительно, что Церковь мормонов очень скоро стала лидером в генеалогических изысканиях, возведя их в религиозное установление и своеобразный религиозный культ. В мормонских семьях постоянно культивируется необходимость ведения генеалогической работы, а также каждым мормоном для потомков пишется история семьи и ведётся личный дневник.

Теологических различий мормонов и традиционных христиан достаточно много, вместе с тем мормоны живут рядом с нами, и познакомиться с их учением, а также с образом жизни не помешает никому из представителей традиционных вероисповеданий. Более того, мормонами накоплен положительный социальный опыт по стабилизации семейных отношений, а также разработаны и утверждены воззвания руководством церкви по сохранению традиционных семейных ценностей. Необходимо иметь в виду, что теология мормонов гласит о том, что «семья – самая важная ячейка во времени и *в вечности*». Нами не ставится задача по раскрытию и объяснению всех основных теологических положений мормонского учения о семье.

Но некоторые пояснения всё же необходимо дать. Учение о небесной семье достаточно подробно изложено в работе «Основы Евангелия» (главы 2 и 26), согласно которой «каждый человек, когда-нибудь родившийся на земле, был нашим духовным братом или духовной сестрой на небесах. Иисус Христос был первым Духом, рождённым у наших Небесных Родителей (см. подробнее «Учения и Заветы», 93.21). Таким образом, Он – наш старший брат. Наши души похожи на наших Небесных Родителей, хотя у них воскресённые тела. Мы наследовали потенциал развивать Их Божественные качества. Если мы хотим, то мы можем стать совершенными – такими же как и Они». Целью стратегического плана мормонов является то, что «мы

(то есть мормоны) получим воскрешённое тело, будем иметь власть на небесах и на земле, станем *небесными родителями*, (выделено мной – авт.) и у нас будут духовные дети, как и у Него» («Учения и Заветы», 132, 19-20).

Заметим только, что сохранение и культивирование реальных семейных отношений, а также создание семей *возведено в ранг доктрины*, органически вписывающейся в учение указанного религиозного группирования. Согласно мормонским источникам, семья как религиозно-доктринальное положение мормонами разрабатывается достаточно давно и весьма успешно. Выскажем предположение, что мормонами создаётся схема (модель) идеальной семьи, которая в той или иной форме воспроизводится в каждой конкретной семейной паре мормонов. Ведётся мормонами разработка не только теологических постулатов необходимости сохранения семьи и семейной традиции, что имеется в любой легитимной религиозной группе, но также даются ими практические советы семьям и конкретные формы их реализации.

Принимая во внимание то, что ценность семьи и семейных отношений у мормонов возведены в неоспоримое установление от имени руководства церкви и в обязательное исполнение для всех верующих указанного вероисповедания, укажем, что их разработка изложена в следующих изданиях мормонской Церкви:

– учебник «*Основы Евангелия*», Издательство Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, Солт-Лейк-Сити, Юта, 1981 г. (на русском языке);

– брошюра «*Руководство для семьи*», Солт-Лейк-Сити, Юта, 1994 г. (на русском языке);

– *Обращение Президента Церкви Гордона Б. Хинкли от 23 сентября 1995 года «СЕМЬЯ. Воззвание к миру»;*

– «*Всемирное собрание по обучению руководителей. Поддержка семьи*» от 11 февраля 2006 года.

В дальнейшем изложим практические советы мормонов по их реализации семьями, которые имеются в доктрине учения. Понимание религиозной модели мормонской семьи в структурной ячейки церкви позволяет выделить следующие основные моменты религиозно-семейной жизни, возложенной церковью на семейные отношения. Первое и основное условие для семьи – обучение Евангелию в семье, а также изучение тех текстов Священных Писаний (Библия, Книга Мормона, Учения и Заветы и Драгоценная Жемчужина), которые мормонами признаются в качестве священных. Поощряется также в семьях ежедневное чтение трудов Президентов (Пророков) Церкви мормонов. Стратегической же целью мормонов в устроении семейной жизни (согласно доктринальной книге «Основы Евангелия», глава 36) является установка, что «наша семья может быть вечно вместе. Чтобы наслаждаться этим благословением, нам надо вступить в брак в храме... Смерть не может разлучить нас. Если мы послушны заповедям Господним, то наша семья навсегда останется вместе, как муж, жена и дети».

Основная установка для семьи – ежедневное чтение и изучение всеми членами семьи этих книг. Естественное состояние для семьи верующих – личная и семейная молитва, а также благословение пищи (как правило, подобные установки характерны для адептов любых религий, в т.ч. и так называемых «мировых»), но что выделяет мормонов и для них характерно – еженедельно в каждой семье проводится домашний семейный вечер.

«Только представьте себе, – замечает мормонский аналитик Д. Руфус в

своей работе «Перспективы и Реальность», – насколько бы выиграло православие, если бы родители обучали сейчас своих детей лучшим принципам православия хотя бы раз в неделю на домашних семейных вечерах. И так из поколения в поколение на протяжении столетий. Представляете себе, каким было бы наше общество, если бы это имело место хотя бы последние лет сто?» [2, 21].

Мормоны понимают, что разработанные ими технологии по сплочению семей позволяют их применять не только для себя, но и в религиозных структурах с иной культурно-исторической и теологической традицией. Руководители мормонов утверждают, что «миссия Церкви Господа – помочь всем людям прийти к Христу. Важная обязанность семей – помочь в исполнении этой миссии».¹ Принимая во внимание, что создание стабильных семей обусловлено не только теологическими постулатами и доктриной Церкви, но также длительным и каждодневным процессом со стороны конкретных семейных пар, мормонами разработаны приоритетные позиции, необходимые в реализации их в семейной жизни. Общеизвестно, что у мормонов труд возведён в ранг абсолютной обязанности для всех членов Церкви. В работе «Руководство для семьи» говорится, что «родители должны принять на себя обязанность трудиться, чтобы обрести уверенность в себе, и учить этому своих детей». В дальнейшем мы излагаем в свободной форме те положения, которые необходимо исполнять семьям.

По прогнозам мормонских аналитиков, при реализации церковных программ, *в т.ч. программы по сохранению и культивированию семьи*, как основы стабильного общества, в России прогнозируется рост Церкви мормонов через три поколения россиян после их начала работы на территории Российской Федерации. Практика показывает, что руководство мормонов добилось значительных успехов в реализации образовательных программ и получении высшего образования своими членами Церкви, декриминализации прихожан и их социальной адаптации, а также сохранению стабильных семейных отношений.

С учетом имеющихся результатов, технология и практика достижения положительных результатов семейно-брачных отношений у мормонов может быть использована не только социальными и иными заинтересованными службами, но также традиционными для России конфессиями.

Как уже говорилось выше, Церковь мормонов есть церковь продолжающегося откровения через пророков и одновременно руководителей (Президентов) данного религиозного группирования. Пророки ведут мормонов к своей форме спасения, сохраняя внутреннюю стабильность внутри религиозного группирования. В смысле открытости религиозного канона исследователь С.А. Антоненко полностью прав, когда он пишет, что «религиоведы, давая характеристику Священных Писаний, принимаемых Церковью Иисуса Христа Святых последних дней, говорят о принципе «открытого канона»». В этом смысле, благодаря деятельности церковных пророков, у мормонов уже появились такие книги, как «Учения и Заветы» и «Драгоценная Жемчужина». И окончания пророчеств у мормонов пока что нет. В том то и сущность мормонов, что два отличительных момента выделяют данную религиозную структуру из всего спектра религиозных организаций.

¹ Более подробно можно ознакомиться в брошюре «Руководство для семьи», – Солт-Лейк-Сити, Юта, 1994 г. (на русском языке), выпущенной мормонской церковью.

Первое. Учение о непрекращающемся откровении, которое показано выше. Особенность учения в том, что оно не жёстко догматично и откровение изменчиво. В изменяющихся социальных условиях меняются и мормоны. Так, в 1978 г. пророку Церкви мормонов пришло откровение о допустимости к священству темнокожих, в связи с чем религиоведами отмечается, что «привлекательность мормонизма в странах третьего мира возросла после того, как в 1978 году пророком и Президентом Церкви было обнародовано откровение о возможности священнического посвящения для темнокожих» [1, 242].

Второе. Доктрина восстановления. Согласно доктрине восстановления после многих веков отступничества истинная Церковь, с принадлежащими ей священническими и апостольскими полномочиями, была восстановлена на земле через пророка Джозефа Смита. С доктриной восстановления не согласна ни одна из христианских конфессий. Вместе с тем учение о пророке Церкви мормонов интересно тем, что даёт возможность группированию сохранять социальную стабильность... опять же через пророков, а также изменять свой имидж в положительную сторону, привлекая в церковь новых прозелитов. По учению мормонов, «пророк – это человек, призванный Богом быть Его заместителем на земле, и, когда он говорит за Бога, то это слово говорит сам Бог. Он ведь особенный свидетель о Христе, свидетельствуя о Его божественности и уча Его Евангелию, уча истине и толкуя Слово Божье» («Основы Евангелия», с. 47). Далее мормоны пишут, что «ему (т.е. пророку) дано видеть будущее и предсказывать наступающие события, так что мир может быть предупреждён...». Мормоны наделяют пророка Церкви абсолютной и безоговорочной властью и авторитетом, подтверждая в своём учении, что «нам нужно делать то, что нам говорит пророк... пророку никогда не будет позволено ввести Церковь в заблуждение» («Основы Евангелия», с. 49). Мормоны понимают, что если имеется вера в пророка и Президента Церкви, то должно быть ему и полное доверие. Поэтому в «Основах Евангелия» руководство мормонской Церковью своих адептов наставляет, что «мы должны следовать его учениям полностью, а не выбирать только часть его совета, отказываясь от того, что нам неприятно или трудно. Господь заповедал нам следовать учениям Своего пророка: «Ты будешь внимать *всем словам его (пророка) и заповедям*, которые он будет давать тебе, по мере того, как он будет получать их, ходя предо Мною во всей святости; Ибо его слова вы будете получать, как из Моих уст, в полном терпении и *вере*» («Учения и Заветы», 21, 4-5)¹. Таким образом, религиозное сообщество мормонов саморазвивается и самоподдерживается благодаря существованию такого феномена, как пророк Церкви. Мормоны считают, что «для того чтобы устоять, истинная церковь должна быть построена на основании пророков. Мы благословлены в том, что у нас в этом ненадёжном мире стоит во главе пророк, через которого Господь сообщает нам Свою волю».²

На сегодняшний день мормоны не просто отличная от других конфессий религиозная структура, эта вообще *иная модель существования в со-*

¹ Основы Евангелия... с. 50 Как видим, мормоны в своём доктринальном положении в отношении пророков делают аспект на веру *всем словам и заповедям пророков, на полное им доверие*. Отметим ещё раз, что по учению мормонов пророчество не прекращается до настоящего времени.

² Основы Евангелия... с. 51. Вообще-то учение о пророках и пророчествах, является центральным и основным (краеугольным) учением Церкви мормонов, остальные теоретические доктрины Церкви как бы нанизываются на учение о пророках. В действительности мормоны придают большое значение учению о пророках, т.к. на основании этого учения ими делается вывод об истинности Церкви мормонов.

циуме, изучение которой в структуре межконфессиональных отношений в России ещё не проводилось. Мормоны, в силу своей традиционности, консервативны, особенно если это касается социального института семьи. Мормонами семейные ценности рассматриваются как основные – через семью у мормонов выстраивается социальная жизнь религиозного объединения, его жизнестойкость, собственно, и потусторонняя жизнь индивида у мормонов, также связана с семьёй. Не случайно «Джозеф Смит был убеждён, что должен был построить новое общество, а не просто Церковь. По сути, эксперимент Смита – это проведение радикальной революции; и реорганизация традиционной семьи¹ была в тех условиях не экзотической причудой пророка, а одним из ключевых аспектов реорганизации общества в целом. Многоплановость социальной практики «святых последних дней» обеспечила жизнеспособность их общины» [1, 236].

В целом, религиоведами отмечается достаточно быстрый рост мормонов в мире, что не является характерным показателем для России. Исследователем Сергеем Антоненко отмечается, что «здесь мормоны явно не входят в число наиболее динамично увеличивающихся религиозных сообществ, что подтверждается местными руководителями Церкви» [1, 241].

В силу нетрадиционности мормонов, а также отсутствия догматики в доктринальном учении и наличия «открытого» канона, мормонов можно отнести к маргинальному протестантизму. Так, исследователем Жудиновой Е.В. отмечается, что «термин «маргинальный протестантизм» используют многие религиоведы для обозначения религиозных течений, конфессий, церквей, сект и культов, вышедших из протестантизма, но в своих верованиях достаточно далеко отошедших от основных догматических положений протестантизма и христианства в целом. Эти группы иногда называют также парахристианскими, квазихристианскими или псевдохристианскими.

Оличительной чертой маргинальных протестантов является то, что они либо дополняют Библию иными источниками Божественного откровения, либо вообще заменяют её своими собственными новыми писаниями» [5, 143]. В этой связи Церковь мормонов, если учесть позиции традиционного христианства (православия, католицизма и протестантизма), выстроила псевдохристианскую систему собственного верования, по сути близкого к политеизму. Необходимо отметить, что мормоны категорически не согласны с подобной оценкой и решительно протестуют, что их называют сектой. Спорным остаётся вопрос о причислении мормонов к одному из ответвлений протестантизма, в силу того, что протестанты не считают, что мормоны являются христианами.

Вместе с тем «в мире каждые 80 секунд появляется новый мормон, и если так будет продолжаться, то к 2080 г. в мире будет примерно 260 млн мормонов» [6, 158]. Учение мормонов и современные откровения Пророков Церкви – практичны, направлены на реализацию насущных потребностей человека. У мормонов в практической деятельности отсутствуют медитативный опыт и мистические озарения, за исключением пророчеств, реализуемых в практической плоскости соразмерно с жизненными потребностями адептов.

Мормоны формируют новый мир с новыми теолого-социальными парадигмами, а отсутствие доктринального учения позволяет мормонам в современном мире адаптироваться и распространять своё учение за преде-

¹ Имеется в виду многоженство, введённое пророком Джозефом Смитом, впоследствии (во второй половине 19-го века) отменённое.

лами традиционного христианского общества, и при этом весьма успешно.

Мормоны в Россию пришли одними из первых, поэтому можно с высокой долей вероятности допустить, что за мормонами придут другие религиозные группы, религиозные модели которых уже не будут являться традиционным христианством. Формирование постхристианской религиозности в рамках традиционной христианской цивилизации началось. И одним из кирпичиков становления постхристианской модели мира закладывают мормоны, иначе именуемые как «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней».

Литература:

1. Антоненко С.Г. Мормоны в России: Путь длиной в столетие. М.: ООО «Родина», 2007. – 304 с.
2. Дерек Руфус. Перспективы и Реальность, б/м, 2007 г., 680 с.
3. Подготовка миссионеров. Пособие для учащихся. Издано Церковью Иисуса Христа Святых последних дней, 2007. – 131 с. (на русск. языке).
4. По плодам узнаете их. Церковь Иисуса Христа Святых последних дней. Издано: Централизованная религиозная организация «Религиозная ассоциация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в России», 2010 г. – 29 с. (на русск. языке).
5. Жлудинова Е.В. Религии мира. Протестантизм. – М.: ООО «ТД «Издательство Мир книги», 2006 г. – 192 с.

У НАС В ГОСТЯХ

Альманах «ЭРИНТУР»

«Эринтур» («Поющее озеро») – ежегодный литературно-художественный альманах писателей Югры. Учредители: комитет по средствам массовой информации и полиграфии Ханты-Мансийского автономного округа, окружная писательская организация. Основная тематика альманаха – проза, поэзия, критика. Основные рубрики: «Творчество писателей округа», «Голоса молодых (первоцвет)», «Библиография», «Литературное наследие».

В альманахе публикуются не только авторы Ханты-Мансийского автономного округа. Частыми гостями являются писатели других регионов, в том числе – юга Тюменской области.

Главный редактор – Николай Коняев.

Выходит с 1996 года. Тираж 1 000 экз.

Маргарита АНИСИМКОВА

ДРОВОКОЛ ГОША

Два дня шёл затяжной дождь. Тополь на взгорье сбросил все листья, и, не успевшие подсохнуть, они вскоре смешались с грязью. Почернели во дворе поленницы, изгороди, брёвна, конюшни и сарай.

Мама утром сказала, что будет нам выводить цыпки. Колька, у которого они не проходили всё лето, сразу залез на печку, прижался в самый угол и что-то бурчал под нос. Я тоже пригорюнилась.

Гляжу на шесток, где в большом чёрном чугушке вода закипает: весёлые пузырьки по поверхности бегают, новые появляются. Гляжу и ноги под лавку прячу, ёжусь, знаю – вода для наших ног готовится.

Цыпки на ногах появлялись с самой весны, когда мы, сбросив стоптанные обутки, начинали бегать босиком. От воды, ветра, пыли и грязи кожа на ногах трескалась, появлялось множество крохотных ранок. Вначале они кровоточили, потом подсыхали, потом снова кровоточили и снова подсыхали. Иногда после бани мама снимала с кринки отстоявшегося молока сметану, смазывала их, но этого лечения хватало только до утра...

Загремело большое стиральное корыто, паром окутался угол избы. Мама тряхнула в котелок какой-то порошок – вода порозовела.

– Толкайте ноги в марганцовку, – скомандовала она.

Колька завопил, запричитал, сползая с печки:

– Я лучше в бане отпарю. Честное слово! Пусть сначала Шурка толкает ноги!

– Шурка не маленькая, и цыпок у неё нет, – строго ответила мама.

Зажмурился, Колька медленно стал погружать ноги в корыто. Вначале кряхтел, стонал, но скоро стал корчить Юрке рожи.

Мама, присев на корточки, крепко взяла его за ногу.

– Не дури! – сказала строго, подливая из чугуна кипяток и намыливая мочальную вехотку.

– Не с меня, с Шурки начинай! – снова завизжал Колька.

– Шурка сама вымоет... Не маленькая!

– Я тоже не маленький!

Но напрасно Колька сопротивлялся. Мама уже крепко держала его ногу, ощупывала багровый шрам возле мизинца...

– Это я давным-давно на стекло наступил. Уже проходит. А вот рядом царапинка от гвоздя... Помнишь, я хромал до обеда?

– Постыдись причитать-то! – оговаривала его мама. – Смотри, Юрка, и Володька, и Шурка – все с тобой рядом.

– Разве они столько носятся по улицам, как я? Думаешь, они носятся по скалам? На совхозные поля бегают? В ночном хоть раз были? – не сдавался Колька.

Мы все четверо сидели на лавке рядом, смотрели на цыпки, уже смазанные сметаной.

– Слышите? Кто-то чужой в калитку стучится, – сказал Колька, спрыгнув с лавки. – И Белка урчит.

– Сидите, – набросив на плечи телогрейку, сказала мама и вышла.

Колька вскочил, выдернул старую варежку, которой было заткнуто отверстие в сломанной раме, и мы услышали мамин голос:

– Кто там?

– Мы беженцы. Пусти, дочка, ради бога!

– Каки ишо беженцы? В такую погоду все в избах сидят!

– Теперь по белу свету люд всякий двинулся...

За воротами стоял высокий, как сухая лесина, старик с белой бородой и держал за руку маленькую девочку. Стащив с головы помятую шляпу, стоял перед мамой в поклоне.

– Не бойся нас. Мы с внучкой от войны бежим. Из-под Тулы мы...

– Поздно как-то, – тихо сказала мама, открывая дверь и поднимая на руки девочку. Та была как неживая, не подала и звука. Зашли в дом. – Ну-ка, Шурка! На мои калоши да беги на почту. Позови Василия Степановича, он ещё там.

Наш небольшой домик стоял на почтовом дворе. Раньше он служил жильём купеческой прислуге. Во время революции хозяин – купец, скупавший пушнину у инородцев, сбежал со своей семьёй, оставив громадный дом со всем его имуществом. В купеческом доме разместилась сельская почта, а в домике прислуги с двумя аккуратными окошками на солнечную сторону и одним на восточную жила наша семья.

– Беги! – торопила мама. – Как-никак, Василий Степанович лучше меня во всём разбирается.

Василий Степанович недавно вернулся из армии. Говорили, будто ещё во время отправки на фронт он стал заговариваться, а как услышал взрывы снарядов, пытался выпрыгнуть из вагона. Об этом никто точно не знал, но досужие языки разносили о нём такое...

Он бежал по двору, не застегнув полы солдатской шинели, запинаясь. Я еле поспежала за ним.

Появившись на пороге избы, крикнул:

– Ваши документы! Предъявите ваши документы!

У дедушки дрогнули губы.

– Какие документы, сынок! У нас всё сгорело. Только и успел Полинку схватить. В овраге с ней неделю прятались. А где остальные – не знаю. У нас ведь под Тулой бои шли страшные...

– Тогда в милицию!

– Какая милиция? – возмутилась мама. – Видишь, какая непогодь, они еле на ногах стоят. Места на полу всем хватит. Пусть побудут до утра, а там видно будет. Этакую малютку в милицию!

Я была рада, что мама не побоялась возразить Василию Степановичу и даже, махнув рукой, сказала: – Пододвинь старику табуретку. Не видишь, рухнет сейчас!

Василию Степановичу не понравились мамины слова. Он посмотрел ей прямо в глаза и изрёк:

– Не рискуй, Татьяна. У самой четверо, – и, круто повернувшись, в сердцах хлопнув дверью, ушёл.

Утром дедушка не смог подняться. Мама позвала фельдшерницу. Она осмотрела его и шёпотом сказала:

– В больницу надо. Полная дистрофия. Того и гляди, помрёт.

Приехала больничная повозка, дедушку увезли.

Первые дни Полинка жила у нас, как птичка в неволе: от каждого скрипа и стука вздрагивала, жалась в угол, жмурила глаза и плакала беззвучно... По ночам громко кричала и вскакивала. Мама на зависть нам брала её к себе, гладила по голове, и девочка снова засыпала.

Однажды утром наш Юрка нечаянно сел в ведро с коровьим пойлом. Над ним громко засмеялись, а Полинка завизжала так беззаботно и весело, что все обернулись. Глазки у Полинки были чёрненькие, реснички густые, бровки ширококонькие.

Юрка стоял в мокрых штанах и плакал от обиды.

– Зуб-то у тебя скоро выпадет. На ниточке болтается. Беглянка! – крикнул он Полинке.

– Я тебе покажу «беглянка»! Я тебе покажу! – рассердилась мама. Стащила с Юрки штаны и отшлёпала ими по голой заднице. – Сиди на печке беспштаный, пока высохнут, или Шуркины надевай...

– Не буду надевать девичьи! – ревел Юрка, и это было для всех удивительным: наш Юрка никогда не разбирал, во что одеваться. Он накидывал на себя всё, что попадало под руку... Его даже прозвали Машей, потому что все зимы у него не было шапки, и мама повязывала ему свою шаль.

Юрка ревел, а мама сидела на табуретке, обхватив голову руками...

По сравнению с другими мы жили сносно. От нашей черномастной коровы Мотьки по утрам и вечерам мама приносила в подойнике парное молоко с воздушной запашистой пеной. Ещё до её прихода из конюшни мы толклись возле стола и слушали нетерпеливое мяуканье кота Буски. Он, подняв хвост трубой, кружил возле наших ног, сверкал большими блестящими глазами.

Теперь первую кружку молока мама наливала Полинке и всё приговаривала:

– Пора ведь Мотьке отдых дать, пора запускать...

Нам были непонятны эти слова. Но когда вечером мама пришла почти с пустым подойником, сразу стало невесело. Правда, Колька храбрился.

– У Голдобинских нет коровы, и не помирают. Генка говорит, что без молока жить можно, а вот без хлеба долго не протянешь.

– Грамотей ты, грамотей! – говорила мама.

– Вот Полинку надо отпаивать, – упёршись рукой о подбородок, говорил Колька. – Она маленькая. – Но он говорил не своё. Он больше всех любил молоко...

– А вона к нам Василий Степанович вышагивает. Кто его речи выслушивать станет? – взглянув в окно, сказал Колька и заскочил на печку.

Все соседки, приходившие к маме, рассказывали про Василия Степановича разные небылицы. Только вчера прибежала райповская продавщица и жаловалась, что Василий Степанович вытребовал у неё жалобную книгу, потому что она отвешивала хлеб хоть и по карточкам, но лишнюю корочку положила Есаульчихе. А когда ему свесила с прибавкой, то вообще сдурел! Так её совестил принародно! Орал, что народ объегоривает. Фасонит в солдатской-то шинели. Его дед Бородин осадил. Сказал при всех: брось, Василий Степанович, на баб кричать да напраслину наговаривать. У них и так хлопот полон рот. Он и умолк.

Всплакнув немножко, продавщица захохотала и давай рассказывать маме про Василия Степановича, что в избе у него чёрт ногу своротит. Возле печки – сажу на вершок, на кровати не постель, а гайно гайном. Кружки да чашки в руки взять нельзя, и от мышей отбою нету. Сказывают, он сам боится их. Заберётся на кровать и швыряет в них, что попадёт под руку.

– Мелешь чё попало, – остановила продавщицу мама.

А та будто и не слышала:

– Вечерами, чтобы мышей разогнать, начинает маршировать по избе – только стукоток по половицам: ать-два, ать-два! А ещё песню затянет. Вчерась: «По долинам и по взгорьям» пел, а днями «Соловей, соловей, пташечка!». Поёт да ещё посвистывает.

– Ты почём знаешь?

– Из первых рук! Ты бы, Татьяна, поговорила с ним насчёт Люмки. Это она всё про него сказывала. Ей и изба его нравится. Она бы изобиходила его на заглядение, а так совсем свихнётся. Чего ему нос воротить! Не война бы! А теперь какой-никакой, а мужичишко...

У Кольки при таких разговорах всегда были ушки на макушке и, наслушавшись, он говорил, что приходило на ум.

– Явился, не запылится! – крикнул с печки и захохотал, когда, открыв скрипучую дверь, Василий Степанович кланялся маме.

– Это плохое воспитание, Татьяна Сергеевна! Одним словом – безотцовщина! – покачал головой Василий Степанович.

Мама пригрозила Кольке.

– Не сердись, Татьяна Сергеевна. Не сердись. Шёл с самыми радужными мыслями. Поговорить о том о сём.

Мама стала рассказывать про дедушку, увезённого в больницу, про Полинку, которую держала на руках.

– Тебе, Татьяна Сергеевна, только бы возражать, со мной ни в чём не соглашаешься. Вот и про этих, – кивнул он в сторону Полинки, – говорено было: надо их куда-нибудь в казённое место отправить, а ты по-своему. Мало своих?

– Ну, чё ты мелешь? И как язык поворачивается? Сам недавно какую лекцию бабам читал? Сказывал всё про людскую доброту, про бедствия и страдания людей. В пример говорил про какую-то семью, где восемнадцать чужих ребятишек пригрето. А мне в укор ставишь. Или война не для всех?

– Ты, Татьяна, говори, да не заговаривайся. Я тебе не позволю с собой так разговаривать. Ты на то не имеешь права. Я участник войны. На моей стороне закон.

– А я солдатка! На моей стороне ещё больше закона! – вскрикнула мама, махнув холщовым полотенцем, которое всегда было у неё в руках.

Василий Степанович вытаращил глаза, вскочил с табуретки...

Как раз в это время Колька визгливо, сколько было мочи, закричал:

– Хуна-хуна вернулся! Хуна-хуна вернулся!

Мы все забарабанили в окно. Хуна-хуна ответил нам, приподняв на голове большую, как воронье гнездо, заячью шапку, помахал рукой. Мы, как по команде, бросились искать свою одежку, стоптанные обувки.

– Невидаль какая! Дровокол во дворе появился! – с раздражением сказал Василий Степанович, застёгивая шинель.

По двору расхаживал дровокол Гоша, по прозвищу Хуна-хуна. Всё лето его не было в селе. Он косил сено для почтовых лошадей, жил на покосе. Без него в нашем дворе было скучно. Забегали парни с соседних улиц и гоняли вонючего козла, которого мы боялись. А когда был во дворе дровокол Гоша, мы жили под его надёжной защитой.

– Куда он денется, ваш Хуна-хуна? – сказала нам вдогонку мама.

Гоша уже сидел на большом чурбане, на котором всегда колотил дрова. От его длинного малахая пахло лесом, дымом, комарами. Он, по-видимому, простыл на покосе, дышал шумно, поминутно облизывал нижнюю губу. И руки у него были горячими. Он печально гладил нас по головам и хрипло выговаривал:

– За лето выросли. Совсем большими стали.

Нам было невдомёк, как трепетало от радости Гошино сердце, и как крепился он не показать нам слёз, которые щекотали его покрасневшие веки.

В селе старые люди знали, что Гоша – подкидыш, что прибрала его и пригрела вдова Федора Сушкина. Как рассказывала беззубая старуха Пономариха, однажды весной пошла Федора в сараюшку за дровами и услышала какой-то писк. Подумала – весенние коты разыгрались. Уже за дверную скобку взялась, снова услышала писк. Пошла за сараюшку и ужаснулась: между двумя брёвнами лежал свёрток, перевязанный верёвкой, а из него торчали маленькие ножки с красными пятками.

Федора схватила свёрток и бегом в избу. У самой всё внутри колотит. Развернула лохмотья, а там мальчонка ножками сучит, рот разевает, по-видимому, титьку ищет, а голосу уже нет.

Нажевала она хлебного мякиша, завязала в тряпочку, обмакнула в тёплую водицу, стала подносить тюрю ко рту, видит – у мальчонки на верхней губе расщелина. «Заячья губа! Бедненький! – всплеснула Федора руками. А мальчонка сосёт тюрю, язычком посвистывает. Скоро на лбу потные капельки высыпали. Глядела на него Федора, слёзы глотала, себя уговаривала: «Всякие изъяны у людей бывают».

Скоро весть по селу разнеслась. Забегали соседки посмотреть на найдёныша. Разные советы Федоре давали и допытывались: не было ли при найдёныше какого приданого. Федора молчала. Бабы судачили: что за люди? Мало, что дитя осиротили, так и на жизнь ни гроша не положили. Мир пошатнулся...

«А то будто раньше такого не было? Сказывают, наш приказчик, Осип Петрович, тоже подкидышем был».

«Так с ним вексель на целную тысячу рядышком лежал. Старик-то, Пётр Силантьевич Шаратов, царство ему небесное, – перекрестилась Пономариха, – до последней копейки на Осипа расходовал. Одевал, как родных сыновей, выучил, дом ему выстроил. В таком почёте по сей день живёт».

«Кто хоть мать твоя? – в задумчивости проговорила Пономариха. – Всех в уме перебрала. Разве какая чернявка из Бурмантовского скита?»

«Не слушай никого, Федора. Оставляй, – посоветовала соседка Маруся-ка. – Как-никак, рядом завсегда будет живая душа. Он подле тебя греться будет, ты подле него. А там Бог сам дорогу укажет».

Скоро прошли все суды-пересуды. Георгием подкидыша назвали. Рос он крепышом и ладным. Только всё заячья губа портила. Пустиак, вроде, а изъян всем в глаза лез. Немало пролила Федора из-за этого горьких слёз. Не раз говорила: «Кабы можно было отдать свою губу, глазом бы не моргнула».

На Федорино счастье по соседству жил безногий гармонист Прошка. Когда Гоша подрос, стал каждый день бегать к нему, садился на пол и глядел, как ловко бегают пальцы гармониста по белым пуговкам. Однажды Прошка дал ему в руки свою гармонь. Гоша сел, из-за гармошки только кудрявый чубчик выглядывает, и заиграл!

Прошка собственным ушам не поверил – у Гоши всё получалось. Заиграл на удивление всему селу.

«Талант у него. В столицу бы ему. Многих бы за пояс заткнул твой Гоша», – говорил Прошка Федоре, и с тех пор на все праздники стал брать мальчонку с собой. Благодать Прошке: сам нагуляется, напьётся, а Гоша вместо него весь вечер на гармошке наяривает да сквозь рассечённую губу подпеваает в такт: «Хуна-хуна, Хуна-хуна!».

Покою Гоше не стало, где какое событие – крестины ли, именины, или свадьбы, он – первый гость.

А вскоре в его жизни чёрный день настал. Померла Федора. Только и успела Гоше сказать: «У тебя, сынок, на чёрный день золотишко есть. Никому не сказывай, а как нужда придёт, найдёшь в подполье, под пятым венцом...»

Опустело в избе. Дня три Гоша на крючке сидел – никого к себе не пускал, только голос подавал, что живой. Но скоро все про Гошино сиротство забыли. С тех пор он никогда в руки гармошку не брал, глядел и будто видел её впервые. Видно, Федорина смерть унесла с собой его песню.

По совету Пономарихи взяли его дровоколом на почту. Мы каждый день видели его во дворе, привыкли к нему и даже не представляли почтовый двор без Гоши. Он умел рассказывать сказки и разные небылицы, любил смотреть, как мы играем и дурачимся, даже иногда громко смеялся, прикрывая ладонью заячью губу.

Грянула война. Напих отцов забрали на фронт. Остались бабы с оравами ребятишек. Гоша себе в укор ставил, что на войну его не брали. «По мне плакать некому», – рассуждал он.

Но от осиротевших баб ему не было покоя. Зная Гошину безотказность, просили кто починить коромысло, кто насадить топор, кто сметать сено, поправить на крылечке доски. А однажды Грунька Маслова с ремнём пришла.

– Отстегай, Гоша, ремнём моего Федьку. У меня в руках совсем силы нет. Зачну его хлестать, а он только похохатывает. Ему рука мужская нужна. Обжёт бы его раз-другой.

– Не умею, – сказал Гоша и вернул Груньке ремень...

С каждым днём становилось жить тяжелее. В магазине продукты с полок будто корова языком слизнула, а в хриплом радио всё про жестокие бои говорили. Вскоре Матрёне Лаптевой похоронка пришла. Оплакивали её сына Петьку всем селом, а следом такая же бумажка на Петра Вотинава пришла... Все со страхом смотрели на почтальоншу Шабуниху, когда она подходила к чьим-нибудь воротам.

Однажды под вечер почтовская счетоводиха Настасья Насырова между прочим остановила и спросила Гошу:

– У тебя, Гоша, из тёплых вещей ничего нет, чтобы на фронт послать?

– Нет, – сконфужено ответил дровокол.

– Может, деньги из зарплаты отчислять согласишься? Может, облигации есть? Наше село деньги на танк собирает.

Пришёл Гоша домой озабоченный и тут про Федорино золотишко вспомнил. Засветил свечку, полез в подпол, отсчитал пять венцов, видит – в дальнем углу мох торчит. Вытащил мох, достал берёзовую кору, а в ней бархатный узелок. Раскрыл, а в узелке – золотые давнишней чеканки. Положив бархатный узелок в шапку с оторванным ухом, пошёл к счетоводихе и высыпал перед ней золотые.

Счетоводиха побледнела. Уставила на Гошу немигающие глаза:

– Откуда?

– Из подпола достал. Маменька, как умирала, наказывала – в трудный час достать эти золотые.

– Сколько тут?

– Пятьдесят – один к одному.

– Отдай мне один, Гоша, – прижав указательным пальцем один золотой, промолвила счетоводиха.

– Нет, – покачал головой Гоша. – Все на войну отдам. Пуцай танк строят.

– Отдай, Гоша. На что он тебе? Сколько лет лежали... Отдай, голубчик. Мои ребята тебе каждый день молоко таскать будут.

– Нет!

– С таким капиталом тебя в тюрьму засадят. Спросят, где столько взял? Ходишь в рамках, притворяешься нищим, а у самого такой капитал... А я вот у тебя их принять не могу! – Бледная Анастасия сидит, кусает дрожащие губы: «Мне бы эти деньги! Я бы нашла им дорогу! На золотоскупке такие шубы продают! Купила бы шаль с кистями, боты фетровые. Корову бы у бабки Тюленихи купила. Она за удой по ведру молока даёт. Сепаратор бы купила. Бог ты мой! Две лошади взяла бы! В гости в Надеждинский завод съездила». – Она поднялась с табуретки, грозно сказала:

– Пошли в милицию!

– Пойдём, – сгребая золото в шапку, – ответил Гоша.

Дежурный милиционер Столяров тоже опешил, позвал к начальнику. Начальник стал звонить в область, не зная, как поступить с золотниками.

Тут Столяров про купеческого приказчика вспомнил, который всю жизнь с золотом возился, знает ему цену. Послали за приказчиком. Совсем дряхлый Осип Петрович вошёл в милицию с тростью, в неизменном вельветовом пиджаке, в белых фетровых валенках. Возле порога снял шапку.

– Моё почтение, люди добрые! – Увидев на столе бархатный лоскуток, поперхнулся, машинально полез в карман за очками. – Великое богатство! Откуда выискался такой кладезь? – Обвёл всех взглядом, сел на табуретку и, не дотрагиваясь до золотников, заявил: – Эти золотые из Бурмантовского скита. Принадлежали они, вероятно, игуменье Серафиме. – Осип Петрович вынул из кармана носовой платок, долго обтирал им вспотевший лоб. Тихо спросил:

– Сколько тебе лет-то, Гоша?

– Однако тридцать седьмой.

– Так и есть, золотые из Бурмантовского скита. – Осип Петрович окинул взглядом неуклюжую фигуру дровокола, стоявшего в длиннополом полушубке и в стоптаных валенках. – Золотники высокой пробы! Ох, и дура же Федора. Прожила в такой нищете! – сказал он тихо.

– Дуракам завсегда везёт, – фыркнула носом счетоводиха. – По золоту ходил, а у самого в чём душа держится.

Скоро из области пришла телеграмма: в ней вытребовали фамилию и имя человека, сдавшего государству золотой клад. Телеграфистка Елизавета Лопатина передала по буквам – Георгий Сушкин.

Немного погодя в село пришла благодарственная телеграмма от правительства и сообщение, что на сданные средства жителем села Сосновка построен танк «Георгий Сушкин», и прямо с завода эта грозная машина отправлена на передовую линию фронта...

Увидев Гошу во дворе, мы бежали к нему, толкались возле него, а он садился на чурбан, на котором колол дрова, и разговаривал с нами, спрашивая, как мы живём-поживаем, какие у кого новости, кто чем матери помогает.

Гоша хвалил нас и сам рассказывал о покосе, о высоких травах, которые косил по утрам, о птицах, гнездившихся в борах, о несметных полчищах комаров, от которых не было житья, о лошадях, вволю насытившихся сочными травами...

Вдруг Гоша заулыбался, заметив прижавшуюся ко мне Полинку.

– Ну-ка, ну-ка, кто это в нашем дворе новенькая? Это чья такая девочка к нам в гости пришла? – Он протянул к ней свою большую корявую ладонь.

Полинка испугалась, уткнула лицо мне в подол.

– Это же Гоша, Полинка! Ты чего, это же Гоша! – закричал Юрка. – Она у нас ещё дикая, она беженка. От войны с дедушкой убежали! Дедушка отощал – в больнице лежит, а она у нас.

Гоша поднялся с чурбана, пошарил в карманах, вытащил горсть сушёной малины.

– На-ко тебе, маленькая девочка. – Он хотел погладить её по голове, но Полинка совсем разревелась.

– Да он только с виду такой. Не бойся. Он самый добрый! – уговаривала я Полинку.

Гоша высыпал ягоды в маленькую Полинкину ладонь и, прихрамывая, пошёл на почту. Возле порога остановился.

– У меня ещё есть работа, – сказал он. – Завтра пойду в пекарню дрова колоть.

Слово «пекарня» действовало на нас магически: пробегая мимо забора пекарни, мы всегда останавливались, чтобы подышать вкусным хлебным запахом, и завидовали грузчикам хлебовозок, развозивших хлеб для всего села.

Расторопная пекарка Таська, которую в последнее время стали навеличивать Таисией Лукьяновной, твердила одно: кроме Гоши, ко мне в пекарню никого не посылайте! Он крошки без спроса не возьмёт, а к другим у меня веры нету! На почте хоть кому дрова колоть можно, а в пекарне только Гоше. Поработает, пока у Сеньки рука поправится.

С дровоколом Сенькой Таисия работала согласно. Наловчившись в корчаге после выпечки хлеба ставить бражку, она пристрастила дровокола к выпивке. Он был радёшенек: хмелел, как кот, мурлыкал, говорил Таисии хорошие слова, потом уходил за печку поспать. Ей только того и надо было. Она успевала насыпать в маленькие мешочки муки и привязать их

шнурками вокруг своего тела. Потом будила Сеньку. Он вскакивал как очумелый и убежал колоть дрова... Во хмелю, видать, и пальцы себе отсёк.

Гоша от работы отказываться не умел. Раз надо – значит, надо. Мы были рады. Втайне мечтали получить от Гоши каких-нибудь гостинцев.

Таисия встретила Гошу приветливо. Только сел он на табуретку, прямо с пода бросила на лавку румяную лепёшку.

– Ешь, пока свеженькая, тёпленькая. Поди, давно такого не едал?

У Гоши в глазах потемнело, во рту горечь скопилась.

– Ешь, не бойся!

Гоша отломил кусочек лепёшки. Голова кругом пошла.

– Вот и ладно. Вот и хорошо. Голод – не тётка. Он хоть какого гордого подомнёт... Ничё, Гоша, не пропадём. Ты, смотрю, совсем отоцал. Дрова колоть – силу надо. Помаши-ка колуном – руки у всякого отвалятся.

Гоша не дослушал Таисиных слов, стремглав вышел из пекарни. Пекарка удивилась, немного погодя приоткрыла дверь.

– Экий прыткий! Посмотрю, на сколько тебя хватит!

А Гоша всё колол и колол. Уже солнце на закат покатило, а он всё колет и колет.

Таисия не вытерпела:

– Ладно. Хватит на сегодня!

А Гоша будто и не слышит.

– Ты чё, глухой? Зовёшь – не дозовёшься! – выговаривала Таисия, когда Гоша, сняв шапку, перешагнул через порог. – Сенька только и ждал, когда я дверь открою, а тебя звать надо. – Недовольная, пошла за печку и вышла оттуда с ковшом браги.

– На, отведай. Нароботался!

Гоша отодвинул ковш.

– Да ты чё? – опешила Таисия. – Да вышей, дурачок, разгони кровь. В тебе ведь она, как в болоте вода застойная. Кровь-то разгонять надо. Бери, не куражься!

– Не буду, – пробурчал Гоша.

– Ты чё? Ненормальный совсем? – заорала пекарка. – У любого мужика губа бы затряслась от радости, а он: не буду!

Гоша распахнул дверь и вышел во двор.

«Во чучело огородное. И родятся же такие непутёвые! Золотые сдал все до единого, хоть бы для смеха один оставил... Да за такой капитал любая баба в приживалки бы пошла. А у него всё между пальцев утекло. Кто из путных мужиков откажется от хмельной бражки? В ней пена играет, а он: не хочу, не буду! – Таисия сделала несколько глотков из ковша, а остатки поставила на стол. – Не быть мне Таськой, если его не упою! Вздумал куражиться!.. Как заведённый, бухает и бухает, – прислушивалась она к стуку топора. – Откуда силы берёт? Сенька столько дров за неделю накалывал!»

– Да заходи ты, блаженный! – во весь голос заорала она, приоткрыв дверь. – Упадёшь возле поленницы-то. Домой пора!

Гоша долго стряхивал с пимов опилки, на Таисию не глядел.

– На, бери лепёшку. Не ворована, от припёку. Дрова ты хорошо колешь, – говорила она. – И хлеб хорошо пропёкся...

В тот день, когда Гоша ушёл в пекарню, мы ждали его с нетерпением. Нам и в голову не приходило, что Гоша мог пройти мимо нашего двора. Не сговариваясь, мы попеременно выбегали на улицу, лезли на крышу, прислушивались к стуку топора.

– Всё колет и колет! – сообщал нам сидевший на крыше Колька.

Потом полез на крышу Юрка. Мама стала ругаться, что мы выстудили избу, бегая на улицу взад-вперёд. Мне было стыдно залезать на крышу, пришлось найти заделье – сбегать к подружке за учебником истории, который был один на весь класс. Выбежав, поднялась по лестнице, спросила Кольку:

– Колет?

– Перестал.

Все заторопились встретить Гошу.

Во дворе, узнав, что Гоша ушёл в пекарню, появились соседские ребята. Сашка Мартынов важно расхаживал, насвистывал, гонялся за щенком, поглядывал на дорогу. К нему подбежала сестрёнка. Мы ревновали других ребят к Гоше. Колька не выдержал, закричал на Сашку, что им здесь нечего делать, и что от постоянного шума и беготни во дворе у нашей мамы болит голова, а сам снова полез на крышу.

На улице вьюжило. Белка давно забралась в конуру, свернулась клубком. Со скрипом и скрежетом распахнулись ворота, во двор вошли почтовые лошади. Колька Субботин в большом отцовском полушубке вёл Серко под уздцы. Он вышагивал важно, будто не видел нас, громко посвистывал.

Я побежала на сеновал кинуть Мотьке мелкого сена. Корова дышала шумно, хрустко жевала жвачку. Я стала глядеть на звёздное небо, отыскивать, как говорили старшие девчонки, свою звезду... Уже отыскала одну возле гор, старалась не выпускать её из виду, когда услышала:

– Гоша идёт!

Я прыгнула с сеновала, забежала в избу, взяла за руку Полинку, укутанную в шаль, в маминых валенках, в которых она, сделав два-три шага, взмахивала руками и падала в выпавший накануне снежок.

– Айда, поторопимся. Может, Гоша нам хлебушка принёс.

Полинка плакала. Я попыталась взять её на руки, но чуть сама не упала в снег.

– Давай поторопимся, Полинка. Вон ребята подле него, как воробьи, кружат.

Гоша, еле переставляя ноги, шёл по двору. Ребята гурьбой бежали за ним.

– Устал? – спросил Колька. – Мы тут на почте за тебя дрова кололи.

– Вижу, – обтирая лицо снятой с головы шапкой, – сказал Гоша. Он сел на чурбан, как провинившийся, низко опустил голову и закашлялся...

– Простудишься, Гоша. Надень шапку, – деловито сказала я.

– А Сенька, пекарский дровокол, всегда по цельной буханке хлеба приносил, – не выдержав молчания Гоши, сказал Колька.

– Иди сюда, маленькая девочка! – ласково позвал дровокол Полинку.

– Иди, маленькая. Не бойся.

Полинка вдруг пошла к Гоше, встала возле его колен. Он потряс карманы, нашёл несколько сушёных ягодок, подал ей. У меня от жалостливого Гошиного голоса задрожали губы. Я вообще часто плакала, как мама говорила обо мне: в дело и без дела.

Все ждали, что, пошарив по карманам, дровокол что-нибудь отыщет в них. Поняв, что у Гоши в карманах пусто, не выдержав переживаний, Колька опрометью выбежал со двора, а двое соседских ребят тонюсенько заголосили.

Нетрудно было представить, как переживал Гоша, корил себя за то, что отказался от Таисьиной лепёшки...

На следующий день мы опять прислушивались к ударам топора, хотя уже и не так нетерпеливо ждали возвращения Гоши, которого пекарка принимала своими настойчивыми просьбами испить парной бражки.

– Не проси, не возьму в рот твоей отравы, а от лепёшки не откажусь, – сказал Гоша почти шёпотом.

Таисия обрадовалась, защебетала перед дровоколом:

– И чё куражиться-то? Больше брюха не съешь. Ведь у самого-то еле душа в теле...

Гоша молчал. Запах душистых лепёшек кружил голову. Он откусил лепёшку с одного краю.

– Да ешь, ешь ты досыта. Кто обеднеет от нескольких лепёшек? Ты ведь заработал. Ну-ка, помаша топором!

Гоша положил лепёшку за пазуху.

В этот раз он заходил во двор веселей, но ребята уже не толпились возле чурбана, а бегали по двору, барахтались в снегу.

Заметив стоявшую возле санок Полинку, Гоша позвал её. Она, обернувшись по сторонам, подошла к дровоколу.

– Тебя-то сейчас я хлебушком угощу. Ты ведь у нас гостья, дальняя гостья, – сказал он и отломил кусочек лепёшки. – Да не торопись, во рту поддержи, чтобы хлебушек свой вкус отдал.

Полинка робко протянула руку.

– Бери, бери, Полинка! – торопил её Колька, выросший будто из-под земли, облизывая губы.

– Бери скорее, пока тёплая, – улыбнулся Гоша. – Какие у тебя ручки-то маленькие...

– У неё всё маленькое, – сказал Юрка. – И глазки, и ручки, и ножки, и вся она маленькая.

Гоша разламывал лепёшку и почти не глядя подавал в каждую протянутую руку.

– Какая вкуснятина! – говорил Колька, закатив глаза. – Так бы привязал этот кусочек к носу и нюхал.

Ребята сбежались к чурбану, слетелись, как весенние воробушки к зерну.

Раздав лепёшку, дровокол поднялся с чурбана и молчком пошёл на почту...

– Сам-то Гоша попробовал? – спросила мама, когда мы рассказали о Гоше, угостившем нас кусочком тёплой лепёшки. – Он ведь еле ноги представляет. И таких людей Господу на землю посылать надо! – вздохнула она.

Утром мы снова прислушивались к стуку Гошиного топора, опять считали удары и выбегали по очереди на дорогу. Вечером мама сказала, что Сенька – пекарский дровокол – поправился, а Таисия жаловалась всем, что Гоша таскал из пекарни даже сырые лепёшки – лепил тесто на голое тело и кормил ими ребят в почтовом дворе.

– А этих ребят там, как саранчи, всех не накормишь, – жаловалась она.

Скоро наш Гоша захворал. Его, как и Полинкиного дедушку, лечили от истощения. Мы бегали под окнами больницы, но нас не пускали.

Умер Гоша в середине зимы. Наш почтовый двор опустел, а мы осиротели.

Виктор КОЗЛОВ

ТАЙНЫ ЛЕСА

* * *

Должна быть маленькая тайна
у каждого в своём лесу:
гнездо, найдённое случайно,
иль в ижицу завитый сук, –
тогда, расхристанной и грешной,
душе чуть легче будет жить;
она, страдая безутешно,
хоть чем-то будет дорожить!

1962 г.

* * *

Листья зубчато-узорчивы.
Хмель лесной – он так духмян,
что под ветром разговорчивым
я одним лишь духом пьян!
Пусть дожди пойдут осенние –
я в тебе не обманусь:
испокон ростки весенние

сохраняются, о Русь!
Русский дух – он в почке кольчатой,
под листом, готовым пасть.
Тройка мчится с колокольчиком.
Прочь, тревога! Прочь, напасть!

1995 г.

* * *

Герань – весёленький цветок,
красивый и неприхотливый.
А прежде я терпеть не мог
его – что он-де, похотливый
символизирует уют:
мещанский быт патриархальный...
...Герань, цветочек мой опальный,
ты скрашиваешь жизнь мою!

1992 г.

* * *

На весною срубленной берёзе
розовым пломбиром на пеньке
загустеют пролитые слёзы,
прорастут в лазоревом цветке;
через срок, под грустным бабьим небом,
пень засохший оживёт опять:
будет пахнуть вкусно новым хлебом
выросший здесь выводок опят...

1998 г.

* * *

Я купил у знахаря душицу,
Тавологу и ломкий зверобой...
Стало вдруг истомно и душисто –
будто детство встретилось со мной!..

Словно снова с мамкой на покосе,
и валки на солнце ворошу...
...что ж ты рано подступила, осень?
И куда опять я так спешу?..

2007 г., Белокуриха

* * *

Беспричинные девичьи слёзы!..
Вы похожи на дождик грибной.
Светит солнце, клонясь над землёй;
появился грибок под берёзой,
под осиной явился другой...
Умиляется старый прохожий,
на грибок тоже очень похожий,
говорит: «Нынче день-то какой
разгулялся – на радость! – погожий...
Хоть и дождь был с утра... Но – грибной...
Боровик, глянь, уж больно пригожий!

2000 г.

* * *

Свежим снегом пахнет ново: обожгло и, как орех,
будто осень... первый снег... раскололось враз бедово
И звучит как будто снова сердце...
твой далёкий тихий смех: ... выпал свежий снег!

2000 г.

* * *

Как сад ночной, душа прохладна;
просторна, как осенний лес...
Что б ни случилось, то и ладно:
что спорить с волею небес?

2001 г.

* * *

Пора бы привыкнуть:
листва –
чуть раньше или позже –
не падает, а – опадает,
кружась у подножья.
Пора бы привыкнуть:
ведь ты –
как эта листва,
отпадаешь

от сердца
и вновь вырастаешь,
наполняя иной красоты.
Пора бы привыкнуть...
Но я
привыкнуть никак не могу
к цикличности бытия
и обновления на бегу...

2003 г.

* * *

В колючих пригоршнях сосны
снежинки первые сверкают,
и, вероятно, до весны
они уже и не растают,
а превратятся в снежный ком,
в кучту, что может с лапы рухнуть
вниз – в волглый снег...
И вечером
послышится –
как филин ухнул.

2001 г.

* * *

Там – нет дождя... Там – солнце светит!
Там – дует ветер-тепловой...
Там при рожденьи чадо метит
сам Бог десницею своей.
И ты потом, что хочешь, делай:
коль хулиган, так – озоруй!
Воитель если – действуй смело!
А коли вор – то и воруй.
Везде судьба тебя достанет!
Но ты попробуй – помолись!..
И жизнь твоя, возможно, станет
иной – иною станет жизнь.

2004 г.

* * *

Рассветное – над водами – затишье,
а в небесах – беззвучный непокой:
в жгуты свиваясь, потекли рекой
по небу, цвета недоспевшей вишни,
сиреневые тучи...
...до тебя подать рукой,
ты – с кем? Ах, если б со Всевышним!
И всё равно: я – словно третий лишний...
...Гром громыхнул: пока что – далеко.
Покрылась гладь воды мурашками, как кожа.
И утро дождевой завесилось рогожей.

2000 г.

Владимир ВОЛКОВЕЦ

«ЗАМЕР ВЕК В ЦЕЛИТЕЛЬНОЙ КРАСЕ...»

* * *

Нас август берёт на испуг –
Наохлится, расхорохорясь,
Но вместо горошин из туч
Просеется млечная морось.

С утра паутинно тенист,
К закату размахисто перист,
Он посвист осенних синиц
Добавил в осиновый шелест.

Кедровник угрюмо намок.
И слышно, как ухнула чутко
В бездонно податливый мох
Чугунно гранёная чушка.

На хвою нанизанный дождь
Заставит любого с поклоном

Войти в тишину, и войдёшь,
И канешь в живом и зелёном...

Когда-то я здесь, заплутав,
Отчаялся выбрести к людям,
А нынче сюда же стремглав
Срываюсь от суетных буден.

А нынче за несколько лет
Напористой нефтедобычи
В дорогах, качалках и ЛЭП
Запутался б даже лесничий...

Теперь от сибирской тайги,
Что между Уралом и Обью,
Остались шуметь островки
Хранимые зыбью да топью.

Север

Едва унялась суматошная вьюга,
И звёзды рассыпались разом,
На спицах мороза из колкого пуха
Наутро лес заново связан.

В изысканно инистом великолепье
Ночь выяснилась не случайно –
Сошлась тишина в человеке и небе
Взаимно незыблемой тайной.

* * *

На шифере тени в гармошку.
Черёмуха к дому впритык.
Под ней, где присел на дорожку,
Ужимки червей дождевых.

Пора же! И грусти не спрячешь.
Когда оглянусь на углу,
Увижу в окне, как ты плачешь.
А слёзы текут по стеклу.

* * *

Как настойчивей и зорче
Не просеиваю дни,
Лишь твои шаги в полночь
Отзываются в груди.

А могла бы шарф оставить,
Безделушку на столе...
Даже тень твою на память
Не успел прибить к стене.

* * *

Комарё завьюжило над омутом –
Непонятно, к ведру ли, к дождю ль.
Лес в тумане, наглухо задёрнутом,
И в молочной спелости июль.

Где-то в облаках пошарит фарами
Ранний грузовик, гоня тьму.
Всё-то ворошим с друзьями старое,
То, что не припомнить одному.

Севером притёрты и проверены,
В нас – истоки нынешних тревог...
Образ романтического времени
Выветриться в памяти не смог.

Всё-то, хорохорясь, усмехаемся,
Не по силам взваливая груз.
И всё чаще за сердце хватаемся,
Будто в девяностых за Союз.

Надо же, прокладывали, строили,
Согревали, зажигали свет...
А теперь, как не было в истории
Вдохновлённых временем побед.

Снежная гроза

Сверкнула исподлобья.
Но с грохотом вразрез
Медлительные хлопья
Посыпались с небес.
И я поплыл беспечно
По волнам пуховым.
Любимая, я с детства
Не знал себя таким
Забытым и счастливым,
Но с мыслью о тебе
Меня сбивал порывом
В крошечной ворожке

То мягче, то веселей
Снег, льстиво семеня.
Наверно, в тихом доме
Ты заждалась меня?
Грозил он неминучим
Беспамятством, при том,
Что я, ведомый тучей,
Был как под колпаком.
И вырваться при этом
Из-под него не мог...
Покуда тучу ветром
Не оттащило вбок.

* * *

Слева кладбище, а справа
Город мой во всей красе,
И машин вечерних лава
По скользящему шоссе.

На высоком отдаленье
Церковь выпукло мила,
В наступающем потемненье
Продолжительно светла.

Город нас связал упрямо
Болью к речкам и лесам.
Только с обретеньем Храма
Стало ближе небо к нам.

* * *

От наплыва мороси свежо
И тенета в матовых накрапах.
Из туманной зелени ещё
Сеется черёмуховый запах.

Птичья переливчатая рань
Нам приоткрывает понемногу
Небом позолоченную рябь,
Мглой посеребрённую осоку.

Свет вдыхая, выдыхаем сны
С городскими тяжбами и гарью,

От которых нынче спасены
Кровною, родительскою далью.

Замер век в целительной красе
Без тоски и пыльного налёта,
Не колотит по мозгам шоссе,
Не режут сквозь душу самолёты.

Пусть всего мгновение одно
Постоять вселенскому затишью,
Но зато почувствовать дано
Счастье, называемое жизнью.

* * *

Когда дождя бы надо,
Не для себя – для сада,
Для колоса на стебле –
Ни облачка на небе.

На родину приеду,
Настроюсь на беседу
С товарищем по детству –
Ни дома по соседству.

Пока пером не тронут
Лист поутру, как омут
Тих в ожиданье клёва...
А в горле комом слово.

Дмитрий МИЗГУЛИН

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

* * *

А скорый поезд мчится ночью
По растревоженной земле,
И огоньки, и огонёчки
Летят навстречу мне во мгле.

Гремят раскатистые стуки,
Любовь и ненависть взброс;

И наши встречи и разлуки
Летят со свистом под откос.

Меняешь всё без сожаленья,
Летишь сквозь звёздную метель,
Осознавая, что движенье –
Твоя единственная цель.

* * *

Плохая ли, хорошая примета –
Не объясняй времён привычный ход,
Ведь всё равно наступит скоро лето,
И всё вокруг безумно расцветёт.

Не торопи привычный ход событий,
Развеет ветер утреннюю мглу,
Не совершай сомнительных открытий,
Живи, молись и радуйся теплу.

Доверься неизбежному теченью,
Не умножай сомнения ума,
Внимай природы мудрому движенью;
Вернется всё – и осень, и зима.

Душа летит под голубые своды,
Ведь жизнь твоя – а ей ведь нет конца, –
Частичка торжествующей природы,
Бессмертное создание творца.

* * *

Весна. И запахи, и звуки
Взорвут заснеженный покой.
И вновь любви случайной муки
Овладевают прочно мной.

Чернеет снег, мутнеют дали,
Отгадет снежная луна,
И надоевшие печали
Наполнят сердце мне сполна.

И всё, что было позабыто,
Впаялось в прошлое, как в лёд,
Под синь небес взметнёт открыто
Неустршимый ледоход.

И станет горько и тоскливо,
Когда подумаешь, что зря
Душа парила горделиво
В морозных высях января...

* * *

Когда лютует непогодь,
И неизбежна ночь,
Я верю – лишь один Господь
Сумеет мне помочь.

Отверзи двери в горний рай,
Надеждою согрей,
Не по грехам моим воздай,
По щедрости своей...

Вселенский сумрак впереди,
Метель – всё злей и злей;
Не по делам меня суди,
По милости своей.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звёзд,
И нет ни друга, ни врага,
И город, как погост.

Куда б ни вывели пути,
Молюсь на склоне дня,
Прошу – спаси, прошу – прости,
Не покидай меня.

Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

* * *

«Не забудь меня», – она сказала.
«Не забуду», – он сказал в ответ...
Задремала лодка у причала,
На волнах качнулся лунный след;

И расстались навсегда. Забыли
Эти клятвы, лодку и причал,
Разлетелись в снежно-звёздной пыли
Все концы, начала всех начал.

Пролетела жизнь, а что осталось?
Остывает серая зола.
Ранняя осенняя усталость
Инеем сиреневым легла.

Чувствуешь, хотя промчались годы,
Как в руке дрожит её рука...
И несёт свои седые воды
Прямо в вечность зимняя река.

* * *

Стояла тёплая погода,
Шумела жёлтая листва,
Но всё своё взяла природа –
Снег выпал после Покрова.

Ликуй, когда ликует лето,
Душой смирайся в непогодь.

Всему свой срок – поверь приметам.
Определит судьбу Господь!

Прими и эту неизбежность,
Чтоб до конца не расплескать
И нерастраченную нежность,
И неземную благодать.

* * *

Опалённый печалью разлуки,
Оставляю любовь позади.
И без трепета, боли и муки
Бьётся сердце стальное в груди.

Сколько дней там в запасе осталось?
Наблюдаю движенье реки...
Не хочу даже самую малость
Израсходовать на пустяки.

Не пугает уже постоянство,
Одиночество в звёздной глуши...
Созерцаю немое пространство
Бесконечной, как небо, души.

* * *

А. Смирнову

Сиж у моря, жду погоды...
Погоды не было и нет:
Тускнеют сумрачные своды,
Дрожа, струится лунный свет.

Нет никого на белом свете,
И мир объемлет тишина,
И только звёзды, только ветер,
И только жёлтая луна.

Немая даль в тумане тает,
Шагает чайка по песку...
И где-то рыбка золотая
Плывёт навстречу старику.

И. СЕВЕРСКИЙ

Берёзы в снегу

Вдруг меня поманили
Березы в снегу.
И загадочный кедр, отливающий синью.
И почувствовал я – что без них не смогу.
От того и уехал на Север России.
Где-то степи остались
В зазывном цвету.
В озорных переливах
Гортанных и гордых.
И оставил я ту,
Ту, которую очень люблю,
Чтобы строить лобастый
И кряжистый город.
Чтоб себя самого
Испытать на излом.
Ведь от этого люди
Становятся крепче.
И увидеть, как в домнах
полярных ветров
Отливают мужские упрямые плечи.
Вдруг меня поманили
Березы в снегу.
Край далекий, зовущий
Померяться силой.
И почувствовал я –
Без него не смогу.
От того и уехал
На Север России.

По грибы

Стихи писать, что грибы собирать.	Такие и встречаются-то, может быть,
Вот строчка нарядная, как сыроежка.	Один раз в жизни.
Вот слонявая и скользкая, как масленок.	Получается интересное выражение:
А вот гордая и ядовитая,	Стихи = грибы, грибы = женщины.
Как мухомор.	Его можно упростить:
А вот упругая, мощная и душистая.	Стихи = женщины.
В ней достоинство и благородство	При упрощении получилась баналь-
Белого гриба.	ность.
Флиртовать с женщинами,	А не надо упрощать.
Как грибы собирать.	И тогда получается интересный ряд:
Одна – доступная и нарядная,	Стихи – грибы – женщины.
Как сыроежка.	И то, и другое, и третье вначале со-
Ее и готовить особо не надо.	бираешь,
Другая – слонявая и скользкая,	Затем жарить, солишь, марину-
Как масленок.	ешь, сушишь.
А вот – упругая и душистая.	Нанизываешь на суровую нить.
В ней все достоинства белого гриба.	Эта нить – твоя судьба, твоя жизнь.

Рюкзак

Что с него взять, с рюкзака?
Он – рюкзак.
Верный и старый служака.
Выпить бывает порой,
Не дурак.
Но не подводит, однако.
В лютую стужу,
В полуденный зной
Держится цепко за лямки.
Нас согревает, дружище,
С тобой
В ночь на холодной стоянке.
Сколько же внутренней
В нём доброты.
Сколько в нём скромности
Внешней.
Сколько домашней хранит
Теплоты
Этот бродяга сердечный.
Он истрепался в скитаньях,
Устал.
Жаждет затихнуть за
Печью.
Только не скоро желанный финал,
Снова заброшен за плечи.
Снова безропотно носит
В себе
Спички, патроны, консервы.

Тих и покорен нелёгкой судьбе.
Зря не расходует нервы.
Где-нибудь там,
Возле самого дна,
Спрятан большой самородок.
Будто предвестник великого дня,
Сам себе чудо природы.
Любит хозяин свой верный рюкзак,
Часто добром поминает.
Крепко пакует и эдак и так,
Только вот не награждает.
Орден не светит ему, старику.
В должности не повышают.
Да и по выслуге лет рюкзаку
Пенсии не обещают.
Честно же, верой и правдой служил.
В дальних изорван маршрутах.
Песню геолог ему посвятил.
Вот она – славы минута.
Часто бывает – рассеется мрак.
Сам он с рассветом проснётся.
Думает: вот, что с того, что рюкзак?
Ведь по делам воздаётся.
Может быть, и воздадут по делам.
Может быть, даже до смерти,
Только не здесь и не мне, и не вам.
И не ему, уж поверьте.

Кавказ зимой

Морозец, как капустный лист.
Звенящий, свежий и хрустящий.
Он неподдельный, настоящий...
Он молод и душою чист.
Он как лихой казачий свист,
Мозги и тело леденящий.
Он весел, как всю ночь не спавший
На свадьбе сельской гармонист.
Как он вообще сюда попал
В предгорья строгого Кавказа?
Он стал своим мгновенно, сразу,
И всякий здесь его признал.
И покорило всё ему –
Вершины горные и степи.
Покрылись тонкой коркой реки,
И звезды разрубили тьму.
Он был недолго, этот гость,
Затем ушел в свои пределы.
Снег нам оставил – белый, белый.
Рябины кисло-сладкой горсть.

В ту ночь...

В ту ночь, мы, не смыкая глаз,
Курили, спорили, ругались.
Мы пили крепкий чай,
И нас
Псы мохноногие боялись.
Они, прищуривая глаз,
С ворчанием
Глухим и злобным
В упор рассматривали нас,
Горел костер среди сугробов.
Мы вспоминали, как вчера
Надсадно взвыли трактора,
Как приподнявшись над землей
Плыла, подрагивая, вышка,
А наш прораб – на вид мальчишка,
Ордой командовал стальной.
С утра он жадно, из ведра,
Пил долго воду ледяную,
Копну волос его седую

Терзали дерзкие ветра.
Затем прошла команда «Стоп!»
Троса, как нервы, натянулись,
Носами трактора уткнулись
В гигантский ледяной сугроб.
Сбывалось все, о чем вчера
Мы даже думать вслух боялись,
Над чем отчаянно смеялись
Псы у вечернего костра.
Но показался наш «КаМАЗ»,
Путь, освещая ближним светом.
И стало ясно, что к рассвету
В поселок он доставит нас.
В башке была белиберда,
Мы были без хмельного пьяны.
А на рассвете – телеграмма.
И текст, как выстрел от бедра:
«Болею и скучаю – мама».

Безветренно, морозно, тишина

Безветренно, морозно, тишина.
Туман на снег ложится пеленою.
Над крышами дымок,
А под трубою
Дрова в печи трещат, и печь красна.
Простое и уютное жильё.
Здесь пахнет хлебом, тмином и сосною.
Здесь всё давно течёт само собою,
Никто не помнит, кем заведено.
Я постучусь в заветное окно.
Хозяева меня, конечно, впустят.
Я встречу утро новое без грусти.
Никто не помнит, кем заведено.
Здесь каждый новый гость,
Как Новый год.
А Новый год встречают хлебом-солью.
Поделисься здесь радостью и болью.
Никто не помнит, кем заведено.
И будет дальше путнику легко.
Дорога в радость, а удача рядом.
Здесь провожают только добрым взглядом.
Никто не помнит, кем заведено.

Она сочиняет рассказ

Она сочиняет рассказ,
Как море волнуется – раз.
И волны, как девичья грудь,
Вздымаясь, мешают уснуть.
Она подбирает слова,
Как море волнуется – два.
И как накрывает прибой с головой,
Когда он уходит к другой.
А море волнуется – три.
Фигура, на месте замри,
Седая дрожит голова,
Но всё не приходят слова.
Нехитрый вальсок: «Раз, два, три».
Безмолвие, чёрный гранит.
Да золотом жарким – слова.
Их ночью метель намела.

Город

Город оделил людей работой.
Каждому по ломтю с каравая.
Нашим домом, хлебом и заботой
Северная стала буровая.
Мы сшивались долго, тяжело.
Кто не приживался, уходили.
Их не вспоминали.
Их забыли.
Быстро, основательно и зло.
Вспоминались голодно и трудно
Дом, любимые.
Кипение садов.
Улицы родимых городов.
Всё глушилось пьянством
беспробудным...
Помогло ли?
Нет, не помогло.
Наш бессменный мастер
Матом русским
С хрустом изгонял из нас похмелье.
И сменялась утром
Накипь грусти
Озорным отчаянным весельем.
Было всяко.
Рокот первых вахт.
Бешеных часов ревуций ритм
Пот в глазах, а иней на бровях
Буду помнить,

Сколько буду жить,
Как в треклятый каторжный мороз
Лопнул трос, и накренилась вышка.
Был аврал.
Партком чинил разнос,
Важная срывалась передвижка.
Как помбур с площадки верховой
На ремнях спускался по растяжке,
Как взлетали трубы над тобой...
Вспоминать и то такое
Тяжко.
Но не только это помним мы.
Помним мы и радостные дни.
Память непременно сохранит
Нашей дружбы северной
Гранит.
И фонтанов мощное рычанье.
Кладовых подземных глубину
Мы взрывали,
Чтобы их дыханьем
Отогреть продрогшую
Страну.
Это было больше чем открытие.
Радости прозрения хлебнув,
Шли мы после вахты –
Все великие!
Подняв головы и плечи
Развернув.

Станислав ЮРЧЕНКО

Сказка

Бились странные тени на голой стене,
а за окнами выла метель.
Ощущение сказки возникло во мне,
может быть, наяву, а возможно, во сне,
до конца не пойму и теперь.

В этой битве миров, уходящих во мглу,
звон мечей, пенье пущенных стрел.
Понизовый огонь превращает в золу
и посадки у берега в правом углу,
в левом – груды поверженных тел.

Низкорослые лошади вечных врагов
топчут наши поля и сады.
Слушай, батюшка Дон, у твоих берегов
продолжается битва славянских богов
против идолов грозной орды.

Тускло-жёлтый торшер у окна, как луна,
цвет обоев, как русская степь.
И дрожит, сотрясается в корчах стена,
как дрожит и корячится наша страна,
разрывая незримую цепь.

Вряд ли помним мы Сергия древний завет,
данный Дмитрию грозной порой,
но, почти по прошествии тысячи лет,
с Челубеем на сечу идёт Пересвет.

И опять продолжается бой.

Родники

Жизнь и смерть повязаны навеки,
но грустить о прошлом не с руки,
на земле останутся, как вехи,
бесконечной жизни родники.

Бьют они то ласково, то звонко,
не приемля мёртвой тишины,
голосом восторженным ребёнка,
шёпотом волнующим жены.

Бьют водой живую неустанно,
наполняя смыслом день и ночь,
в ней когда-то сын омоет раны,
и младенца искупает дочь.

Напоят водою этой жито,
чтобы накормить и обогреть.
Влагою хрустальной омыты
твёрдость веры и земная твердь.

До краёв полны небесной сини,
ветра и полуденной тиши
малые сокровища России,
вечные творения души.

И когда зажгутся свечи в Храме
перед искупительным концом,
родников серебряное пламя
обожжёт прохладой лицо.

Просто осень

Дни всё короче.
По утрам свежо.
Роса на теле дрогнувших растений.
Вот-вот с небес седых, из туч осенних
падёт на землю сонную снежок.

Легко дышать.
А чувствовать – увы!
Всё в мире замирает постепенно.
Витое, сучковатое полено
чернеет сиротливо из травы.

Летят года, чем дальше – тем быстрее,
находки и потери чередуя,
холодный ветер им вдогонку дует,
ероша листья скучных тополей.

Рябины гроздьями углями горят,
подсвечивая выцветшую просинь.
Листает полуголой веткой осень
намокшие страницы октября.

Нас не тревожат кризис и вожжи,
ты кутаешь в платок тяжёлый плечи,
и не настал пока последний вечер,
когда уже не выпадут дожди.

Признание в любви

Ливень отшумел.
Тайга в испарине.
Дрожь воды неторопливых рек.
Как же быстро мы с тобой состарились,
завершая беспощадный век.

Годы те, как повести писались
на страницах беспокойных дней,
мы смеялись, плакали, влюблялись,
поднимали наших сыновей.

Злые ветры перемен шумели,
над страной истерзанной глумясь.
Как-то мы вдвоём с тобой сумели,
сохранить семью и нашу связь.

И тебе в ту непростую пору,
знаю, трудно было, и не раз.
Принимаю их немим укором,
все твои морщинки возле глаз.

Милая, единственная, свет мой,
лишь благодаря тебе, поверь,
жизнь моя была, во-первых, светлой,
во-вторых, имела смысл и цель.

Молодые, сильные, шальные,
мы неслись по лезвию веков,
вскоре дети поднялись на крылья,
полетели выше облаков.

Я не знал, по сути, доли лучшей,
говорю от сердца, без прикрас,
до сих пор благодарю тот случай,
что однажды познакомил нас.

Жаль, что наша жизнь так
быстротечна,
но, её по-прежнему любя,
я за то лишь ставлю Богу свечи,
что он создал вечную тебя.

Река жизни

Моя река течёт среди болот,
бескрайних, с голубикой и клюквой,
от глаз скрывает, душу убаюкав,
за поворотом новый поворот.

За ним стоит столетняя тайга,
в лучах зари потягиваясь с хрустом,
поросшие смородинником густо
нависли над водою берега.

И вдруг – завал!
Перегорожен путь
в залив любви, где ждут родные стены.
С ворчанием, сбивая клочья пены,
река стволы пытается столкнуть.

А дальше сор и чистая вода
за звонким, беспокойным перекатом.
Полюбоваться бархатным закатом
нередко возвращаюсь я сюда.

Река бежит, не ведая куда,
не следуя велениям и моде.
Пробив надёжный путь в любой породе,
струится животворная вода.

Так жизнь моя: то склочна, то тиха,
то весела безмерно, то печальна,
сокрыта в глубине холодной тайна
какого-то вселенского греха.

Река – как жизнь.
И потому она
в трескучие морозы замирает,
но по весне колючий лёд ломает
шальная, безудержная волна.

И, лишь когда сухих времён песком
ключи задушит, что её питают,
река, растратив силы, умирает,
бесследно исчезает подо мхом.

Сергей ЛУЦКИЙ

ДЕМБЕЛЬСКИЙ БОГ

1

Откуда оно пошло, что дембель в мае, никто не знал. Сам Никишин впервые услышал ещё в карантине. До постановления Верховного Совета о переходе на два года службы было как до Москвы раком, но в части уже пели: «Пап-пап! Дембель в мае, пап-пап!..» Текст самодельный, а мелодия была известна на весь Союз – «Замечательный сосед», репертуар популярной Эдиты Пьехи.

Пелось это не только в бытовках, когда подшивали подворотнички и драили асидолом бляхи. На вечерних прогулках (офицеры и куски-сверхсрочники уехали в гарнизон, за старших в ротках срочнотрудовые сержанты) строй азартно бухал сапогами по бетонке и сотнями глоток выдавал: «Пап-пап! Дембель в мае, пап-пап!..» Это вместо строевой песни о непобедимой и легендарной. Голоса солдат тушились обступившим казарму лесом.

В шестьдесят восьмом, когда Никишин уже служил третий год, так и получилось. Приказ министра обороны об увольнении в запас вышел даже раньше, в апреле, но отпускать в части никого не спешили. Дембеля, или деды (ими старики становились после приказа), томились, ходили хмурые, злые, старшина на всякий случай перестал их назначать в караул – мало ли что, всё-таки автомат и два рожка патронов.

Пытались узнать, как в других частях. Слухи, они же параши, ходили разные. Но, похоже, ни на точках, ни в гарнизоне никого ещё не отпускали. А тут и с погодой хрен знает что. В двадцатых числах мая вдруг повалил снег и лёг пухлым слоем на давно сухую землю, пригнул ветки с распутившимися листьями. И это за неделю до лета!.. Ладно, Север, а то Калининская область.

Тоска!

Вот тогда-то Никишин и завёл себе Дембельского бога.

В военторговском магазине, кроме сгущёнки, печенья и материала для подворотничков, продавалась ещё всякая ерунда. В том числе небольшие пластмассовые фигурки то ли гномов, то ли домовых. В рот фигурке можно было вставить сигаретку (они входили в набор), зажечь – и то ли гном, то ли домовый начинал попыхивать, пускать колечки. Получалось забавно. Никишин купил. Поставил на тумбочку возле своей койки, долго смотрел на хитроватую скрытную физиономию и решил, что это будет Дембельский бог. Он его станет наказывать или поощрять – как тот заслужит. Никому об этом, понятно, Игорь говорить не стал.

Тоска его давила вдвойне. На первую партию дембелей (началось всё-таки!) Никишин смотрел из окна офицерской столовой. Он тоже мог быть среди этих надраенных сержантов на плацу, их с оркестром и расчехлённым знаменем провожал сам полковник Алексанин. Но не был. За пару месяцев до того он набил физиономию наглому второгодку Рукавицыну, и его разжаловали.

Смотреть на проводы первой партии было невыносимо, и Никишин сказал:

– Протирать полы будем?

Кухонному наряду (все – деды, наряд в офицерскую столовую их привилегия) смотреть на происходящее на плацу тоже было, как серпом по одному месту.

– Можно, – уклончиво ответил длинный веснушчатый Кондратьев и подался от окна. – Как хочешь. Дело хозяйское.

Бывший сержант не знал многого, что давно усвоили тёртые рядовые. Чужой, в их шкуре не был. На кой, спрашивается, братья за швабры, если заведующий офицерской столовой, кусок-сверхсрочник в белой куртке, молчит? И вообще, не спешите говорить «есть!», может последовать команда «отставить!» Первая заповедь.

Один Юрка Пономарёв бросил:

– Салага! – И с ухмылкой ждал реакции Никишина.

Недавний подчинённый залупался не первый раз. Он и во время завтрака (кормили наряд здесь же, по офицерской норме, что и привлекало) взял масло Игоря и принялся медленно, с издевательской ленцой намазывать на свой кусок хлеба. Крупное кувшинное лицо Пономаря говорило: ну ударь, ударь!..

Никишин с досадливым изумлением смотрел на него. До того как Игоря разжаловали, они дружили. Только Пономарёв знал, что он пишет стихи. А когда командир расчёта невзлюбил Юрку и приказал гонять на плацу, Никишин больше показывал, как надо ходить строевым и тянуть носок, чем заставлял это делать приятеля.

Говно!.. Знает, он его не тронет, что бы Пономарь ни сделал. А то будет не дембель, а дисбат – припомнят Рукавицына, рецидивист.

В последние недели Никишину стало ясно: как бы он ни старался зря ребят не гонять и не орать – всё равно оставался для них спиногрызом-сержантом. Уж Пономарю-то что выступать, а вот вылезло. Ещё о стихах ему рассказал, придурок!.. Понимать это было особенно унижительно, будто признался в своей слабости, а ею взяли и воспользовались.

* * *

Вечером в казарме деды легли на заправленные койки. Не полагалось, но сделать замечание дежурный по роте не посмел. Подавленно молчали. Одно дело, когда знаешь, что скоро дембель, другое, когда видишь, как уже уезжают.

– Дембельский аккорд надо просить, – сказал веснушчатый длинный Кондратьев.

– У пана Вотрубы дождёшься!

– В других ротах дают.

– То в других.

Опять молчали. Отбой был ещё не скоро, неунывающие второгодки (они же «желудки», они же – по названию старого фильма – весёлые ребята) шатались по казарме, ржали и вообще вели себя так, как им не полагалось. В том числе Рукавицын, которому фингалы впрок не пошли. Этот лупоглазый, с запавшими щеками второгодок так же шатался в тот раз, когда получил по рогам, болтал и нагло смеялся на всю казарму.

Может, ничего не случилось бы, но у Никишина не шли стихи. Вернее, плохо шли, с трудом, как всё последнее время. Ясноглазый парнишка, живший в нём ещё недавно, всё больше вытеснялся матёрым стариком. Этот новый с усмешкой наблюдал, как Никишин подыскивает рифму. Не

составную, как у Вознесенского или Евтушенко, а точную, правильную. Игорь старался выразить то, что было в нём, но так и такими словами, как ни у кого ещё не встречалось.

«Делать не хрен! – усмеялся Никишин-старик. – Повалиться бы недельку в санчасти, а еще лучше в отпуск съездить – это было бы дело!..». Прежний Игорь упирался, пытался язвить: как надел я португею, все тупею и тупею! Хотя никакой португеи срочнику не полагалось. Игорь чувствовал: уступает. Быть стариком, да ещё сержантом, вообще-то клёво, зашибись. Все тебя в части знают и уважают, даже офицеры. Вот только стихи не шли. Это злило.

Никишин в тот раз прикрикнул на Рукавицына, но Рукавицын не заткнулся, а дерзко ответил. Не отходя от кассы и схлопотал. Салаги, без вины виноватые (тоже по названию фильма), сейчас тихо ждали, чем наглёж молодых закончится на этот раз.

– Ну!.. Желудки!.. – приподнявшись на койке, рявкнул Пономарёв.

Этого оказалось достаточно, весёлые ребята притихли. Их никто в роте не любил. Деда – за то, что по новому закону молодым светил дембель тоже в этом году, хотя прослужили меньше. Салаги – что молодые их прессовали, спихивали самую тяжёлую и грязную работу в нарядах.

– Оборзели. Совсем нюх потеряли, – зло бормотнул Никишин, ни к кому не обращаясь. И заиграл желваками – сейчас он особенно чувствовал себя дедом.

Кондратьев, устраивая на спинке койки свои длинные ноги в сапогах, вяло поддержал:

– Не говори.

– А что, деда, – предложил красавец москвич Серёга Коршунков, касаясь пальцами косо подбритых дембельских баков, словно проверял, на месте ли. Баки ему приходилось каждый раз отстаивать перед старшиной на утренних осмотрах. – Выдадим всеобщее презрение пану Вотрубе, ага?

Полагалось на всю казарму выматериться – хором и от души. Так, чтобы стёкла в окнах дрогнули. Ритуал. Отдушина. Но Коршункова на этот раз не поддержали. Не до забав, хотя командир роты, конечно, мудака.

– Молодые себя уже стариками называют. Сам слышал, – сказал Коршунков.

Но и это не расшевелило дедов, хотя должно было. На их первом году кто-то из служивших третий год назвал себя стариком, а в роте ещё оставалось нескольких парней предыдущего призыва. Один из них и приголубил наглеца тяжёлой армейской табуреткой. И никто не заступился, хотя дедов в роте оставалось раз-два и обчёлся, новые старики могли их размазать по стенке. Промолчали, съели. Не деда тогда были – звери.

Опять молчали, смотрели на всё ещё светлое небо за окном. Слышно было, как по телевизору в ленкомнате началась программа «Время». Митинги в Чехословакии, ползучая контрреволюция, попытки реставрировать капитализм – каждый день одно и то же. Ненужное, не имеющее к ним и дембелю никакого отношения!..

От тоски и злости у дедов сводило челюсти. У них есть родина – тоже по названию старого фильма.

Никишин поднялся, достал из тумбочки Дембельского бога и пошёл в туалет. Там расстегнул ширинку и обмочил его.

Ничего другого Дембельский бог не заслуживал.

Однако он оказался незлопамятным. А может, урок пошёл впрок.

На следующее утро командир роты майор Осипов появился из канцелярии, как обычно. Собравшемся, было, докладывать старшине мимоходом махнул рукой «отставить!».

Майор легко носил свой большой живот, был лыс, заплывшие глазки на багровом лице сметливо бегали. В части говорили, когда-то он был сверхсрочником, но окончил офицерские курсы и дослужился до командира роты.

«Человек толстый, но хитрец тонкий», – острили молодые офицеры, не забывшие ещё школьную программу по литературе. С их лёгкой руки и пошло это пан Вотруба, хитрозадый персонаж телевизионного кабачка «Тринадцать стульев».

Майор Осипов обежал быстрыми глазами построившуюся на развод роту.

– Кондратьев, Пономарёв, Коршунков, Минин, Никишин, Загоруйко!.. Зайдёте в канцелярию. Старшина, разводи людей.

Ничего хорошего Игорь от командира роты не ждал. После случая с Рукавицыным майор хотел его комиссовать. Типа, в роте с дисциплиной порядок, а рукоприкладство – так это сержант со сдвигом. Конечно, хорошо было бы побыстрее вырваться из непобедимой и легендарной, но с такой записью в военном билете испортишь себе жизнь, Никишин об этом слышал. В госпитале он вёл себя нормально, косить не стал, а то, что дедовщина в частях обычное дело, врачи знали.

Сейчас, похоже, было что-то другое. Все названные майором – деды. Неужели?..

– Домой хотите? – спросил Осипов, когда после развода все шестеро зашли в канцелярию.

В другое время можно было бы хмуро переглянуться – издевается пан Вотруба! – но только не сейчас. Сердца ёкнули.

– Спрашиваете, товарищ майор! – Деды, зависимо улыбаясь, прикипели к командиру роты глазами и подались вперёд.

– Полосу препятствий знаете? За клубом. Надо довести до ума. Как сделаете – уедете.

Полосу препятствий орлы из хоззвода строили уже полгода. По расчищенной от леса площадке ползал бульдозер, ровнял землю, вибрирующим от напряжения тросом ставил на попа громоздкую ржавую конструкцию, хоззводители в заляпанных раствором хэбэ заливали её основание... И всё не торопясь, с недельными перерывами. Работы оставалось ещё до черта.

– Ну, что?

– Конечно, товарищ майор! Какой разговор!.. – теряя всякую солидность, враз заговорили деды и затоптались, задвигались в тесной ротной канцелярии.

Вечером Никишин достал Дембельского бога, пристроил на тумбочке и зажёл сигаретку. Пристально смотрел на попыхивание, на то, как колечки синего дыма отрывались от кончика сигареты и таяли.

Он ничего не говорил, ни о чём Дембельского бога не просил, тот и так всё знал. Стихи – это потом, когда-нибудь, а сейчас самым важным было другое. Бородатая физиономия Дембельского бога хитровато лоснилась. В приземистой пластмассовой фигурке шоколадного цвета было довольство. Дембельский бог разве что снисходительно не подмигивал Никишину.

Кури. Заслужил.

В казарму возвращались в сумерках, когда работать становилось невозможно. С погодой вышло, как в плохой книжке: лето началось, когда стало нужно – с первым днём аккорда сразу солнце и жарко. То, что неделю назад шёл снег, казалось уже диким, не верилось.

Шаркая сапогами, деды брели в умывальник, обливались водой из-под кранов. На вечернюю поверку они не появлялись, старшина смотрел на это сквозь пальцы. В части боролись с самоволками, но какая самоволка может быть у аккордников? Долбанутые, что ли? Ломом гони, не пойдут.

После отбоя дневальный наводил в умывалке порядок, сегодня им был Рукавицын. Никишин даже не посмотрел в его сторону. Было не до этого желудка, похожего запавшими щёками на селёдку.

– Завязывай, молодой, – почти мирно сказал Пономарь. Он тоже уставал. Единственный Юрка работал не в сапогах, а в кедах – добыл у зама командира по физподготовке, с которым играл в шахматы. Вообще-то люди с таким лицом, как у Пономаря, в шахматы не играют, а тем не менее. «Знает, с кем дружить», – подумалось Никишину. Но тоже беззлобно, отчуждённо, как и о Рукавицыне. Подловатость Пономаря тоже стала неинтересна.

Дневальному дважды повторять не пришлось. Косясь на Игоря – всё ещё опасался бывшего сержанта, – Рукавицын испарился. Кроме аккордников, в умывалке оставался один Загоруйко, тот не спал, одиноко курил у окна. Загоруйко был водителем спецтехники, а водителей, оказывается, задерживали до особого распоряжения. Загоруйко сразу с аккорда сняли. Не глядя на парней, он щелчком выбросил в окно сигарету и хмуро вышел.

– Каждый умирает в одиночку, – сказал Пономарёв.

Мог бы и промолчать, дубина.

Работать в гимнастёрках было невозможно, в первый же день все обгорели. Умываться приходилось осторожно. Воспалённую кожу вдобавок разъедал пот. Но всё это было фигня – и кожа, и Пономарь, и желудок Рукавицын. Полоса препятствий понемногу вырисовывалась, проступала всё отчётливей, а значит – и дембель.

– Пешком бы пошёл? – Услышал Никишин шёпот в спёртой темноте казармы.

– Запросто.

– Так это сколько километров до твоего Тамбова! Тысячу, может, или больше.

– Ну и что? Пошёл бы.

Шептались на втором ярусе двое салаг. Игорь плохо их знал. В армии, как в школе, хорошо знаешь тех, кто старше, на младших не особо обращаешь внимание. Салаги притихли, когда он тяжело опустился на свою стариковскую койку внизу. Переждав, зашептались опять:

– А если бы сказали, ладно, иди, но голый? Совсем.

Второй голос помолчал.

– Летом?

– Ладно, летом.

– Пошёл бы. Днём куда-нибудь забираюсь, сплю, а ночью иду.

– А если зимой? Мороз, снег...

На этот раз голос молчал дольше. Наконец сказал:

– Всё равно пошёл бы.

– Так мороз, замёрзнешь! Голый!..

Игорь усмехнулся. Размечтались салаги. Он тоже мечтал на первом году.

Если бы разрешили, ушёл бы пешком на самом деле. Особенно доставала тоска в караулах. Казалось бы, один на посту, устройся где-нибудь с надветренной стороны, чтобы гептил из хранилища травил не на тебя, сочиняй в уме. Вернёшься в караулку, запишешь. Не получалось.

Темнота на десятки километров, дышащий тревогой и враждебностью ночной лес, бесприютность. Никишин представлял залитый светом зал их поселкового Дома культуры, музыка, танцы, девчата... Завидовал парням, откосившим от армии. Заочники. «Армия – это школа жизни, но её лучше пройти заочно». Кому-то удаётся.

Было непонятно, как вообще можно хотеть служить. В части ходила легенда: во время хрущёвских сокращений один татарин отказался от дембеля. Типа, в деревне скажут, больной, если раньше срока вернётся из армии. Никто замуж не пойдёт. Да чёрт с ними, со всеми девками, вместе взятыми! Сравнил!..

– Придумал бы что-нибудь. – Вверху зашептались опять.

– Чего придумаешь? Мороз, а ты голый. Полный крантец!

– А я...

– Хорош базарить! – оборвал Никишин. Утром нужно было подниматься часа в четыре, светло в июне становится рано, можно работать.

Сегодня воровали доски у стройбатовцев. Зам по тылу выдал листы жести и гвозди, насчёт досок сказал, что будут на следующей неделе. «Так дембель горит, товарищ капитан, дембель!.. – Красавец москвич Серёга Коршунков с чувством стал трясти перед замом по тылу ладонями. Даже сейчас он не забывал каждый день подбривать свои модные косые баки. – Дайте машину, мы сами найдём!» Без досок было не обойтись, на полосе препятствий полагалось стоять макетам ракет. «В самоволку не махнёте?» – с сомнением скосил глаза капитан. «Товарищ капитан, мы похожи на идиотов?!»

Стройбатовский склад находился неподалеку от гарнизона, он даже не был огорожен. Самосвал подъехал к крайнему штабелю, деды спрыгнули на землю. Откуда-то появился встревоженный чурка, стал спрашивать, чего надо. Никишин и Коршунков молча принялись забрасывать на самосвал подходящие доски. Стройбатовец пытался мешать, хватался за концы, ругался по-своему, но кто его будет слушать. Доски выгрузили на полосу, обшили макеты ракет и сразу покрыли сверху жестью. На всякий случай жесть ещё и покрасили. Пусть стройбатовцы ищут, полковнику Александину жалуются!..

После обеда Никишин чуть не погорел из-за своей вспыльчивости. Пришлось ждать наждачную бумагу, чтобы перед покраской оттирать от ржавчины вышку, эту дуру в три этажа. Аккордники забрались на верхнюю площадку, улеглись на пахнущий свежим деревом настил, задремали. Спать последнее время приходилось мало, в глазах постоянно был песок. Разбудила ругань дежурного по части – кто-то капнул, типа, солдаты бездельничают. «А вы поспите три часа в сутки, товарищ майор! А потом на солнце весь день! И руки в занозах нарываю!.. – взъярился Никишин. – Попробуйте! Потом хай поднимайте!..» Остальные деды потупились. По лицам было видно, Никишина они не одобряют. Зарывается бывший сержант. Нежный очень.

Его счастье, майор был из контрольно-измерительной лаборатории, а не тупой строевик. Пожалел, не доложил командиру части. Запросто можно

было вместо дембеля угодить на губу. Хамство офицеру, да ещё дежурному по части. Только сейчас, в тяжёлом воздухе спящей казармы Никишин по-настоящему понял это. И задним числом обомлел.

Трудно поднявшись, сел на койке, пошарил в тумбочке и вытащил Дембельского бога. В темноте было непросто вставить в маленькое отверстие сигаретку, но он справился. Щёлкнул зажигалкой. На втором ярусе завозились, учуяв сладкий дымок, свесили головы.

– Спать! – приказал Никишин.

Завтра он принесёт из столовой свою порцию сливочного масла и намажет Дембельскому богу губы. Выручил. Спас. Молодец!

В другое время Игорь сам бы над этим стал смеяться – дичь и дурость, чукча какой-то или индеец из амазонской сельвы!..

Но только не теперь.

3

Ближе к обеду пошли со Стасом Мининым за киселём, повар был его земляком. Гимнастёрки на сгоревшие тела накинули, но шли распояской, без ремней. И не особо прятались, хотя хождение по территории части вне строя, тем более в таком виде, не поощрялось.

Встречные офицеры делали вид, что не замечают их формы одежды. Один молодой литер было залупнулся, но быстро успокоился. Аккордники, за километр видно.

– Майор ничего не скажет, капитан, а эти из училища!.. – зло бросил Никишин.

– Дыши ровно. – Минин был невозмутим. – Молодые, службы не поняли... О, Нагорного опять захомутали!

Перед шлагбаумом КПШ стоял мотоцикл, за рулём – офицер, в коляске – солдат. Вид у солдата был смирный, даже отсюда видно.

– Не выпускают, что ли?

– Так Нагорный!.. Разрешение надо.

Нагорный был из другой роты, но его в части все знали – чэпэшник. Зимой пошёл в самоволку, напился и если бы не патруль, замёрз в снегу. Игорь по себе знал, на третьем году пропадает чувство опасности. То какой-нибудь старик полезет в трансформатор, руки ему потом ампутируют. То паров гептила по дурости нахватается. То БТР из бокса выведет и девок из ближней деревни катает. Почти на каждом общеполковом разводе о таких случаях зачитывались приказы по дивизии. На третьем году кажется, ничего плохого с тобой не случится. Всё старику можно. Какой-то стариковский синдром.

У полковника Алексанина в тот раз дрожал от ярости голос: «Что матери твоей скажу?! Она мне здорового сына отдала, а я в цинковом гробу?! Десять суток гауптвахты!» Нагорный стоял перед строем, смотрел в сторону. Раскаяния на лице видно не было, к гауптвахте ему не привыкать.

Недавно Нагорный сошёл с катушек окончательно. Оставил на берегу озера хэбэ, сапоги и записку, что добровольно уходит из жизни. Водолазы из округа обыскали всё озеро, но тела не нашли. Нагорного сняли с электрички уже перед самой Москвой. Оказалось, заранее раздобыл где-то гражданку, переоделся, а хэбэ с сапогами на берегу и записка – туфта.

Это уже было серьёзно. Дезертирство. За Нагорного взялась прокуратура. Теперь его то и дело возили в гарнизон на допросы.

– Тридцать первого декабря дома будет. С ёлочкой! – щурясь, заметил Минин. Чэпэшников обычно отпускали из части последними. Осуждает Стас Нагорного или сочувствует, было неясно.

– Если в дисбат не загремит, – хмыкнул Никишин, не сводя глаз с мотоцикла у КПП. Неприятно было видеть Нагорного, смиренно сидящим в коляске. Сломался, когда по-настоящему взялись. Слабак.

Навстречу по бетонке шёл, издали улыбаясь, библиотекарь Сверчков. Что-то в них было, этих ребятах из штаба, санчасти и клуба, выделяющее среди других. Всегда чистые хэбэ, выражение лиц?..

– Без вопросов! – Сверчков смотрел понимающими умными глазами. – А я всё думаю, почему это Никишин не заходит? Новые книги поступили, хотел тебе предложить.

– Сам видишь... – Игорь, будто извиняясь, развёл руками. Хотя с чего бы ему извиняться перед Сверчковым.

– Если выдастся свободная минута, всё же заходи. Пообщаемся, о последних публикациях в журналах поговорим.

– Сомневаюсь, что выдастся. Упираемся, как папа Карло. Аккорд, сам понимаешь... – Никишин подбирал каждое слово. Перед Сверчковым не хотелось ударить в грязь лицом, а тем более нечаянно выругаться.

Библиотекарь по-прежнему улыбался:

– А вдруг?..

Необычный парень. «Пообщаемся», «не заходишь», «книги поступили»... В армии так не говорят. Никишин обычно с удовольствием заходил в библиотеку, ему нравился запах книг, даже тонкой пыли, осевшей на стеллажах. Но интересней всего было слушать Сверчкова, тот хорошо знал поэзию. Однако кондовый старик в Никишине всё больше выдавливал ясноглазого паренька, которому легко сочинялось. Теперь уже казалось странным, почему Сверчков ведёт себя не так, как полагается настоящему старику. Одинаков со всеми, не подчёркивает, что служит третий год.

Как-то заговорили об этом. Библиотекарь дал номер «Юности» с повестью Евтушенко. Там рассказывалось о японском лётчике-камикадзе, который отказался лететь топить американские корабли. Не из трусости, а потому, что считал, это неправильно. Лётчика-камикадзе никто не понял, все отвернулись, стали презирать. Повесть о стадном чувстве, сказал Сверчков. Умении подняться над ним. Быть овцой проще простого. Слова показались Никишину высокомерными.

Не прибавило симпатий к библиотекарю и то, что он находился в строю сержантов, когда Никишина разжаловали. В части существовало правило срезать лычки перед строем, офицер из штаба уже поигрывал ножницами. Лишний раз унизить себя Игорь не дал, надел чужую шинель с погонами рядового. Но Сверчков видел его, одиноко стоящего перед строем, офицера с ножницами и всё остальное. Игорь надеялся, что вёл себя достойно, побитой собакой не выглядел, но всё равно заходить в библиотеку перестал.

Возле санчасти их перехватила медсестра Ира – невысокая, худая, лет под тридцать. Трудно было представить, как у них с Мининим получается, Стас почти двухметровый амбал.

– Стасик, пойдя сюда.

Неловко взглянув на Никишина, Минин отошёл в сторону. Немолодую медсестру он стеснялся, хотя на его месте мечтала оказаться добрая половина полка. Летними вечерами, когда разъезжались по домам офицеры, можно было увидеть, как Ирина и Стас идут в лес. В руках у медсестры покачивался целлофановый пакет с одеялом.

О чём они сейчас говорили, Никишин не слышал. Он зашёл с тыльной стороны столовой, остановился у входа в варочный зал и принялся дожидаться. Разговор Минина с Ирой затягивался. Игорь сел в тени, можно было немного отдохнуть, на полосе не посидишь. От нечего делать слушал, как ругались дежурный по столовой и хлеборез Амбарцумов. Дежурный хотел, чтобы Амбарцумов выдал на столы белый хлеб тоже, а тот клялся, что сегодня привезли только черняшку.

– Приготовь дедам пару буханок, – сказал Никишин, когда Амбарцумов с озабоченным видом проходил мимо.

Получилось не очень уверенно. Хлеборез раньше служил в их роте, на тёплом месте оказался не так давно. Умеют устраиваться. Амбарцумов не глядя кивнул, понимая, что речь идёт о белом хлебе. Уважает. После того как разжаловали, Никишин стал относиться к подобному особенно чутко.

Минин появился озабоченный.

– Скажи, чего ей надо?.. Я нормального молодого нашёл, служить, как медному котелку!.. Говорит, не нравится. Только посуду, типа, пачкает.

– Какую посуду? – не понял Игорь, поднимаясь из холодка.

– Ну, даёшь! Какая у женщин бывает посуда?..

Несмотря на габариты, Минин был деликатным человеком. Никишин ни разу не слышал, чтобы тот ругался матом – в армии большая редкость.

– И что теперь? – глуповато спросил Никишин.

Ира переходила из рук в руки, от одного призыва к другому, но кувыр-калась с кем-нибудь одним. Говорили, какой-то кусок-сверхсрочник предлагал ей замуж, но она не захотела. Ходил слух, в гарнизоне есть ещё одна любительница солдат, якобы специально откуда-то приехала. Та совсем простая, каждое знакомство начинается словами, что была сегодня в бане. А может, это разговоры. Чего с голодухи ребята не придумают.

– Что теперь? А чёрт знает! Пусть сама... Здорово, земля! – В варочном зале Минин пожал руку повару, орудовавшему в котле из нержавеющей стали большим черпаком на длинном державке. Воздух здесь был горячий, влажный, плиточный пол мокро блестел. – Как она, твоя ничего, земля? Все хоккей? Не посрамил чести города-героя Волгограда? Дедушка правильно понимает?..

Повар заулыбался и мотнул подбородком на пятилитровый чайник. Чувствовалось, ему было приятно услужить. Не только потому, что Минин земляк и дед. Ещё потому, что тот большой и весёлый.

– Сегодня компот.

– Нормально, земля, пойдёт!.. Смирно! От лица дембелей выношу благодарность с занесением в личное дело!..

* * *

Незадолго до отбоя, когда большое малиновое солнце полого било сквозь сосны, пригнали карантин. Пономарь сумел договориться с сержантами.

Это тоже было необычно – карантин в мае. Раньше салаги появлялись в части осенью. Их, в стоящих колом хэбэ, до потери пульса гоняли на плацу. В курилках потешались, глядя на иноходцев: делая шаг левой ногой, многие салаги и рукой взмахивали левой.

Расслабленные лица, необмятые гимнастёрки – гражданка так и пёрла из этих ребят. Ничего общего с хмурой настороженностью солдат. Из курилок раздавались бессмертные шуточки на тему, сколько салагам осталось служить, и совет вешаться.

В этом карантине оказалось много чёрных. Выяснилось, грузины.

– Генацвале, лопаты в руках держали? Или только ракомцетели у себя дома пили?.. Главный армейский закон знаете? Не можете – научим, не хотите – заставим!..

Пономарю хотелось выглядеть крутым дедом. Но и у него вести себя с карантинном так, как вёл в роте, не очень получалось. Эти ребята были из другой жизни. Особые. На них ещё лежал отсвет гражданки.

В помощь Никишину дали грузина, который выглядел старше других. Наверное, отсрочки получал, решил Никишин. Предстояло обшивать двухметровую стенку, её будут преодолевать эти салаги через месяц или два. По тому, как непривычно полный для солдата грузин держал топор, как принялся обрабатывать доску по ходу волокон, было ясно, дело для него знакомое.

– Плотник?

– Да. – Грузин ответил не сразу. Похоже, не очень хорошо понимал по-русски.

– Девушка есть?

– Жена есть.

Никишин внимательно посмотрел на него. Два года, конечно, не три, но всё равно. Может, у грузина и дети уже есть. Однако спрашивать об этом не стал. Слава богу, сам он с армией завязал. Почти.

– Держи кардан! – сказал он и протянул грузину ладонь.

Тот смотрел, не понимая.

– Чтобы домой быстрее вернулся. – Никишин чувствовал, выходит не по-дедовски, слишком уж простецки, несолидно, но всё же добавил: – Чтобы время быстро прошло. Домой!

– Домой, – закивал грузин и пожал руку. – Домой!..

Это он понял.

4

Последний день пришёлся на субботу. В пятницу, седьмого июня, тоже работали, пока можно было хоть что-то в сумерках рассмотреть, но закончить полосу не получилось. Утром дневальный разбудил в три часа.

Было светло. Пустынная территория части просматривалась во все стороны, шаги по бетонке раздавались далеко и чётко. Спать не хотелось, слегка познабливало – то ли от прохлады, то ли от мандража.

Суббота плоха была тем, что короткий день. В штабе могли не успеть оформить документы. Но до этого ещё надо вкопать столбы под бумы, установить сами бумы и сдать полосу – тоже непростое дело. Остаться в части до понедельника казалось невозможным. От одной только мысли хотелось завывать по-волчьи.

Часам к десяти бумы установили. Полосу должен был принимать зам по физподготовке, но его ещё нужно было найти. Пока искали, Никишин смотался в казарму, взял из тумбочки сборник Рубцова и отнёс в библиотеку.

– По коням?.. – Сверчков улыбался внимательными глазами.

– Типа того, – ответил Никишин.

Если бы не обходной, который требовалось подписать, он в библиотеку не пошёл бы.

– Что ж, удачи, – сказал Сверчков. То, что дембель не у него, а у других, библиотекаря, казалось, не расстраивает.

«И здесь он особый! – подумал Никишин. – Не в стаде. Чистоплюй!»

Чувство было сложное, наполовину с завистью. Думать, отчего так, не было времени.

Капитана Мозжухина, оказалось, нашли быстро. Когда Никишин вернулся на полосу препятствий, капитан уже ходил по ней и хмыкал. Но придирааться не стал.

– Кто смелый? Ты побежишь, Пономарёв?

– Дедушке нельзя, товарищ капитан! Дедушке надо беречь здоровье, дедушке оно на гражданке пригодится.

– Ну-ну. Так кто?

Капитан Мозжухин мало походил на обычного зама по физподготовке. Играл в шахматы, не лез из кожи перед старшими по званию, как большинство офицеров. Похоже, капитан не собирался служить все двадцать пять лет. Никишин знал, с офицерами такое случается тоже, некоторые понимают поздно, что зря пошли в военное училище.

Бежать пришлось Коршункову и Никишину, в сержантской школе им приходилось сдавать норматив. Игорь был готов ко всему (аккорд, всё на соплях!), но обошлось. Стенка, которую он обшивал с грузинком-салагой, не рухнула, и бумы устояли. Остальные препятствия тоже.

– Ладно, годится, – сказал капитан, когда Никишин и Коршунков с красными потными лицами подошли. – Пономарёв, кеды сдать не забудь, лады? – И пошутил: – Пару партишек напоследок сгоняем?..

Как на иголках – это про них. Обедать не пошли, в рот ничего не полезло бы. Переоделись в мундиры, сели на койки. Дожидаясь из штаба старшину, стали обмениваться адресами. У Стаса Минина на дембельском чемодане было выведено броскими белыми буквами: «Волки! Вы свободный народ!». Это из мультфильма о Маугли.

Старшина всё не возвращался. Никишин достал из кармана Дембельского бога, сжал в кулаке и принялся с силой трясти, сцепив до хруста зубы. Никто не улыбнулся, даже Пономарь промолчал. Рукавицын – тот опять был во внутреннем наряде – на всякий случай спрятался в ротной сушилке.

Наконец появился старшина – и всё слилось в счастливую кутерьму и неразбериху...

Дежурный автобус. Стас Минин расстелил перед КПП чистый носовой платок, вытер сапоги, отбросил платок носком красавчик Серёга Коршунков, диким голосом закричал всеобщее презрение пану Вотрубе. Дембеля радостным хором «у-у-у, сука». Провожавший водитель Загоруйко плакал, завистливый взгляд ефрейтора у шлагбаума, измозолившие глаза деревья вдоль бетонки, пятиэтажки гарнизона, унылые деревушки по бокам трассы, всё ненужное, проклятое, станция Бологое, сопровождавший сверхсрочник облегчённо выдохнул, сбавил, слава богу, запах креозота и свободы, скучная тётка в воинской кассе, как можно на гражданке скучать?!

Естественно, завалились в привокзальный ресторан. А что, гражданские люди, имеем право!.. С достоинством уселись за столик, заказали три бутылки водки и по салату. «Ой, не уедете, ребята!..» – Официантка в белом переднике и кокошнике (настоящая, гражданская!) покачала головой. Никишин, разжалованный, но всё же сержант, солидным голосом заверил: «Всё будет нормально, гарантирую». Разлили. «За дембель!» Потом пили за гражданку, девчонок, опять за дембель, ещё за что-то. Никишин посматривал на часы, важно было не пропустить поезд...

Старлей походил на собаку, взявшую след. Прямо от входа направился к их столику. За старлеем двигались два желудка со штыками и красными

повязками на рукавах. Патруль. «Спокойно, деды!» – сказал Никишин. Проблемы ни к чему. Он первым достал военный билет и проездные документы, подал офицеру: «Всё, товарищ старший лейтенант, отслужили!». Тот просмотрел. «Вы в форме, ведите себя достойно». – «Не вопрос!..». Пономарь был в своём репертуаре, бросил вслед: «Спиногрыз! Сука!» Теперь ни от офицеров, ни от сержантов сметливый сын городской окраины не зависел и мог не прогибаться, задниц не лизать. Старлей не услышал. Или сделал вид.

Из ресторана выскочили, когда поезд уже подходил. Оказалось, на улице темно. Рванули не к той платформе. «Куда! – рявкнул самый трезвый Стас Минин. – В Питер уедем!..». В вагоне горел тусклый дежурный свет, в каком-то отсеке играли на гитаре, направились туда. Ехали два дембеля и моряк в отпуск. Стали брататься, у моряка был спирт, пили, пели, моряк между куплетами кричал: «Рыба!». Сначала казалось, не по делу, потом понравилось. Чуть не подрались, когда чужой дембель сказал, что у ракетчиков не будет стоять – облучение и гептил. Громко мирились, опять пили, пели под гитару до самой Москвы, до самых тех пор, когда за окном стало совсем светло.

Удивительно, но никто нам тогда слова не сказал. Хотя в вагоне мы никому не давали спать. До сих пор не знаю – не хотели связываться или понимали нас, дурных, очумевших от свободы?

Как позже выяснилось, нам крепко повезло. В августе Варшавский договор ввёл войска в Чехословакию, и увольнять в запас перестали. Загоруйко сняли с аккорда неспроста. Многим из нашего призыва пришлось служить до декабря. Вот тебе и переход на два года! Представляю, что чувствовали эти ребята.

Куда делся Дембельский бог, я не помню. То ли потерял по дороге, то ли дома выбросил, забыв в кармане парадно-выходной формы. Но то, что меня уволили в запас восьмого июня, запомнилось навсегда.

Собственно, о Дембельском боге я уже не думал, когда утром, бледные и помятые, мы вышли на голубую утреннюю площадь перед Ленинградским вокзалом.

До того ли было? Перешагнули этот порог, армию, перед нами распахнулся звонкий простор, наполненный светом и счастьем. Назывался этот простор гражданкой.

И не думалось тогда, что минувшие три года – тоже наша единственная жизнь.

Коротко об авторах

Анисимкова Маргарита Кузьминична (1928 – 2013 гг.). Родилась в г. Ивдель Свердловской области. Окончила Свердловский государственный педагогический институт. Литературным творчеством занимается с 1950 г. В 1963—1968 гг. – заведующая отделом культуры Ханты-Мансийского окрисполкома, преподаватель Ханты-Мансийского педагогического училища; с 1968 г. – редактор Ханты-Мансийского телевидения, г. Нижневартовск; с 1985 г. – член Союза писателей РСФСР. Автор большого количества литературных произведений, в том числе по мотивам мансийского фольклора. Заслуженный работник культуры РФ.

Анохина Любовь Алексеевна. Коренная сибирячка, педагог. Много лет работала учителем, в настоящее время занимается в сфере частного бизнеса. Стихи пишет с юности, но опубликовать их решила только теперь. Живёт в Тюмени.

Бессараб Всеволод Владимирович. Родился в 1939 году в Киеве. Окончил Ленинградский инженерно-строительный институт, работал в Якутске, Калуге, Москве, Лабытнангах, в Тюмени живет с 1974 года. Человек удивительно разносторонних увлечений. Главный инженер и руководитель проектного института и треста, автор 30 научных статей, 5 запатентованных изобретений в области трубопроводного хозяйства, Заслуженный «Нефтегазостроитель», вице-чемпион мира по шахматам среди любителей, организатор десяти джазовых фестивалей российского масштаба, музыкант, автор нескольких книг. Живёт в Тюмени.

Верхозина Наталья Владимировна. Родилась в казачьей семье на Дону, в Тюмени окончила медицинский институт, долгое время работала врачом. В последнее время занимается в сфере частного бизнеса. Автор двух книг прозы. Живёт и работает в Тюмени.

Волковец Владимир Михайлович. Родился в 1953 году в п. Чур Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Костромской области и Литературный институт им. А.М. Горького (1986). Автор многих сборников стихов, в их числе «Сосновый дом» (1982), «Отцовский лес» (1986), «Солнце на подоконнике» (1998), «Одно-единственное» (2005), «Река моя, память – транзит...» (2012). Член Союза писателей России. Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы и Всероссийской им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в городе Советский.

Данилова-Пушкарь Ольга Ивановна. Врач-офтальмолог. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России. Живёт и работает в Тюмени.

Дребезгов Олег Алексеевич. Окончил Ишимский педагогический институт, но жизнь свою посвятил журналистике. Много лет был редактором Казанской районной газеты. Автор двух поэтических сборников. Член Союза писателей России. В настоящее время живёт и работает в с. Казанское Тюменской области.

Жаров Леонид родился в 1951 году в Нижнем Тагиле. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, работал в научных институтах Госстроя СССР и Академии наук СССР. С 1986 года на литературной работе. В соавторстве со своей женой Светланой Ермаковой написал двенадцать книг на бумажных носителях, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове, Архангельске, Тюмени, а также издали пятьдесят две электронные книги. В соавторстве с женой

написал полтора десятка книг, которые стали бестселлерами. Живёт в с. Тараскуль Тюменской области.

Камышников Сергей Артурович. Родился в Исетском районе, работал в различных тюменских газетах и бизнес-структурах. Автор нескольких поэтических сборников. Возглавляет Новый Союз писателей. Живёт в Тюмени.

Кириллов Игорь Викторович (литературный псевдоним **И. Северский**) родился в 1954 году в городе Красный Луч Ворошиловградской области. С 1973 по 1975 год служил в Советской армии. В это же время в областной молодёжной газете «Молодогвардеец» выходит первая большая подборка стихов. С 1976 года живёт и работает в Ханты-Мансийском автономном округе. С 1978 по 1996 год работает корреспондентом, заместителем редактора, редактором в различных газетах Югры, руководителем пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа, пресс-секретарём главы Нефтеюганского района. Автор двух сборников стихов «Письмена» и «Фрески», публиковался в нескольких коллективных поэтических сборниках и литературных альманахах. Член Союза журналистов России и член Союза российских писателей. Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа Югры.

Козлов Виктор Николаевич – родился в 1937 году в селе Овчинниково Косихинского района Алтайского края. Окончил Уфимский нефтяной институт (1961). Автор многих книг стихов, художественной и документальной прозы, в их числе – «Теплынь» (1994), «Дорога длиною в четверть века» (1997), «Троицыно утро» (1998), «Блуждающий ручей» (2001), двухтомник «Первопроходцы» (2003; 2005). Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы и Всероссийской им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в Мегионе.

Козлов Сергей Сергеевич, родился в Тюмени, по окончании Тюменского государственного университета работал учителем, директором школы, главным редактором газеты «Новости Югры». Депутат Тюменской областной Думы 5-го созыва. Автор большого количества книг прозы, по двум произведениям сняты художественные фильмы. Лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России.

Луцкий Сергей Артёмович – родился в 1945 году в с. Дзыговка Ямпольского района Винницкой области. Окончил Черновицкий индустриальный техникум (1965) и Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг прозы «Десять суток, не считая дороги» (1980), «Яблоко в жёлтой листве» (2000), «Ускользящее время» (2005), «Причастный» (2010), «На восток от Гольфстрима» (2010) и других. Член Союза писателей России. Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы, Всероссийской им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живёт в селе Большетархово Нижневартовского района.

Мизгулин Дмитрий Александрович – родился в 1961 году в г. Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт (1984) и Литературный институт им. А.М. Горького (1993). Кандидат экономических наук. Автор многих поэтических сборников, в их числе «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «География души» (2005), «Новое небо» (2008), «Утренний ангел» (2011), «Ненастный день» (2011). Член Союза писателей России. Председатель правления Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России. Лауреат премии губернатора автономного округа в области

литературы, Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, премий «Петрополь», «Традиция». Живёт в Ханты-Мансийске.

Московкин Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета. Рассказ «Одинокое плавание» – первый литературный опыт. Живёт в Тюмени.

Пачежерцев Николай Иванович. Старший научный сотрудник Тюменского государственного университета. Занимается проблемами межнациональных и межконфессиональных проблем. Живёт в Тюмени.

Переплёткин Юрий Иванович. Свою первую заметку опубликовал в школьном возрасте, поэтому журналистика стала осознанным выбором профессии, которой остался верен до сих пор. Работал собственным корреспондентом газет «Тюменский комсомолец», «Известия». Автор книги прозы «Особый регион», был редактором-составителем большого числа книг о тюменских нефтяниках. Живёт в Тюмени.

Синюкова Мария Андреевна. Родилась в г. Хабаровске. Окончила отделение журналистики Тюменского государственного университета. Преподаёт в ТюмГУ. Живёт в г. Тюмени.

Страхов Валерий Георгиевич. Значительную часть жизни посвятил журналистике, работал в газетах на разных должностях. В том числе – редактором Сладковской районной газеты. Автор нескольких художественных книг. Член Союза писателей России. Живёт в с. Сладково Тюменской области.

Сезёва Наталья Ивановна, доктор искусствоведения, член Союза художников России, член Ассоциации искусствоведов РФ (АИС), зав. отделом художественной культуры и искусства края Тюменского музея изобразительных искусств ГАУК ТО «Музейный комплекс им. И.Я. Слоцова». Живёт в Тюмени.

Шестаков Александр Евгеньевич. Профессиональный журналист. Автор большого количества книг для детей. Сам же эти книги иллюстрировал своими рисунками. Член Союза писателей России. Живёт в Тюмени.

Юрченко Станислав Георгиевич – родился в 1948 году в г. Кривой Рог Днепропетровской области. Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (1971). Автор многих сборников стихов, поэм и прозы, в их числе «Причастие» (1988), «Осенний листопад» (1998), «Переулки забытых свиданий» (2000), «Таёжный родник» (2004), «Предзимье» (2008), «Мост» (2010). Член Союза писателей России. Лауреат премии губернатора автономного округа в области литературы. Живёт в городе Советский.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На наклейках репродукции художника
Николая Соколова.

Альманах зарегистрирован Западно-Сибирским
территориальным управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 17-0413 от 23 мая 2006 г.

Адрес редакции:

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6
тел./факс: (3452) 75-73-33, тел. 695-630
E-mail: vrata_sibiri@mail.ru

Электронная версия журнала: www.tid.ru

ПРИМЕЧАНИЕ. Почтовое отправление и заявки на подписку
посылать по адресу:

**625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,
тел. 75-73-33.**

Издатель: ОАО «Тюменский издательский дом».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6,
тел. (3452) 75-78-88.

Подписано в печать и свет 05.11.2014 г.

Формат 70x108¹/₁₆. Бумага ВХИ.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2279. Цена свободная.

Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом».

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера *С. Дерябин.*

Корректор *Т. Назырова.*

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а. л., поэзия – 5 а. л., публицистика – 3 а. л.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе и в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

